

С.Г. Корконосенко

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Учебное пособие

**Тольятти
ТГУ
2009**

Федеральное агентство по образованию и науке
Гуманитарный институт
Тольяттинский государственный университет
Кафедра «Журналистика»

С.Г. Корконосенко

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Учебное пособие

Тольятти
ТГУ
2009

УДК (070:32.001)(075.8)

ББК 76.01:66

К668

Рецензенты:

д.филол.н., профессор факультета журналистики

Санкт-Петербургского государственного университета *Л.П. Громова*;

д.филол.н., профессор кафедры «Философия» Тольяттинского
государственного университета *Н.Ф. Шаронов*.

К668 Корконосенко, С.Г. Актуальные проблемы современности и журналистика : учеб. пособие / С.Г. Корконосенко. — Тольятти : ТГУ, 2009. — 184 с.

В учебном пособии прослеживаются взаимосвязи журналистики с решением центральных проблем современного общества. Перво-степенное внимание уделяется функционированию прессы в сфере политики. С этой целью привлекаются теоретические и методические ресурсы политологии журналистики. Значительная часть книги посвящена пониманию журналистики как части национальной культуры.

В этом свете проводится экспертиза уровня квалификации журналистов и их интеллектуальной подготовленности к выполнению общественного долга и служебных обязанностей. Тематика рассматривается в проблемно-дискуссионной постановке, что предполагает активное участие студентов в поисках ответа на сложные вопросы социального функционирования журналистики.

Для студентов специальности «Журналистика» дневной и заочной форм обучения, аспирантов и преподавателей высшей школы, занимающихся проблемами участия прессы в социальной жизни.

Рекомендовано научно-методическим советом Тольяттинского государственного университета.

© Тольяттинский государственный университет, 2009

Введение

Курс «Актуальные проблемы современности и журналистика» читается на 5 курсе дневного отделения и 6 курсе ОЗО. По содержанию он представляет собой своего рода обобщение тех знаний о месте журналистики в современном мире, которые студенты ранее получали в рамках других дисциплин учебного плана. Какие проблемы сегодня особенно актуальны? Как все они могут поместиться в один учебный предмет? Можно ли делить все бесчисленные вопросы, встающие перед человеком и обществом, на более и менее значимые? Такое деление было бы искусственным и заведомо неточным. Значит, с одной стороны, нам неизбежно придется ограничить круг рассматриваемых тем, а с другой стороны, мы не будем принижать значение других насущных вопросов, которые не попадают в поле нашего рассмотрения.

Итак, в данной версии курса и в конкретном университете основными будут два тематических направления — *положение журналистики в современном социальном мире* и *свойства журналистики как общественной деятельности и профессии*. Так и строится учебное пособие. Эти направления, на наш взгляд, достаточно насыщены проблемным содержанием, чтобы отразить самые острые противоречия, возникающие во взаимодействии прессы с меняющимся миром, показать динамику самой журналистики под влиянием общественных процессов, разобратся в путях и способах ее влияния на общество и его институты.

Первое направление мы рассмотрим главным образом через призму политического функционирования прессы, как особенно значимой стороны ее практики и тематической специализации. Для этого привлекаются теоретико-методические ресурсы политологии журналистики — относительно новой, но активно утверждающей себя научной и учебной дисциплины. Политологами называют себя те журналисты, кто занят наблюдением за деятельностью властей, развитием демократических процессов, партийным строительством и т. п. Так же именуют себя исследователи политической журналистики. Однако, как показывает изучение взглядов и высказываний тех и других специалистов, между ними нет согласия по поводу содержания и целей их деятельности, взаимоотношений с политологией как общественной наукой, влияния журналистики на политику и политики на прессу и др.

Эти и подобные разногласия возникают, прежде всего, потому, что не прояснены общие вопросы о положении и функционировании журналистики в политическом и — шире — социальном мире. Дополнительные сложности создает возрастающая деловая активность в смежных областях: в политической рекламе, технологическом обеспечении избирательного процесса, политическом лоббировании и т. п. Как обычно, дает о себе знать и уверенность в том, что ответы на все вопросы подскажет редакционная практика. Между тем именно чрезмерные упования на интуицию и производственный опыт как раз и порождают многие просчеты. Чтобы точно определить свою позицию в этом профессиональном пространстве, надо специально погрузиться в изучение политологии журналистики.

Вторая часть пособия посвящена проблемным ситуациям в понимании тенденций развития самой журналистики. Здесь концепции и опыт прессы рассматриваются в связи с процессами, идущими в социально-культурной сфере. В этом свете проводится этическая и профессионально-методическая экспертиза деятельности СМИ, уровня квалификации журналистов и их интеллектуальной подготовленности к выполнению общественного долга и служебных обязанностей. Факты из практики редакций рассматриваются с привлечением выводов, сделанных в науке профессиологии, которая в последние годы глубоко и настойчиво интересуется журналистикой.

Пособие включает в себя материалы, которые, как правило, еще не вошли в распространенные учебные издания. Особенность изложения заключается, прежде всего, в том, что опыт прессы анализируется перекрестно: и с точки зрения производственных задач редакций, и в свете теоретического знания о взаимодействии журналистики и общества. Тематика рассматривается в проблемно-дискуссионной постановке, что предполагает активное участие студентов в поисках ответа на вопросы, не имеющие однозначного решения.

Конечно, для овладения материалом курса недостаточно одного небольшого издания. От студентов потребуются глубокая и разнообразная эрудиция в таких областях, как структурирование научного знания о журналистике, различие в подходах к изучению прессы с позиций общественных наук и теории журналистики, потребности редакционной практики в ее научном обеспечении. Как правило, вопросы такого

плана раскрываются в новейших литературных источниках, причем зачастую содержащих противоречивые взгляды и оценки. Рекомендуется ознакомиться с максимально возможным количеством таких источников, чтобы не оказаться в зависимости от однозначных суждений какого-либо специалиста. Удобный и доступный материал для знакомства с разнообразием суждений и фактов представляют, в частности, ежегодные выпуски материалов конференций: «Журналистика в ... году» (МГУ), «Журналистика и социология» (кафедра социологии журналистики СПбГУ), «Дни Петербургской философии» (секция «Журналистика в мире политики») и др. В учебное пособие включен список литературы, который поможет самостоятельно разобраться в сложной проблематике в целом и в отдельных вопросах. Хотелось бы также посоветовать читателям соотносить научно-теоретические знания с регулярным наблюдением за текущей практикой журналистики в России и других странах.

В пособии использованы материалы исследовательского проекта Минобрнауки РФ № 2.1.3/3713.

1. СОЦИАЛЬНО-НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

- Российское общество без российской журналистики?
- Потребность практической журналистики в научном обосновании
- Развитие журналистики: спонтанность и моделирование

В названии этого раздела нет особенной загадочности. Имеется в виду такой угол зрения на журналистику, который позволяет увидеть ее отношения с реальным обществом и оценить ее практику с точки зрения общественных интересов. При этом мы будем опираться на систему знания об обществе, или современную социальную науку. Значит, за порогом нашего внимания останутся многие внутренние для прессы, собственно производственные и творческие вопросы, которым посвящены другие учебные курсы. Но прежде чем рассматривать отношения журналистики с социальным миром и социальной теорией, надо договориться, что будет пониматься под журналистикой. По крайней мере, что имеет в виду автор. Ведь другие специалисты, несомненно, предложат свои толкования и определения, и это постоянно происходит в научной и учебной литературе. Заметим, что здесь мы предлагаем не академические определения объекта (это не входит в задачи курса), а описательные характеристики тех форм, в которых журналистика предстает, являя себя миру.

Российское общество без российской журналистики?

Решить эту задачу нам особенно важно потому, что литература пестрит различными наименованиями, и время от времени делаются попытки «влиять» в одно из них все прочие. Так, например, подчеркивается, что хотя понятия средства массовой информации и средства массовой коммуникации могут восприниматься как синонимы, предпочтительнее использовать наименование СМК как якобы более актуальное в содержательном отношении и чаще используемое в теории и практи-

ке¹. И далее к СМИ, вопреки устоявшимся представлениям и правовым нормам, причисляются книги, кино, компьютер... Журналистика же в массово-коммуникационных контекстах не возникает совсем.

Думается, что нужды в таких слияниях и заменах нет. Чем определеннее разграничены явления и понятия, тем точнее будут описаны их специфика и социальные «полномочия». Журналистика, согласно энциклопедическим справочникам и учебникам, — это общественная и производственная деятельность по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации (через печать, радио, телевидение, кино и т. п.); еще одно значение этого слова — совокупность организаций и средств сбора и доставки информации: в первую очередь редакции, а также телерадиокомпании, информационные агентства и их производственно-техническая база («инфраструктура»). Этим же термином обозначается продукция журналистской деятельности — произведения, из которых составляют номера газет и журналов, программы радио и телевидения. Наконец, так называется определенная отрасль научного знания и образования.

Как мы видим, журналистика представляет собой богатое смыслами, многоплановое понятие. Таким оно стало в результате долгой эволюции и самой деятельности, и знания о ней. Ряд специалистов рассматривают многозначность слова и явления как трудность, которую надо преодолеть путем упрощения, отсеечения каких-либо «второстепенных» смыслов. Странно было бы наблюдать подобные опыты над такими сложными объектами, как, скажем, литература или физика, государство или наука.

В американской и европейской лексике (а с некоторых пор и в России) широко используется понятие *mass media*, массмедиа (или просто *media*, медиа). С двадцатых годов прошлого столетия, когда был впервые введен в употребление этот термин, западные специалисты отмечают, что его реальное содержание заметно расширилось. Сегодня оно вбирает в себя различные средства, используемые для доставки информации массовой аудитории (радио, телевидение, кабельное ТВ, газеты, журналы, книги, диски, электронные средства связи), и охватывает

¹ Коновченко С.В., Киселев А.Г. Информационная политика в России / С.В. Коновченко, А.Г. Киселев. М., 2004. С. 39; Яковлев И.П. Современные теории массовых коммуникаций / И.П. Яковлев. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 4.

различные стороны жизни населения, помимо получения оперативной журналистской информации. Именно это понятие по смыслу теснее всего смыкается с СМК. «Медиа» явно претендует на универсальность, по меньшей мере, при характеристике коммуникационных каналов, находящихся в распоряжении современного жителя планеты. Отсюда — расширительное употребление таких «отпочкований», как «медийный», «медиафера», «медиабизнес» и др.

Некоторые научные школы предлагают еще более развернутое понимание медиа. В частности, современные последователи легендарного (и парадоксального) канадского мыслителя М. Маклюэна сегодня пишут следующее: «До Маклюэна были представления и выставки, искусство и развлечение, спектакли и реклама... До Маклюэна были массовая коммуникация, массовая культура и массмедиа. Последние представляли собой категорию в основном ограниченную печатным делом, вещанием, кинематографом и звукозаписью; напротив, Маклюэн в книге *‘Understanding Media’* (1964) рассматривал речь, письмо, велосипеды, электрический свет, телефон, игры, одежду, домашнее хозяйство, города и оружие *как медиа*»².

Вместе с тем слово «журналистика» (journalism) отнюдь не исчезло из международного профессионально-речевого оборота. Оно, согласно, например, американским справочникам, соотносится с выпуском периодических изданий и, что нас особенно интересует, с освещением актуальных событий и явлений³. В нашем отечестве также нет реальных причин для вытеснения журналистики из словаря и из числа объектов изучения. Она не растворяется в смежных сферах, а остается самостоятельным, конкретным феноменом производственно-трудовой деятельности, профессиональной практики и общественной жизни. Как таковая она вызывает к специализированному научно-теоретическому анализу.

В дальнейшем мы будем вести речь о социально-научном отражении именно журналистики, во всем многообразии значений, стоящих за этим словом. Однако первостепенное внимание будет обращено к практике, опыту жизнедеятельности прессы. Это принципиальная установка. Отрицание практики со стороны исследователей журналис-

² Strate L., Wachtel Ed. Introduction / L. Strate, Ed. Wachtel // The Legacy of McLuhan / Ed. by L. Strate, Ed. Wachtel. Cresskill (New Jersey, USA), 2005. P. 2.

³ Элмор Р. Терри. Словарь языка средств массовой информации США / Терри Р. Элмор. М., 1992. С. 311.

тики, когда такое встречается, нельзя оценивать иначе, как бессодержательную гимнастику ума. Журналистская наука, в отличие от некоторых других областей гуманитарного познания, находит свой объект, прежде всего, в живой действительности — а именно в опыте прессы и порождаемых им идеях. Преодоление опыта имеет точно очерченные границы: наука о журналистике «питается» прессой и существует благодаря ей, наука охватывает только те пределы, в которых действует сама пресса. Далее либо начинается беспредметное умствование, либо мы вступаем на территорию другой научной дисциплины. А это ведет к серьезным просчетам в понимании своего объекта, в чем мы сможем убедиться по мере дальнейшей разработки темы.

Есть ли, однако, сейчас основания говорить о журналистике как о **целостном образовании**, в частности, в нашей стране? Может, правильное будет констатировать, что она раздроблена на бесчисленные фрагменты, которые не подчиняются общим правилам и оценкам и встроены в столь же дробные сегменты общества? Этой сложной проблемой мы займемся специально.

В конце восьмидесятых годов прошлого столетия ленинградский социолог А.Н. Алексеев занялся собиранием коллекции неформальной (как тогда говорили) прессы. Перестройка катилась к закату, зарождалось новое, непонятное еще, устройство общественной жизни, цензурно-идеологический контроль не успевал пресекать напористый самиздат... В коллекции Алексеева скопились сотни образцов, и каждому становилось ясно, что перед ним — хранилище «посадочного материала» для грядущего разнообразия в газетно-журнальном мире. Те посевы возшли на наших глазах. На 1 января 2008 г. в России было зарегистрировано 92850 средств массовой информации, из них 73078 печатных и 19772 электронных. Об этом сообщила Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и культурного наследия. Отмечается, что с каждым годом количество зарегистрированных СМИ в стране растет⁴. За десять лет пресса увеличилась по количеству в три раза. При этом добавилось и много нового в качественных характеристиках. Специалисты по типологии СМИ теряются в определениях и уточнениях к своим некогда надежным схемам. Так, срочно потре-

⁴ Интернет-СМИ дожимают печатную прессу : <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2008/03/12/291740>.

бовалось принять во внимание политически оппозиционную прессу, которая служит зримой иллюстрацией плюрализма в духовно-идеологической жизни государства. Однако она не очень многочисленна и не обладает ощутимым влиянием на основную массу населения, а спектр ее интересов — политика — слишком узок, чтобы вместить в себя всю пестроту содержания и форм нынешней журналистики. Недавно профессор из Белгорода А.П. Короченский поставил вопрос о комплексном исследовании более широкого явления — альтернативной прессы⁵. Имеется в виду всякого рода инакость, особость, в ряде случаев подаваемая как вызов устоявшимся взглядам, вкусам и образу жизни. За каждым таким изданием может стоять небольшая группка читателей, но общее количество таких групп чрезвычайно велико.

Если видоизменения в составе федеральной и региональной периодики, в облике крупнейших изданий и телерадиокомпаний еще удастся уловить, то самопроизвольно подрастающие их младшие «братья и сестры» не поддаются традиционному учету и систематизации. К подобной прессе можно отнести «малые» музыкальные и салонные издания, журналы молодежных клубов и т. д., и волей-неволей задаешься вопросом: не пора ли всерьез изучать «тусовочную» журналистику? Не замечать этих новичков информационного сообщества — значит, не считать их публику суверенными сегментами аудитории, или, если угодно, такими же полноправными гражданами, как и читатели более привычных СМИ.

В глубинке «однолошадный» редактор запускает газету «Российский фермер» — для таких же, как он сам, а в столице проходит презентация «Буржуазного журнала» — для распространения в ресторанах, магазинах и спортивных клубах. В Петербурге опытный газетчик И.А. Сидоров с сердечной болью объявляет, что качественная журналистика при смерти по причине тотальной бедности населения, да и самих журналистов, а в это время проходят заседания Гильдии главных редакторов, людей отнюдь не нищих...

⁵ Короченский А.П. Альтернативная пресса как лаборатория новых идей и ценностей / А.П. Короченский // Журналистика в 2004 году: СМИ в многополярном мире. Ч. 1 / редкол.: Я.Н. Засурский, М.И. Алексеева, Н.А. Богомолов и др. М., 2005. См. подр.: Alternatives on Media Content, Journalism, and Regulations: The grassroots discussion panels at the 2007 ICA Conference / Ed. by Seeta Peña Gangadharan, Benjamin De Cleen, Nico Carpentier. Tartu University Press, 2007 : http://www.researchingcommunication.eu/reco_book2.pdf

Зачем потребовался этот краткий этюд о растущей полифонии в журналистском оркестре? Чтобы яснее обрисовать масштабную проблемную ситуацию, с которой сегодня сталкиваются и общественность, и исследователи прессы, и, в первую очередь, практики. Вернемся к поставленному выше вопросу: вправе ли мы вести речь об отечественной журналистике как о едином явлении? Или у каждого слоя населения — своя «конституция» в мире прессы, как и у каждой отдельной редакции? Уместно ли, далее, рассуждать о системе СМИ или надо согласиться с тем, что нормой стали хаос и разноречивость? Наконец, есть ли хоть какой-нибудь резон в попытках сблизить (создать заново?) дух профессиональной солидарности в журналистском сообществе, как, впрочем, и самое сообщество?

В быту и теоретических дискуссиях мы склонны обобщать: «вся журналистика», «все журналисты»... Если при этом не учитывать реальное многообразие, то перед нами типичный случай слепоты и некомпетентности. Или откровенного издевательства, когда всех журналистов огульно обвиняют в продажности, безграмотности и невоспитанности. Но в этом обобщении можно уловить и другой смысл: потребность в журналистике как консолидированной силе. Признанные в мире социальные теории гласят, что современное общество, расколотое частными, деловыми и политическими интересами на мириады ячеек, стягивается воедино благодаря публичной сфере, в том числе и прессе. Может ли «стянуть» Россию расколота пресса?

Конечно, столь ответственный социальный заказ выполнить невозможно, если двести тысяч российских журналистов будут и дальше жить, как строители Вавилонской башни, вдруг потерявшие способность понимать друг друга. Между тем им тоже есть что строить объединенными усилиями. Нет, не корпорацию профессионалов, как нередко думают и пишут коллеги: она всего лишь способ и среда совместного проживания. И не правовое демократическое государство, потому что журналистам не дано договориться между собой о его параметрах, да и не по плечу корреспондентам такая великая стройка. Наша «башня» — это национальная система журналистики. Имеется в виду не только стройная конструкция, собранная из информационных каналов и редакций, но и профессионально-культурное своеобразие российской прессы, отличающее ее от национальной журналистики Финляндии,

Индии и Бразилии. Понятно, что речь не идет об унификации приемов труда и, тем более, о шаблоне творческих замыслов и решений. Культурное единство необходимо в том богатом, трудно выразимом и все-таки реальном смысле, в каком мы говорим о российской школе театра и образования, симфонической музыки и математики.

Если проблему не ставить так крупно, то, во-первых, придется, смириться со всевозможными заимствованиями из чужого опыта, которые выглядят нелепыми пришельцами на российском ландшафте. Чего стоят, например, инфотейнмент, финишинг, паблисинг, замелькавшие вдруг в редакционном лексиконе и в учебных пособиях! «...И тогда корреспондент перестает быть информатором, а превращается в коммуникатора», — это цитата из сочинения начинающего исследователя. Есть подозрение, что он и сам неясно понял, что написал. Но главное, очень уж сомнительная доблесть — стать в журналистике коммуникатором. А остался ли он автором произведения, в которое вложил и ум, и личное восприятие ситуации, и литературный дар?

Во-вторых, мы окончательно привыкнем смиренно сносить покушения на национальные раритеты, расположенные на «территории» прессы. О драматической судьбе «толстых» литературных и научно-популярных журналов, которыми не так давно страна могла гордиться перед всем белым светом, написано предостаточно. Несколько лет назад прошло почти незамеченным аннулирование государственной поддержки местной печати. «Районки» — газеты маленькие, а достояние это огромное, ведь через них открывают себя миру миллионы сельских жителей, до которых не добираются летописцы столичной истории. Потом пришло время реформы местного самоуправления, плохо продуманной в массово-информационной части. Фактически городская и районная печать лишилась поддержки и со стороны муниципальных органов власти — разумеется, под аккомпанемент риторики об обеспечении ее независимости. Не те обстоятельства жизни у большинства местных изданий, чтобы полагаться на «спасительные» рыночные механизмы.

В-третьих, мы утратим целостный объект изучения и преподавания журналистики в университетах. Будем рассматривать частности (прямой эфир на ТВ, дизайн вечерней газеты, стиль репортажа...), но без отнесения к общим процессам, идущим в политической и культурной жизни нации, без связи с ее историческими корнями и завтраш-

ним днем. Осколочное знание заведомо неполно и потому ущербно и бесполезно. Между прочим, еще в начале 70-х гг. XX века вышла основательная монография американских авторов об альтернативной прессе в США⁶. Однако наличие такой подсистемы ничуть не мешает рассматривать незаурядное явление под названием «американская журналистика» (но не «пресса в США»). Так кто же мы — российская журналистика или сотни журналистиков, рассыпанных по России, такой разноликой, но пока еще, к счастью, единой?

Думается, есть магистральные пути, ведущие к единению. Назовем их тезисно. Для начала надо умерить азарт разрушения накопленного опыта. Если говорить об истории с местной печатью, то не грех бы обернуться на соседей. Польский профессор М. Геруля установил, что в его стране дореформенные местные газеты оказались жизнеспособнее, чем пришедшие было им на смену «послереволюционные» новоделы. В активе старых изданий — налаженные связи с населением, профессиональная квалификация сотрудников и, как ни парадоксально, гибкость, приспособляемость к меняющимся обстоятельствам⁷. За этим примером никоим образом не скрывается призыв остановить прогресс. Журналистика жива и прекрасна благодаря тому, что ее паруса непрерывно наполняет ветер обновления. Но и без системы остойчивости она рискует потерпеть скорое крушение. То же относится к смене поколений. Финская исследовательница С. Пасти — в недавнем прошлом российская журналистка — провела десятки интервью с сотрудниками наших СМИ. Оказалось, что «советские» и «постсоветские» по стажу коллеги чуть ли не диаметрально противоположно понимают свою профессию, свое место в ней и т. п.⁸ Казалось бы, в интересах однородности следует избавиться от стариков с их атавизмами. Но при этом будут утрачены их знакомства в других редакциях, память о прошлых спорах на профессиональные темы и исправленных ошибках... Тогда уже точно единство станет недостижимым — почва для него исчезнет.

⁶ Mass Culture Revisited / B. Rosenberg, D.M. White (eds). New York, 1971.

⁷ Геруля М. Аудитория польской местной прессы в период общественно-экономической трансформации (1989–1990-е гг.) / М. Геруля // Журналистика и социология'2004; культура общества и достоинство журналистики / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб., 2005. С. 82–84.

⁸ Пасти С. Российский журналист в контексте перемен Медиа Санкт-Петербурга / С. Пасти. Тампере, 2004.

Мощным фактором интеграции служит профессиональная высшая школа. Только солидные университеты с их системным знанием могут служить надежной опорой отечественной журналистике. Никакие доморощенные мастер-классы и краткосрочные курсы не обеспечат консолидацию, только усугубят распыленность. Далее — регулярные дискуссии в национальном масштабе по коренным проблемам развития прессы. Например, пока профессиональные журналы будут расходиться поштучно, а не лягут на стол каждого корреспондента, внутрикорпоративные контакты останутся фикцией. Уточним: тираж журнала «Журналистика и медиарынок», учредителем которого является Союз журналистов РФ, составляет около 1,5 тыс. экз. Далее — язык профессионального общения. Сегодня он так приблизителен и так густо нашпигован модными бессодержательными англицизмами, что образ Вавилона поневоле еще раз приходит в голову. И конечно, интенсивно развивающаяся наука, имеющая прямые выходы к практике, вырабатывающая модели прессы различных уровней.

Мы еще не раз обратимся к названным здесь и другим факторам сплочения, сохранения отечественной журналистики в целостном виде. Но один из главных выводов уже сделан: для самосохранения прессе объективно необходима зрелая теория. Этот тезис заслуживает более подробного рассмотрения.

Потребность практической журналистики в научном обосновании

Итак, необходимость теории журналистики как самостоятельной дисциплины диктуется в первую очередь потребностью объекта (журналистики) в его сохранении и развитии. Однако двигаться к стройной теории «от объекта» — это совсем не значит подчиняться его теперешнему состоянию и обслуживать его конъюнктурные запросы. Нельзя не увидеть различие между тем, чего ждут от науки конкретные журналисты (а часть из них совсем не расположена к сотрудничеству с учеными), и тем, в чем объективно нуждается журналистика. Именно ее потребности, которые тесно связаны с интересами общества, служат ориентиром для науки и исследователей. Таким образом, необходимость в теоретическом отражении журналистской практики не обязательно будет адекватно отражаться сознанием отдельных представителей практики,

или групп профессионалов, или даже профессиональной корпорации. В этом положении нет драматического разлада, так же, как нет его в различии взглядов на задачи и содержание теории журналистики среди тех, кто специально занимается ею.

Наука служит практике, но она имеет и другие стимулы своего развития. В значительной степени она откликается на потребности и запросы, которые рождаются в результате уже проведенных исследований, которые неизбежно возникают перед научным сообществом согласно логике движения исследовательской мысли. Эта плодотворная инерция познания свойственна, разумеется, не одной лишь теории журналистики, а любой области специализированного познания. Но как раз включенность в общенаучные процессы и тенденции, в поток непрерывного пополнения имеющегося знания придает теории журналистики дополнительную жизнеспособность. Обратной стороной самодвижения является ее зависимость — добровольная и сознательно принимаемая — от смежных научных дисциплин, в первую очередь от социально-гуманитарных. Отношения с ними отмечены как единством и гармонией (взаимодействие и взаимовлияние), так и противоречиями (различия в понимании и интерпретации общего объекта анализа). Нам предстоит вникнуть в эти отношения и верно их оценить, ибо они играют важнейшую роль в самоопределении теории журналистики.

Смежные научные дисциплины вырабатывают понятия, без которых невозможно обойтись при изучении журналистики. Такое заимствование позволяет экономить ресурсы своей отраслевой науки и дает ей мощный импульс качественного роста. Одним из самых ярких примеров служит сравнительно недавнее ее соприкосновение с кибернетикой. Привнесение в науку о прессе идей, категорий, терминологии, предложенных Н. Винером, А.И. Бергом, В.М. Глушковым и другими крупными учеными-кибернетиками, открыло целые направления теоретической мысли. Информационное измерение журналистики, содержание и формы обратной связи, системное описание роли прессы в социальном управлении и самоуправлении — все эти темы невозможно рассматривать вне информационно-кибернетического научного контекста.

Использование понятийного и эмпирического материала смежных дисциплин раскрывает для нас код общения с ними и позволяет избежать дилетантизма при освещении специальных вопросов. Нам не

удалось бы вступить во взаимодействие со «смежниками», если бы мы не использовали всесторонне осмысленные в ней категории. Обращение к ним помогает нам увидеть реальную пользу от сотрудничества. Но еще важнее осознать те сложности, которые связаны с адаптацией привносимых со стороны понятий и методологических подходов.

Первая сложность. Нельзя облегчать себе задачу, механически встраивая перенимаемые кванты знания в журналистский контекст. Требуется строгость и глубина мышления, чтобы не допустить их вульгаризации поверхностной аранжировкой. В то же время нужно осознавать, что под влиянием специфики журналистской деятельности заимствованные понятия обретают новую жизнь, используются для обозначения качественно иного материала.

Сошлемся на расхожее именование прессы «четвертой властью», или «четвертым сословием». В своем исходном значении данная метафора маркирует одну из многих теоретических доктрин, которая либо находит воплощение в определенной социальной системе (как в США), либо занимает место на книжной полке рядом с другими представлениями о политической роли прессы (как в нашей стране). Американец или европеец воспринимает прессу как самостоятельный и влиятельный общественный институт и знает о сложнейшем механизме, который призван обеспечивать ее функционирование в данном качестве. В сознании же российского пользователя понятия возникает образ журналиста с дубинкой в руках, который не дает сказать слова ни политику, ни бизнесмену, ни человеку с улицы. Соответственно, у нас нет и адекватного смыслового наполнения иноязычной метафоры. По этой причине иной раз возникают характерные казусы. Английское слово *estate* имеет несколько значений (сословие, имущество, имение и др.). В одном из переводов на русский язык статьи американского автора для выражения *the fourth estate* (четвертое сословие) было выбрано значение «четвертая недвижимость»⁹ — то есть условное, кодовое наименование не вызвало у переводчика никаких ассоциаций с российской реальностью.

Но дело, конечно, не в языковых тонкостях. Исследователям и практикам журналистики полезно помнить, что в строгом политологическом измерении «четвертой власти» не существует и не стоит

⁹ Судьи и журналисты в странах Восточной Европы в период перехода к демократии / под ред. Г. Шварца и Ч. Брауна. СПб., 2000. С. 167.

искусственно производить ее в ранг объективно существующих явлений. Для современного российского социума более реалистичными представляются следующие политологические рассуждения: «В самой природе средств массовой информации заключено противоречие между двумя основными функциями СМИ:

1) информационное обеспечение функционирования властных структур;

2) информационное обеспечение реализации общественных интересов индивидуумов, социальных групп, т. е. всего гражданского общества.

Это противоречие лежит в основе двойственной трактовки роли средств массовой информации в социально-политической науке... /оно/ породило в массовом сознании, прежде всего журналистского сообщества, мнение о СМИ как о “четвертой власти”.

Но... было бы правильнее рассматривать понятие “информационная власть” в качестве одной из форм политической власти. Элита СМИ зачастую лишь инструмент власти, определенных политических группировок, представляющих интересы тех или иных финансовых групп»¹⁰.

Еще одно понятие — социальные роли журналистики — мы приводим для того, чтобы показать, как благодаря обращению к смежным дисциплинам удастся решить крупную проблему в теории журналистики. В социологии и социальной психологии уделяется большое внимание социальным ролям личности. К ней предъявляются особые, ролевые ожидания в зависимости от конкретной среды, в которой оказывается человек. Воспользовавшись этой моделью, мы можем изучать журналистику в различных социальных средах, каждая из которых предъявляет ей свои, особые ожидания. По нашим представлениям, пресса одновременно функционирует в экономической, духовной, политической и социальной сферах жизни общества, и в каждом случае ей предписывают соответствующие роли. Так выявляется свойство многомерности, присущее журналистике, и тем самым снимается дискуссионный вопрос о ее «главной» или «единственной» природе.

Вторая проблема сотрудничества со «смежниками» заключается в том, что они, как правило, рассматривают журналистику не комплекс-

¹⁰ *Стариков А.Г.* Модели взаимоотношений политической элиты и элиты СМИ в современной России : технологии управления политическим процессом / А.Г. Стариков // Филол. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2005. № 1. С. 52.

но и целостно, а односторонне и под своим углом зрения. Соответственно их понятийно-терминологические ряды выглядят бедными, одноплановыми. Столь же ненадежными оказываются и дефиниции, которые относятся к явлениям из области функционирования прессы. В результате, например, социологическая однозначность дает весьма бледные трактовки журналистики или связанных с ней явлений и феноменов.

Подобное происходит и в политологии, где все реальное богатство журналистики умещается в понятии политической коммуникации. Известные специалисты-политологи выводят свое определение средства массовой информации, в котором отсутствует коренной его признак — периодичность распространения: «СМИ представляют собой учреждения, созданные для открытой, публичной передачи с помощью специального технического инструментария различных сведений любым лицам. Их отличительные черты — публичность, т. е. неограниченный и надперсональный круг потребителей; наличие специальных технических приборов, аппаратуры; не прямое, разделенное в пространстве и во времени взаимодействие коммуникационных партнеров; односторонненность взаимодействия от коммуникатора к реципиенту, невозможность перемены их ролей; непостоянный, дисперсивный характер их аудитории, которая образуется от случая к случаю в результате общего внимания, проявленного к той или иной передаче или статье. К СМИ относятся пресса, массовые справочники, радио, телевидение, кино- и звукозапись, видеозапись»¹¹. Перед нами еще один случай некорректного расширения содержания СМИ до СМК. Здесь добавим, что определение дается со ссылкой на зарубежные источники, тогда как за границей понятие СМИ фактически не используется. Кроме того, по заключению уважаемых авторов, функцией СМИ является информирование. С тем же успехом мы могли бы заявить, что функцией органов дыхания является дыхание, то есть ни на шаг не продвинулись бы в познании неоднозначного объекта анализа.

Из смежных дисциплин в журналистику пришел креатив, теснящий более привычное понятие творчества, которое роднит работу в прессе с трудом литератора, художника и ученого. Замена получилась неадекватной, уже хотя бы потому, что в переводе с английского (откуда и был

¹¹ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию : учебник / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 276.

заимствован креатив) это слово не обладает единственно возможным значением: в «гнезде» вариантов оказываются и креатура, и творение, и живое существо, и даже тварь. Значит, мы как минимум не добавляем ясности в характеристику журналистской действительности, включая слово-новацию в свой оборот.

Обобщая примеры, надо сказать, что всякое возвеличивание какой-либо смежной науки при трактовке явлений журналистики неизбежно ведет к упрощению представлений о ней. В таких случаях новые термины не облегчают познание, а делают его плоды незрелыми и безвкусными. Из этого заключения в свою очередь следуют выводы о том, что, во-первых, необходима специализированная область научного знания, обладающая собственным аппаратом и широким проблемно-тематическим полем деятельности, и, во-вторых, интенсивное развитие теории журналистики нельзя откладывать «на потом» — место, предназначенное для адекватного практике знания, очень быстро будет занято другими претендентами. Как, впрочем, и место самой журналистики не останется вакантным, если она начнет отступать от присущих ей форм существования и принципиальных профессиональных установок.

Развитие журналистики: спонтанность и моделирование

Принято считать, что наука обязана постоянно откликаться на вызовы времени. Однако в современной российской ситуации проблему можно определить еще конкретнее: вызовом науке стало **спонтанное развитие журналистики**. Уточним, что в этих словах нет «вечного» противопоставления теории и практики журналистики. Наш тезис не более радикален, чем его дословная формулировка. Мы рассматриваем конфликт научного знания с отдельным, специфическим сегментом журналистской реальности — и только с ним. В целом же наука ищет и находит пути к гармоничным отношениям с практической журналистикой — и сегодняшней, и перспективной.

В идеальном случае подобным образом — как неизбежное и взаимопользное сотрудничество — могли бы понимать свои отношения с теорией и представители редакционной практики. Однако новейшая российская история на множестве примеров демонстрирует отметание журналистикой научного знания. Попробуем разобраться в сути, формах и последствиях этой противоестественной конфронтации.

Зримое воплощение отказ прессы от взаимодействия с теорией нашел в спонтанности развития отечественной журналистики в течение 90-х годов прошлого столетия. Имеется в виду то, что и профессиональные идеологии, и организация СМИ, и методики труда претерпевали глубинные трансформации вплоть до полярного изменения приоритетов. Доказывать или хотя бы иллюстрировать факт преобразований нет необходимости — он очевиден и общепризнан. Однако эти процессы шли самопроизвольно, без опоры на сколько-нибудь ясно выраженные системные основания. На переломе столетий тогдашний глава Министерства печати РФ М.Ю. Лесин высказал мнение, что предыдущие годы представляли собой «переходный период в развитии СМИ», в течение которого «было допущено несколько принципиальных ошибок». Одной из ошибок министр считал отсутствие у государства «собственной стратегии развития рынка СМИ»¹².

На наш взгляд, проблема не сводится ни к завершению «переходного периода», ни к организации рынка массовой информации. Но сейчас нам важнее выяснить, насколько вообще пресса способна на автотрофное саморазвитие и насколько оно целесообразно с социальной и профессиональной точек зрения. Вслушаемся в резюмирующее заключение финского исследователя К. Норденстренга, который в течение десятилетий пристально наблюдает за российской прессой: «Конечно, свободная журналистская практика пострадала под давлением советского государства и партии, и, без сомнения, она страдает под давлением нового капиталистического рынка в современной России... после распада СССР был короткий период настоящей свободы, когда политические структуры находились в коллапсе, а рыночные структуры еще не приобрели форму. Этот исторический промежуток дает нам учебник примеров настоящей свободы прессы, возможно высшее достижение в современной истории»¹³. Высказывание авторитетного специалиста содержит в себе следующую логическую цепь: советская журналистика не обладала должной свободой — новая российская пресса обрела ее — появился шанс разрешить центральную проблему мировой журналистики — шанс был упущен, потому что Россия пошла по пути,

¹² Лесин признает наличие угрозы свободе СМИ и обещает уменьшить участие государства на медийном рынке // Законодательство и практика масс-медиа. 2002. № 2. С. 14.

¹³ Норденстренг К. Роль средств массовой информации в обществе: уроки России / К. Норденстренг // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3. С. 24.

изведенному за рубежом, но абсолютно себя не оправдавшему. Иными словами, не произошло рождения новой, исторически перспективной модели журналистики, да и сама российская пресса оказалась далеко не в лучшем положении.

Пагубность упований на здравый смысл и эмпирико-опытническое саморазвитие нетрудно продемонстрировать на целом ряде примеров, почерпнутых из будней современной журналистики. Обратимся к одному из них, касающемуся особенно тревожной сферы социальной жизни — преступности и мерам борьбы с нею. Резкий рост интереса прессы к этой тематике был предопределен объективными обстоятельствами. Однако, по оценке правоведов, он обернулся новыми социальными опасностями, а именно героизацией и защитой нарушителей закона. «Злоупотребления со стороны современных СМИ... усугубляются криминологической неграмотностью основной массы журналистов. Нанося ущерб ценностно-нравственной системе российского общества, СМИ в ряде случаев оказывают достаточно выраженное криминогенное воздействие на массовое сознание и тем самым опосредованно влияют на состояние преступности и уровень антикриминогенного потенциала в обществе»¹⁴.

Не хотелось бы оценивать всю нынешнюю журналистику России как воплощение идейно-концептуальных и творческих неудач или злоупотреблений. Это в корне противоречило бы действительности, в которой сегодня в изобилии встречаются и смелые решения, и неординарные личности, и небывалые прежде типы изданий и вещательных программ, и освоение самых «продвинутых» технологий. Однако видимая, в известном смысле даже поверхностная сторона новизны и разнообразия отнюдь не равнозначна прогрессивному изменению общественной роли прессы и ее места в той цивилизации, которая стремительными темпами формируется у нас на глазах. Американский аналитик СМИ Монро Прайс отмечает, что в конце XX века символом будущего стала электронная супермагистраль, сделавшая реальной мечту о пяти сотнях телеканалов. Однако «пятьсот каналов... могут оказаться похожими на 500 ароматов жевательной резинки... они способны создать иллюзию выбора или

¹⁴ *Макиенко А.* Криминалитет и СМИ / А. Макиенко // Союз против коррупции : СМИ, гражданский сектор и бизнес объединяют усилия в борьбе с коррупцией / отв. за вып. М. Дзялошинская. М., 2000. С. 129.

подлинного разнообразия», фактически превратившись в бесконечные вариации одних и тех же тем или распространение еще большего количества грязи, насилия и т. п.¹⁵ Выход, по его мнению, заключен в переформулировании общественного интереса в области вещания, с учетом новых технологических возможностей.

Перед нами предстает все та же альтернатива, хотя и не выраженная в явной форме: либо журналистика спонтанно осваивает невиданные технологические богатства, как бы упавшие вдруг в ее руки, не будучи в состоянии концептуально осмыслить тектонические социокультурные сдвиги, либо методологическая работа совершается вовне и затем ее результаты привносятся в текущую практику редакций. Профессор Прайс делает упор на лидерскую роль правительства в осознании динамики общественного интереса. Между тем понятно, что государственный аппарат не относится к числу институтов, специализирующихся на выработке концептуального знания. Эта специализация закреплена за наукой, которая создает идейно-интеллектуальную базу и для государственной деятельности в целом, и, в нашем случае, для национальной политики в области журналистики.

Выдвигать обвинения в адрес редакционной практики не входит в наши задачи. Это непродуктивно и несправедливо. На рубеже 80–90-х гг. прошлого века журналистика фактически лишилась методологического фундамента. Он, безусловно, существовал в советское время, как бы критически мы с высоты сегодняшнего знания ни относились к существу партийно-коммунистической теории печати и методам утверждения ее господства. В академических историко-политических исследованиях отмечается, что «журналистская практика осуществлялась не спонтанно или только в угоду интересам власти, как это может показаться при поверхностном рассмотрении особенностей функционирования СМИ. Их развитие строилось на основе сложившихся особенностей духовной культуры, утвердившейся на протяжении длительного времени, с учетом политических традиций нашего общества»¹⁶. И это написано уже в пореформенной стране, когда отпала необходимость апологетики советской власти.

¹⁵ Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период : право, общество и национальная идентичность / М. Прайс. М., 2000. С. 284–285.

¹⁶ Стровский Д.Л. Отеческие политические традиции в журналистике советского периода / Д.Л. Стровский. Екатеринбург, 2001. С. 234.

Рискнем заявить, что в новой социальной ситуации практика оказалась смелее и «умнее» теории, она раньше откликнулась на лавинообразное нарастание трансформаций. Отечественной науке в предыдущие десятилетия не хватило дальновидности, навыков прогнозирования и новаторского потенциала для того, чтобы подготовить решения стратегических и тактических проблем, возникших перед журналистикой с началом так называемого переходного периода. Как отмечают исследователи, «стремительное обновление концептуального аппарата мышления привело к тому, что многие журналисты в первые годы переходного периода... теряли веру в то, что этот мир в принципе поддается объяснению и рациональному упорядочению. <...> Таким образом, можно говорить о том, что в описываемый период в отечественной журналистике происходила смена профессиональных парадигм, сопровождавшаяся тотальной релятивизацией всех представлений»¹⁷.

Так сложилась в высшей степени запутанная коллизия. Пресса, получившая невиданный ранее простор для поиска и самовыражения, начала действовать напористо и решительно в этих направлениях. Но собственного стратегического потенциала ей не хватило, а опоры в науке она не нашла. В результате общий качественный уровень журналистики резко упал, если соотносить его с условиями и запросами, которые формирует общественная среда. В этом отношении она многое потеряла и по сравнению со «вчерашней» отечественной журналистикой. Но только не в прямолинейном сопоставлении одного явления с другим, что с диалектико-исторической точки зрения вообще недопустимо, а в более тонком и глубоком понимании хорошего и плохого. Модель прессы хороша тогда, когда она максимально полно соответствует социальному миру, в котором живет и которому служит. Так увидел проблему ветеран-известинец А. Плутник, когда написал: «...мне отнюдь не хотелось бы принижать достоинства современной журналистики, сравнивая ее с той, что существовала вчера. Сравнить-то надо не с теми газетами и журналами, которые существовали в принципиально иных исторических условиях. Сравнить надо с тем, насколько тогда и теперь реализует пресса предоставленные временем возможности...

¹⁷ Дзялошинский И.М. Российская журналистика в поисках модели развития / И.М. Дзялошинский // Роль прессы в формировании в России гражданского общества / отв. за вып. М. Дзялошинская. М., 1999. С. 121.

Должен, однако, заметить, что доступные возможности времени журналистика не реализует и наполовину»¹⁸.

Практика не просто обошлась без науки, сформировалось целое направление рассуждений, которое определяется как отрицание теории журналистики. Здесь надо заметить, что хронологически первой жертвой нигилизма по отношению к фундаментальному знанию стало суетливое переписывание истории страны. Слов нет, в трудах пытливых и добросовестных исследователей прошлое народа год от года предстает в виде все более полной и жизненной картины. Но параллельно за ничтожно короткий срок конъюнктушки — из числа ученых, публицистов, политиков и просто энтузиастов-волонтеров — успели раздербать историю на бессистемное множество фрагментов, что равнозначно ее разрушению. Через сложную цепь опосредований этот процесс повлиял и на исследования в области прессы.

Скепсис и отрицание чаще всего направлены на общую теорию журналистики, призванную создавать методологическую «подкладку» под анализ эмпирического опыта, под частнонаучные изыскания. Мы не станем всерьез рассматривать скептические заявления, исходящие от тех сотрудников СМИ, для которых любое общение с наукой послужило бы докучливой обузой и под действия которых невозможно подвести хоть какую-нибудь теоретическую базу. Напомним, что криминалисты установили факты корыстного использования прессы журналистами в сговоре с преступным миром, в том числе проведение кампаний по освобождению «воров в законе», и даже выяснили сумму вознаграждения за эти услуги — весьма внушительную¹⁹. Таковы некоторые эффекты самопроизвольной эволюции практики в интересах самих практиков. Необходимо учитывать их как реальность, воспринимать как вызов, но вступать в спор с апологетами подобных деяний лишено всякого резона. Поэтому нас интересуют «легитимные» суждения специалистов, ставших на позиции непризнания имеющейся теории.

Для них характерно отрицание-игнорирование: конкретный опыт, мол, неизменно имеет приоритет над всяческим «мудрствованием». Такой путь рассуждений весьма не нов и, по всей видимости, всегда

¹⁸ Плутник А. Свобода слова с российским акцентом / А. Плутник // Журналистика и медиарынок. 2007. № 1. С. 7.

¹⁹ Макиенко А. Указ. соч. С. 143–144.

останется открытым для желающих следовать по нему. Его с готовностью выбирают неофиты «новой волны», которые еще вчера не имели никакого касательства к редакционному производству, а сегодня задают тон и в издательском бизнесе, и в дискуссиях о судьбе российской и мировой прессы. Примером служит интервью генерального директора одного из относительно молодых издательских домов в Петербурге — человека, пришедшего в журналистику фактически случайно. В момент публикации беседы были основания интересоваться причинами явного коммерческого успеха предприятия: его развлекательная продукция расходилась по всей стране огромными тиражами. Стратегия компании выстраивалась, как оказалось, оперативно, по ходу деятельности: бизнес-плана не было, «в воздухе носились идеи... И мы точно шли за рынком... У нас разлада нет... Мы живем успешным издательским бизнесом» и т. д.²⁰ Однако через короткое время после этого интервью издательский дом сдал лидирующие позиции и в бизнесе, и на рынке читательского интереса, из него ушла многочисленная группа одаренных журналистов, которые таким образом выразили несогласие с политикой руководства в деловой и творческой сферах.

Вполне, надо сказать, типичная иллюстрация ненадежности эмпирической философии в российской прессе. Как известно, реальное состояние СМИ выглядит плачевно, пресса потеряла аудиторный спрос и в массе своей не может существовать без вспомоществований в какой-либо форме. Так, по данным Ассоциации распространителей печатной продукции за 2006 год, потребление изданий со стороны населения практически не увеличивалось, а в некоторых сегментах стремительно снижалось. Рост объема реализации в розницу происходил преимущественно за счет роста цен. Объем прибыльных газет в стране колеблется в пределах от 10 до 15% их общего количества. Остальные в той или иной мере живут на дотации²¹. Значит, в расчете на личную одаренность и интуицию, удачу, конъюнктуру подавляющее большинство «эмпириков» ошиблось.

Если игнорируется ценность одной теоретической традиции, приходится искать опору в другой. Так возникает отрицание-замещение,

²⁰ Чего хочет читатель, того хочет Бог // Невский, 70. 1998. № 4. С. 15.

²¹ Прогноз Ассоциации распространителей печатной продукции // Журналистика и медиарынок. 2007. № 11. С. 48.

когда на место прежней методологии ставится иная концептуальная система, взятая либо из смежных дисциплин, либо из арсенала зарубежных теоретических школ. Сегодня мы наблюдаем, как в качестве «заместителей» используются информациологические или коммуникативные подходы к анализу журналистики. По наблюдениям исследователей, в современном мире происходит «мифологизация таких понятий, как “информация”, “коммуникация”. Это особо актуально для отечественной науки, переживающей всплеск легковесной литературы по данной теме»²². Жертвой мифологизации (удачное обозначение) стала отечественная теория журналистики. Она традиционно представляет собой комплексное, многоаспектное образование, имеющее собственные концептуальные основы, наработанные долгим опытом. И этот опыт убеждает, что она способна успешно развиваться в более органичном для себя понятийном контексте, чем только информационно-коммуникативные схемы. По меньшей мере, журналистика, как «очеловеченная» связь внутри общества, не уместается в пределах обмена информационными сигналами, она сама создает среду для общения современников. Философское прочтение проблем медиасферы приводит к выводу, что надо развести понятия коммуникации и общения. «Общение — это персонифицирующая взаимосвязь, коммуникация же — унифицирующая. <...> В ходе общения духовная протяженность человека не отторгается, не игнорируется, напротив, востребуется. <...> Коммуникация по своим характеристикам в философию субъекта не вписывается, она конструирует мир “внешнего”». Приходится, однако, признать, что «содержащееся в медиативных системах разного рода “властное начало” (коммуникация) все более оттесняет “живое начало” (общение). Такова ключевая проблема нашего времени»²³.

Добавим также, что отечественные исследователи не одиноки в своем беспокойстве по поводу смешивания журналистики с иными коммуникационными каналами. Португальский профессор Жоахим Фидалго представил конференции Международной ассоциации исследователей массовой коммуникации (IAMCR; Париж, 2007) доклад на тему «Что *является* журналистикой, и что только *выглядит, как* она?». В концептуаль-

²² Шайхитдинова С.К. Информационное общество и «ситуация человека»: эволюция феномена отчуждения / С.К. Шайхитдинова. Казань, 2004. С. 21.

²³ Там же. С. 207–208.

ной части работы говорится: «Можно утверждать, что профессиональные журналисты... не имеют более монополии на эту деятельность — уточним, как на общественную службу. Однако множество новых игроков, пытающихся проникнуть в эту сферу — или слиться с ней, — очень часто не демонстрируют стремления уважать базовые стандарты и этические требования, на которых основана журналистика, хотя они все больше используют ее технические средства и обычные для нее формы и модели. <...> Мы отстаиваем необходимость специальных усилий, направленных **назад к основам** (конкретнее имеется в виду **назад к этике**), полагая, что... линия, очерчивающая границы журналистики (и, следовательно, отделяющая журналистику от других форм публичной коммуникации), определяется не такими критериями как “кто”, “что” и “где” выполнена работа, а, скорее, “как”, “почему” и “для чего” вы ее делаете»²⁴.

Проблема замещения не стояла бы так остро, если бы не происходила подмена базисных характеристик журналистики и научного знания о ней. Она, однако, происходит, причем иногда насильственным образом: через трансформацию учебных планов в центрах подготовки кадров для СМИ, энергичное насаждение сторонних терминов и жаргонизмов, директивные документы правительства и т. п. Мировая научная общественность осознает драматические последствия таких подстановок. Например, возрастание технологического могущества СМИ, в том числе экспансия цифрового ТВ, побуждает исследователей строже подходить к разграничению ретрансляции информации и массового общения, возникающего благодаря журналистской деятельности. Шведский профессор Питер Далгрин, не боясь обвинений в ретроспективности своих взглядов, «высказывает пожелание сохранить и за цифровым телевидением телевизионную специфику и не уподоблять его компьютерным коммуникациям, поскольку общественное телевидение уже имеет свои удобные формы серьезных связей с публикой, которые надо совершенствовать, а не вытеснять пустословными “чатингами” дискуссионных групп Интернета»²⁵.

²⁴ Fidalgo J. What is journalism and what only looks like it? / J. Fidalgo. Paper presented to the Scientific Conference of the International Association for Media and Communication Research, Paris, 23–27, July 2007.

²⁵ Землянова Л. М. «Джорнэлизм энд масс комьюникейшн квортерли» и «Кенейдъен джорнэл оф комьюникейшн» на пороге нового столетия / Л. М. Землянова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3. С. 93.

Полезную роль в модернизации научных основ российской журналистики играет отрицание-развитие. Под ним понимается сохранение преемственности в познании при одновременном обновлении более или менее значимых характеристик, вплоть до качественного преобразования некоторых из них. Как нетрудно заметить, здесь мы имеем дело с проявлениями основных законов диалектики. Центральным противоречием, толкающим вперед методологию, стало несоответствие прежних представлений новым социальным и прессовым реалиям. Устранение этого диссонанса и составляет существо обновления теоретической базы прессы. Однако речь идет о преодолении конкретного противоречия, а не об отбрасывании всего массива знаний, категорий анализа, терминологии и др.

В данной связи нельзя не коснуться понятий «переход», «переходное общество», «переходное состояние прессы» и т. п. По сути, они не синонимичны развитию, а противостоят ему и даже блокируют его. При этом они настолько примелькались в научных дискуссиях и публицистических выступлениях, что воспринимаются уже как нечто само собой разумеющееся, причем разумеющееся только в странах Восточной Европы и бывшего СССР и только в настоящий момент.

Между тем, во-первых, переходность как движение от одного состояния к другому в принципе неотъемлема от человеческого, социального бытия и была ему свойственна на всех этапах истории — разве что различными были темпы и глубина изменений. Во-вторых, не будет ошибкой признать, что нынешняя цивилизация в целом оказалась в ситуации ломки традиционных форм жизни и научных взглядов на нее. Американский профессор Монро Прайс, сравнивая свою страну и Восточную Европу, пишет: «Трудно поверить, но Соединенные Штаты... представляют собой пример переходного общества. Революция в коммуникационных технологиях, полная трансформация роли правительства, переворот в структуре вещательной отрасли — все это характеристики американской действительности»²⁶. В приведенных словах нет эпатажа — в них слышится голос непредвзятого эксперта, рассуждающего диалектически. Конечно, странно было бы ставить знак тождества между ситуациями, сложившимися в США и, например, в России на рубеже тысячелетий. Скачок-развитие происходит

²⁶ Прайс Монро. Указ. соч. С. 164.

в обеих странах, но у нас он значительно резче, принимает иные формы и приводит к иным конечным результатам.

В-третьих, именно вопрос о цели и результатах преобразований в течение вот уже длительного периода остается открытым для России. Переход несет в себе благо, если существует точное представление о том, к чему движется общество (а вместе с ним и пресса, и теория журналистики) и как долго будет продолжаться состояние неопределенности. Пока что ясного ответа на эти неизбежные вопросы нет. Зато под «вывеской» всепроникающей транзитивности, длящейся уже два десятилетия, в журналистике сформировалось явление отложенного спроса на высокий профессионализм, нравственные критерии оценки и самооценки, выполнение общественного долга и т. п. до «нормализации» общего положения дел в стране.

Ответ на вызовы спонтанности и нигилизма заложен в активности науки. Теория журналистики не может себе позволить находиться в режиме ожидания. Она призвана предлагать решение проблем, которые уже поставлены в повестку дня. Причем, если судить объективно, а не с позиций мракобесного отнесения науки, практика ждет от нее опережающей информации, моделирования завтрашней ситуации. Оправившись от растерянности первых «постперестроечных» лет, теоретическая мысль накопила достаточный потенциал, чтобы вернуть себе утраченную функцию методологического обеспечения журналистской деятельности. Она обязана принять вызов социальной действительности, который конкретнее всего выражается в спонтанной журналистской практике. Более того, она сама должна стать вызовом, то есть взять на себя инициативу и приступить к созданию оригинальной, конкурентоспособной, перспективной модели российской журналистики.

Мы не одиноки в такой постановке задачи. Другие специалисты также констатируют, что последний период не дал сколько-нибудь цельной концепции новой российской журналистики, способной заменить выстраивавшуюся десятилетиями систему теоретических и практических установок. Поэтому возникает потребность в собственной, а не западной модели журналистики XXI века, а вместе с ней и новой

методологии изучения и преподавания журналистики, новой научной системе или даже парадигме²⁷.

Откликнуться на подобные запросы и предложения дополнительно побуждает несколько важнейших обстоятельств. Первое. Важнейшим критерием ценности научных исследований служит актуальность их проблематики. Вряд ли можно найти более злободневную проблему, чем кризисное состояние нашей журналистики, многократно зафиксированное отечественными и иностранными специалистами. Выход из него возможен путем комплексного моделирования вместо попыток решить по отдельности множество частных вопросов.

Второе. Как общественная наука теория журналистики не может не нести в себе ген гражданственности, и значит, она должна проявлять озабоченность снижением престижа российской прессы, уничижительным отношением к ней со стороны населения своей страны и зарубежных экспертов. Для примера: европейские наблюдатели не без удивления, смешанного с иронией, отмечают, что «открытая страстность может... служить признаком специфического посткоммунистического понимания свободы прессы, выявляя право журналиста выражать его или ее собственное мнение в большей степени, чем право аудитории на информацию»²⁸. Пресса глазами мировой общественности воспринимается как «витрина» нации, и снятие с нее подобных претензий становится этическим долгом науки, точнее — исследователей СМИ в меру их сил.

Третье. Уже не мифической стала угроза такого глубокого перерождения прессы, которое равносильно ее исчезновению как качественно определенного явления. Ее обособление от нужд и путей развития общества мы обозначаем понятием асоциальности журналистики²⁹. Дальнейшее развитие асоциальности, которая в корне противоречит общественной природе прессы, способно перерасти в еще более тревожные по своим последствиям тенденции. В одной из работ мы рассматривали

²⁷ Грабельников А.А. О журналистском образовании / А.А. Грабельников // СМИ — общество — образование / отв. ред. И. А. Фатеева. Челябинск, 2007. С. 28.

²⁸ Voltmer Katrin. Constructing Political Reality in Russia. Izvestiya — Between Old and New Journalistic Practices / Katrin Voltmer // European Journal of Communication. 2000. № 15. P. 494.

²⁹ Корконосенко С.Г. Асоциальность прессы и отклоняющееся поведение журналистов / С. Г. Корконосенко // Журналистика в переходный период: проблемы и перспективы / отв. ред. Я.Н. Засурский ; ред.-сост. М.В. Шкондин. М., 1998.

как вполне вероятный процесс отмирания журналистики, хотя такой исход дела не отвечает нашим гражданским и профессиональным устремлениям. Шведские коллеги в сходной исследовательской ситуации используют понятие постжурналистики (post-journalism)³⁰. Науке должно хватать последовательности и мужества «додумывать» заявленные идеи до конца, требуются объективность и высокая прогностическая культура для того, чтобы предвидеть и своевременно описать подобные тенденции, коли уж они вызревают в стихийно складывающейся редакционной практике.

Для успешного построения перспективной модели прессы требуется, чтобы наука ощущала себя единым и целостным образованием. Единство теории обнаруживается в ее сопоставлении с другими формами постижения и освоения мира (искусство, практика, техника и др.), а также с иными областями и уровнями научного знания (история журналистики, журналистская критика, эмпирические исследования и рекомендации и др.). Едина теория и в своем неприятии всяческих имитаций концептуального мышления, когда непредвзятое отыскание истины подменяется жонглированием стереотипами, будь то отечественная интеллектуальная «окаменелость» или заимная стандартная формула. Если отношения с другими «нетеориями» традиционно остаются достоянием дискуссий в университетских кругах, то противостояние имитациям выходит за академические пределы и становится гражданским долгом специалистов. Журналистика, в силу своей публичности, открытости для критики и управляющего воздействия, становится легкой добычей для вненаучных идеологий — дилетантских, волюнтаристских, политически-конъюнктурных по происхождению и т. п. Их гласное развенчание составляет постоянную профессиональную и нравственную обязанность ученых перед лицом общества и отечественной прессы.

Далее, жизнеспособная модель, безусловно, строится на национально-культурной почве, и сама по себе она отличается своеобразием, органичной включенностью в данный цивилизационный контекст. Встречающимся сегодня попыткам перенять «готовые» конструкции из инородной среды вряд ли суждено длительное признание и успех. Исследователи предлагают подходить к этой теме диалектически. Ти-

³⁰ Picturing Politics: Visual and Textual Formations of Modernity in the Swedish Press / Karin Becker, Jan Ekecrantz & Tom Olsson (eds). Stockholm, 2000. P. 13.

пология российской прессы «развивается примерно в том же направлении, что и в международной практике. Это отнюдь не означает, что российская пресса унифицируется под западные модели, но и не свидетельствует об антагонистическом противопоставлении основных типологических структур СМИ России и развитых стран Запада, тем более что западные модели сами очень существенно разнятся между собой. Английская, французская, немецкая, шведская модели сильно отличаются друг от друга и еще больше от американской»³¹.

Далее, при построении модели придется преодолеть диктат сегодняшней практики как непреложного факта. Это не равнозначно игнорированию практики. Наоборот, исследователям предстоит оценить и сравнить различные варианты опыта прессы, благо в истории и разнообразии современности их накоплено в достатке. Всегда существовали «ветви» выбора, и ни одну из них нельзя априори признать более плодотворной, чем все другие. Об одной из таких историко-культурных «развилочек» пишет норвежский исследователь С. Хойер: «Современная журналистика новостей (news journalism) была главным образом англо-американским изобретением... В континентальной Европе... традиционным идеалом журналиста был солидный представитель прессы, комментирующий события в мире и анализирующий тенденции в политике, искусстве или науке с определенной философской позиции. Наоборот, англо-американским идеалом был бегущий куда-то агрессивный охотник за новостями»³². Деление на респектабельно-комментирующую и сенсационно-репортерскую манеры труда было присуще газете в «старой», досоветской России, как, впрочем, есть оно и сейчас. Специалистам также хорошо известно, что наряду с англосаксонской стилистикой прессы успешно существуют, например, своеобразные французская и германская школы, и это разнообразие только обогащает палитру мировой журналистики.

Итак, выбор базового практического опыта как составной части модели не предопределяется прагматически-рыночным рационализмом журналистики факта. Более того, прогрессивные, по общемиро-

³¹ Система средств массовой информации России : учеб. пособие / под ред. Я.Н. Засурского. М., 2001. С. 5.

³² Høyer *Svennik*. An Introduction to the Sociology of News / Svennik Høyer. Oslo, 2000. P. 41 (пилотный вариант).

вому признанию, типы СМИ — например общественное ТВ — тяготеют к возрождению «дорыночного» журналиста.

Конечно, делать ставку на «голый» альтруизм российских журналистов, вместо обеспечения им достойного уровня благосостояния, — значит, строить методологически ложную и этически неблагородную альтернативу. Но ошибочно и отказывать им в способности к честному общественному служению. Может быть, именно традиции российской прессы со всеми изломами ее истории особенно ярко демонстрируют, что журналистский труд раскрывает в человеке его гражданский потенциал, духовность, приверженность идеалам гуманизма и правды. По нашему представлению, без включения этих профессионально-нравственных компонентов в модель журналистики она окажется технократической схемой, но не прообразом грядущей живой практики.

Вопросы для семинарских занятий

1. Какие первоочередные потребности современного российского общества должна удовлетворять журналистика?
2. Какие существуют препятствия для консолидации российской журналистики? Какие есть для этого возможности?
3. Какие отношения складываются у журналистской науки с журналистской практикой?
4. Какие отношения складываются у журналистской науки с другими социально-гуманитарными дисциплинами?
5. В чем заключаются опасности развития журналистики в отрыве от научного обоснования?
6. Какими чертами должна обладать теоретическая модель российской журналистики?

Задания для самостоятельной работы

1. Опишите (или представьте графически) силы притяжения и отталкивания «внутри» российской журналистики.
2. Опишите (или представьте графически) черты различия моделей российской журналистики и зарубежной журналистики (страны по выбору).

2. ЖУРНАЛИСТИКА КАК ИНСТИТУТ ДЕМОКРАТИИ

• Журналистика в системе демократии и социального управления • Отношения журналистики с государством, капиталом и обществом • Журналистика и политика: границы автономии

Журналистика в системе демократии и социального управления

Модель прессы и анализ текущей редакционной практики предполагают пристальное изучение взаимосвязей журналистики с социальным миром. В самой общей форме эта тема звучит как «СМИ и общество». Так привычно формулируются названия монографий, разделов учебных программ, научных конференций. Однако что в действительности значит данная формулировка? Какие научные категории помещаются в фокус внимания? В рамках какой теоретической дисциплины описываются содержание каждого из элементов в этой связке и отношения между ними? Предложенный вариант темы не открывает путей к ответу на эти закономерно возникающие вопросы, он слишком общий и неконкретный. На столь высокой ступени абстрагирования от конкретного материала мы утрачиваем предметное поле для анализа и дискуссий. Значит, надо делать шаг «вниз», к некоторому опредмечиванию исследовательского материала, то есть к выбору тех или иных отдельных сторон общественной жизни и аспектов ее рассмотрения.

Как мы увидим в дальнейшем, этот метод перехода на более низкую ступень конкретизации позволяет разобраться в вопросах, которые на более высоких ступенях не поддаются не то чтобы решению, но даже адекватной постановке.

Традиционно параметры анализа прессы как общественного явления уточняются благодаря рассмотрению ее **статуса в системе демократии**. Причем за последние десятилетия в самой социальной реальности происходят резкие изменения, иначе говоря — сама демократия приобретает новые черты и формы. Соответственно, в умах исследователей прессы тоже произошли такие подвижки, которые свидетельствуют об отказе от классических схем или хотя бы об их модернизации, под давлением динамики общественной жизни. Таким образом, видоизменяется базовая часть социально-политического знания о прессе, на которую опираются и частные теоретические концепции, и эмпирические исследова-

дования. Чтобы в анализе практической журналистики не отстать от времени и мира, надо учитывать эти базовые изменения. По меньшей мере, надо своевременно критически пересматривать весьма небесспорные, как оказывается, классические схемы. Но, с другой стороны, увлечение модными поветриями в науке чревато опасностью сотворить себе нового кумира «на вечные времена». Критического отношения к себе в равной мере заслуживают и консервативные взгляды, и новейшие.

К этой сложной проблематике обратился, в частности, авторитетный финский исследователь К. Норденстренг. Восстановим ход его рассуждений. С помощью схемы он отображает «место СМИ в условиях классической представительной демократии» (схема 1).

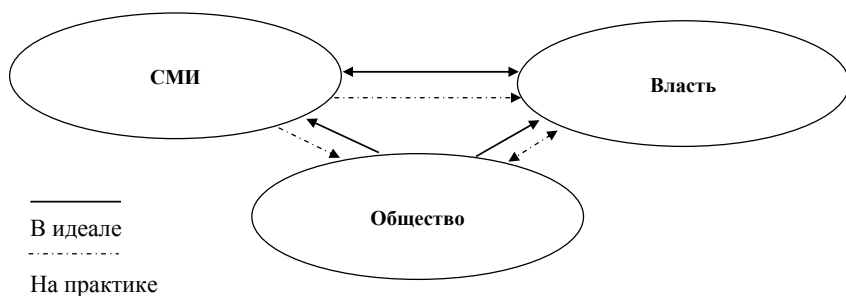

Схема 1. Место СМИ в условиях классической представительной демократии

В комментарии автор предлагает свои поправки, выведенные из наблюдений за динамикой политической практики и ее теоретического постижения: «Подобная система олицетворяет теорию демократического общества, а также идеальный формат взаимоотношений между СМИ, властью и обществом. Помимо этого, в современной представительной демократии в реальности существуют и другие виды взаимоотношений. И именно эти отношения поднимают роль СМИ на новый, более высокий и значимый уровень, а именно когда они уже оказывают влияние как на население, так и на власть...

Так, справедливо утверждение, что в своей деятельности СМИ в большей степени исходят из учета мнения общества и власти, но в ходе придания этому мнению соответствующей формы и при формулировании повестки дня политических дебатов располагают значитель-

ными самостоятельными возможностями. Таким образом, идеальные и реальные направления влияния принимают фактически противоположное (! – *С.К.*) направление, а именно: на самом деле общество становится *мишенью*, в то время как теоретически за ним должна сохраняться функция *источника* осуществления влияния». Наконец, не довольствуясь частичными дополнениями к «идеальному», автор воспроизводит схему, предложенную в докладе Йохана Галтунга в январе 1994 года [Vincent, Richard, Nordenstreng, Kaarle & Traber, Michael (eds) (1999) *Towards Equity in Global Communication: MacBride Update*. Cresskill, NJ: Hampton Press]³³ (схема 2). На ней графически показано, что, во-первых, в число участников политической жизни на равных правах вошел капитал, во-вторых, СМИ тоже уравнились в своем статусе с государством и гражданским обществом (а теперь еще и капиталом), в-третьих, все участники активно взаимодействуют между собой – как напрямую, так и через прессу.

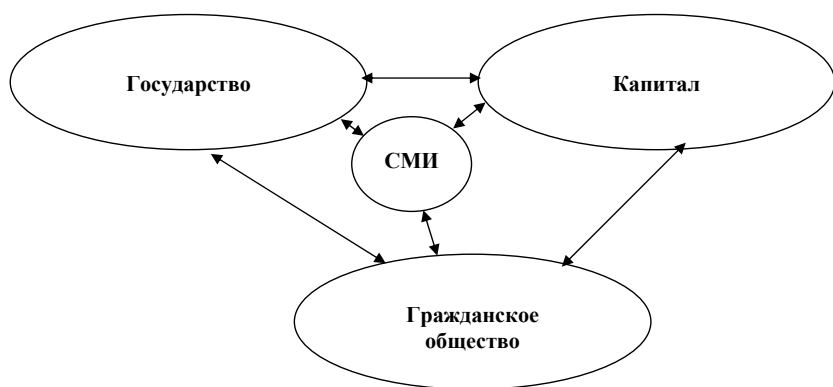

Схема 2. Место СМИ в условиях современной демократии

В своем дальнейшем анализе мы будем отталкиваться от этих положений и по мере необходимости подвергать их критическому осмыслению.

Начнем с того, что тема, отображаемая на схемах, в тексте обозначается разными словами. О смысловой неопределенности пары «СМИ и общество» (как вариант – «Журналистика и общество») мы сказали выше. Но не многим точнее и такие маркировки предмета, как «Мес-

³³ Норденстренг К. Структура медийной этики, или Как регулировать этические вопросы в демократическом обществе / К. Норденстренг // Саморегулирование журналистского сообщества: опыт и проблемы жизнедеятельности: перспективы становления в России / под ред. Ю.В. Казакова. М., 2003. С. 9–11.

то СМИ в условиях классической представительной демократии» или «СМИ по отношению к народу (обществу) и государству (власти)». Понятиям «место» и «по отношению» не хватает терминологической строгости и однозначности, в них угадывается житейская (лежачая, по существу, вне науки) манера описывать исследовательскую ситуацию и задачу. К тому же ни на одной из схем не отражен механизм действия именно представительной демократии. С полным основанием показанные отношения можно было бы отнести к осуществлению власти исполнительной или даже судебной — ведь на нее тоже оказывают влияние и государственные органы, и частный капитал, и институты гражданского общества, и превышающая свои полномочия пресса. Неясности возникают из-за того, что не называются сферы политического поведения. Образно говоря, этой политической сцене не хватает задника, на фоне которого разворачивается действие. «Зритель» вынужден принимать на веру заявление о том, что перед ним разыгрывается картина представительной демократии, в которой пресса занимает отведенное ей место.

Не покидает, однако, сомнение в том, что это место принадлежит ей по праву. Если под демократией понимать распределение власти (как потенциала) и процесс ее осуществления, то с какой стати здесь появляются СМИ? Для ясного видения подлинной расстановки сил «вокруг» власти надо различать тех, кто фактически участвует в ее реализации, и тех, кто лишь претендует на роль действующего лица, даже если это делается назойливо и напоказ. Критик и резонер (пресса) явно не в состоянии принимать решения и нести за них ответственность, в отличие от представителей государства и вовлеченных в политику деловых кругов. Чиновничество и бизнес действуют от своего имени, на свой страх и риск и в конечном счете либо становятся у руля власти, либо оттесняются от него конкурентами; так же поступают лидеры партий, общественных объединений и других институтов гражданского общества. В этой компании активно ведущих себя на политической сцене субъектов средства информации годятся разве что на роль самозванца. Приведенные схемы, по нашему мнению, полезны уже тем, что помогают обнаружить коренную ошибку: на одном «этаже» анализа несовместимы обладатели власти и те организации, которым пристало собирать и оценивать информацию о реальных властителях.

Между тем бурная имитация своей равновеликости государству, бизнесу, партиям, свойственная современной журналистике, побуждает теоретиков всерьез принимать ее амбиции. Научные сочинения пестрят выражениями «медиатизация политики», «пресса как политический субъект» и т. п. Среди исследователей нашлось уже немало апологетов идеи коренной реконструкции системы политического управления, в которой пресса выдвинулась на ведущую роль. «Повышение независимости СМИ увеличивает их кратологический (властный) потенциал, — увлеченно проповедует философ и партийный вождь А. Дугин. — СМИ становятся самостоятельным социально-политическим актором, действующим по собственной логике в соответствии со своей автономной структурой.

Законодательный (? — С.К.) потенциал медиакратии заведомо превышает полномочия парламента, и СМИ именно по этой причине всегда смеются над парламентом — парламент есть лишь неудачная пародия на СМИ...». И далее: «Парламент становится закадровым статистом, управляемым СМИ, либо о нем забывают. В крайнем случае, если СМИ совсем это надоест, то выбирают новый... Исполнительная власть... это самый осязаемый центр воли. Для СМИ неприемлемо само существование такой инстанции. Исполнительная власть — прямой конкурент СМИ»³⁴.

Трудно определить, что служит причиной и что — следствием: то ли подобные иллюзорные представления теоретиков порождают волюнтаристскую практику прессы, то ли наоборот. Скорее всего, наблюдается встречное движение. Но важно, что в реальной политике расстановка сил резко отличается от той, которая существует в умозрительных построениях. Во всяком случае, так происходит в нынешней России. Самодовление информационных в своей основе организаций (со всеми резонными оговорками по поводу публицистичности, социальной эффективности, творческой природы журналистики) — это проявление завышенного самомнения руководителей и сотрудников редакций, толкающее их к присвоению функций властвующих субъектов.

Подмена меньше всего заметна, когда пресса (в особенности отдельное издание) мнит себя «исполняющей обязанности» консолидированной общественности. Но и здесь случаются откровенные казусы. Так, федеральная по статусу газета сообщает: «Почти 4 года “Версты”

³⁴ Дугин А. Искусство смотреть телевизор : эссе о медиакратии / А. Дугин // Лит. газета. 2002. 25–31 дек.

били в набат, писали о необходимости возрождения отечественного авиастроения. И вот нас, похоже, услышали. После многолетнего перерыва Воронежский авиационный завод возобновил работу над самолетом “Ил-86”. Это стало возможным после подписания контракта с российской финансово-лизинговой компанией “Ильюшин-Финанс”. Споры нет, общество заинтересовано в возрождении «крылатой» отрасли производства. Однако утверждать, что столь крупный шаг в экономической политике был сделан по команде газеты с тиражом всего лишь несколько десятков тысяч экземпляров, не стал бы ни один здравомыслящий человек. Как следует из текста заметки, потребовалось, по меньшей мере, найти богатого инвестора, не говоря уже о накоплении других, более весомых факторов принятия решения.

Что касается государственных органов, то «вычислить» меру зависимости от них прессы (а не наоборот) не составляет сложности. Как бы пресса ни «смеялась над парламентом» (по А. Дугину), но он в силу своих полномочий устанавливает рамки ее социального бытования. «Журналистов законодательно обяжут зависеть только от государства», — сообщает, например, газета «Время новостей», раскрывая целый комплекс мер, намечаемых Госдумой для изменения условий деятельности СМИ³⁵, и, надо заметить, не находит в факте такой субординации ничего аномального. Сходным образом не является секретом доминирующее положение бизнеса в его отношениях со СМИ. Так, внимание наблюдателей привлекло изменение профиля деятельности гигантского холдинга «Проф-Медиа», принадлежащего промышленному магнату В. Потанину. Он все больше ориентируется на развлекательный сектор медиабизнеса, продает свои акции политизированных изданий («Эксперт», «Известия»), отказывается от крупных телевизионных активов, в особенности общественно-политических каналов федерального уровня. Предприниматель «всячески старается уйти в тень, поскольку именно его собственность может оказаться... объектом пристального интереса со стороны федеральных налоговых органов и прокуратуры»³⁶. Как нетрудно заметить, в основе процессов лежат

³⁵ Рожкова Н. Свобода прессы. Журналистов законодательно обяжут зависеть только от государства / Н. Рожкова // Время новостей. 2004. 4 авг.

³⁶ Смирнов С. Холдинг «Проф-Медиа» в СМИ России / С. Смирнов // Меди@льманах. 2005. № 4. С. 61–62.

усложнившиеся отношения собственника с государственной властью, а вовсе не самостоятельные политические инициативы прессы.

Мы умышленно ссылаемся на частные примеры, чтобы показать, как резко контрастирует повседневная жизнь (иначе говоря — действительность) с отвлеченными от нее обобщениями. Тем опаснее риторическая демонизация прессы как творца политической истории. Она способствует, во-первых, сокрытию истинных пружин событий и процессов и, во-вторых, ошибочности при выборе стратегии в национальных и даже цивилизационных координатах. Сказанное, однако, ни в малейшей степени не отрицает возможности и даже насущности воздействия журналистики на государство, капитал и общественность. Весь вопрос в том, чтобы верно определить и теоретические основания для такого влияния, и его механизм, и оптимальные последствия.

Есть серьезные основания утверждать, что представленные выше схемы, как и конструкции демократии в целом, служат данью американской традиции в политологии и журналистике. Эта традиция независимости и самодостаточности прессы широко популяризируется американцами за пределами своей родины и возводится в ранг универсальной. Типичны такие картинки с натуры, предлагаемые для внешнего пользования, как, например, очерк о журнальном короле Генри Люсе («соратнике бога»): «В 40–50-е годы империя Люса фактически формировала общественное мнение в США. <...> Естественно, что Люс, получив в свои руки такие мощные рычаги управления, не мог не вмешиваться в политику. <...> Люс быстро осваивал стратегию политических игр. И уже в 50-е его ставки стали беспроигрышными — в 1952 году он выбрал, безусловно, лучший вариант в лице Дуайта Эйзенхауэра. К середине 50-х Люс имел в своем распоряжении полную власть над умами»³⁷.

Несомненно, что у специалистов по политической истории США есть свои, более глубокие версии возвышения Эйзенхауэра или других президентов. Иной взгляд на мнимое всеисилие прессы встречается и в серьезной, далекой от публицистики литературе по вопросам права. Здесь сама отрасль знания — строго прагматичная — настраивает на точные характеристики. Так, американские исследователи доступа к официальной информации пишут: «Никаких легальных прав соби-

³⁷ Волошин Н. Генри Люс: соратник Бога / Н. Волошин // Америка. 2003. № 1. С. 89.

рять информацию и посещать заседания в общем праве найти невозможно. Несмотря на традицию открытого правительства как в нашей стране, так и в Великобритании общее право обеспечивает лишь незначительный доступ представителей общественности к правительственным документам и заседаниям»³⁸. Обратим внимание опять-таки на противопоставление традиции (неофициального порядка вещей) и нормативного регулирования. Американцы *de facto* поставили прессу в один ряд с государством и гражданским обществом, наделив ее квазивластью, но не дав этому статусу правового обеспечения.

Между тем национальный обычай оказывается нежизнеспособным в иной социальной среде. Универсально приемлемым следует признать именно данное обстоятельство, а не чужую модель демократии, построенную на весьма зыбком законодательном фундаменте. Впрочем, и в самих США факт зависимости прессы от воли властей не оспаривается. Возьмем пример с исключением из либерального, в целом, закона о свободе информации (Freedom of Information Act). Исключение касается национальной безопасности, устанавливается административным порядком и «в высшей степени подвержено административной интерпретации. Следовательно, его количественное наполнение может расширяться или сокращаться от администрации к администрации. Президент Джимми Картер стремился поддерживать расширенный доступ к правительственным документам. <...> Президенты Рейган и Буш применяли гораздо более ограниченный подход»³⁹.

Отношения журналистики с государством, капиталом и обществом

Установление подобных зависимостей побуждает вернуться к вопросу об адекватной конкретизации темы «СМИ и общество». Наиболее предметно, на наш взгляд, действительное распределение сил выражается через рисунок **структурно-функциональных связей**, в которые вступает пресса в условиях демократии. Под этим углом зрения отчетливо видно, какой институт находится в зависимости от другого, под чьим контролем он действует (а не просто испытывает влияние, каким бы оно ни было по степени интенсивности). Должно быть понятно, что

³⁸ *Pember Don R. Mass Media Law / Don R. Pember. 1996 ed. Dubuque (USA), 1996. P. 265.*

³⁹ *Ibid. P. 285.*

реальный приоритет в данном измерении имеют те институты, которые обладают своими, отчетливо выраженными интересами в политике, поскольку они занимают в ней определенное положение и являются целостными социально-политическими образованиями.

Мы не погрешим против истины, если признаем, что государство в некотором смысле едино, целостно, что интересы капитала в сфере борьбы за власть тоже можно «высчитать» (в конечном счете они сводятся к обеспечению прибыльного бизнеса), что общество (население) озабочено своим благосостоянием, пусть и понимаемым широко, разнотипно, а то и иллюзорно. О прессе как суверенном субъекте всего этого сказать нельзя. Она расплывлена в организационном отношении, не будучи связанной «внутри» себя субординацией или партнерством, раздроблена с точки зрения форм собственности и принадлежности разным владельцам (частная, государственная и пр.), ее конкретные представители преследуют разные цели — от примитивного обогащения до «бескорыстного» служения политической или идеологической установке хозяина. В типологическом плане издания разделяются на политически включенные и не включенные, то есть ограничивающие свои задачи публикацией справок, просветительством, развлечением и т. п. Не стоит уже говорить о множестве занятых в редакционном производстве людей, которые, по причине недостаточной искушенности в политологии, не способны осознать и сформулировать свое подлинное отношение к социальной и политической реальности.

Вспомним, что в первоначальных классических моделях демократии (от Аристотеля и далее) СМИ вообще не было — в них учитывался голос граждан. Позднее он стал выражаться через прессу, которая, таким образом, пополнила ряд средств, используемых в своих интересах общественностью (равно как государством и капиталом). Системные исследования, выполненные на материале истории отечественной прессы, показывают, что ее становление как относительно самостоятельного института происходило в контексте того, как выстраивались отношения между самодержавным государством, с одной стороны, и политически обретающими себя капиталом и общественностью — с другой. «...Очевидны первоочередная институционализация субъектов, создавших прессу в своих интересах, и лишь затем — преодоление объектности, качественная субъектация печати, постепенно образу-

щей собственное поле». Но время от времени, под влиянием тех же сил, происходит и обратный процесс — потеря с трудом обретенной устойчивости «как утрата слаженности, сплоченности, автономного совокупного действия элементов прессы в результате силового или несилового (стагнация, ужесточение цензуры и не только политической) давления»⁴⁰.

Подобные наблюдения подкрепляют выводы, давно уже сделанные отечественными исследователями функционирования прессы в системе управления обществом: журналистика выступает преимущественно в качестве объекта или средства политико-управляющего воздействия⁴¹. Если в разные десятилетия выводы специалистов совпадают, вне зависимости от изменений социально-политической конъюнктуры, на фоне которой выполняется анализ, значит, они приближаются к установлению закономерностей функционирования прессы.

Добавим, что роль прессы как субъекта управления не отрицается, хотя это ее свойство проявляется в весьма ограниченном наборе ситуаций. Она, в частности, способна выступать от лица общественности (как орган общественности), если та избирает журналистику своим «доверенным лицом» и, таким образом, делегирует ей свой авторитет. Тогда вступает в силу принципиальное положение теории социально-го управления: для реализации решения его источник должен обладать если не властью, то авторитетом⁴². Однако такая взаимосвязь возникает лишь в случае, когда общественное доверие прессе является несомненным, устойчиво подтверждаемым фактом.

Между тем в современном мире устойчиво фиксируется как раз противоположная картина. Согласно данным европейской исследовательской организации GfK Group, в 2003 году журналистам доверяли в среднем 36% жителей планеты, причем в некоторых странах «эталонной» демократии (например в Великобритании) — лишь 17%. Прав-

⁴⁰ Макушин Л.М. Топология отечественной прессы в полях социального пространства / Л.М. Макушин // Известия Урал. гос. ун-та. 2004. № 32. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 16. С. 59, 60.

⁴¹ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом / В.Г. Афанасьев. М., 1975; Корконосенко С.Г. Печать, управление и самоуправление / С.Г. Корконосенко. Тула, 1992; Свитич Л.Г. Журналист в системе социального управления / Л.Г. Свитич // Мастерство журналиста / под ред. В.М. Горохова и В.Д. Пельта. М., 1977; Шкондин М.В. Печать: основы организации и управления / М.В. Шкондин. М., 1982 и др.

⁴² Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: опыт системного анализа / В.Г. Афанасьев. М., 1973. С. 201.

да, еще меньшим доверием пользуются политики (16%) и менеджеры крупных корпораций (33%), но в их распоряжении находятся управляющие ресурсы власти (опрос проводился по заказу Wall Street Journal в 21 стране, включая Россию). При такой статистике нельзя без скепсиса относиться к распространенному убеждению в том, что именно СМИ «делают» или свергают президентов. В наилучшем случае они удачно для себя попадают в унисон с другими, организационно более сплоченными силами, а также с гражданскими настроениями масс. Правда, исследователи политической роли британских массмедиа констатируют высокую степень их влияния на общественность: «“News and issues” стали новой формой объединения политизированного общества, и в конце XX века уровень медиатизации аудитории достиг появления “media-driven society” — “общества, ведомого СМИ”: социума, где повестка дня пользователя массмедиа во многом совпадает с повесткой дня СМИ и формируется главным образом под влиянием последней...»⁴³. Однако управление «сверху» совсем не тождественно авторитету, построенному на доверии.

Вернемся к построению структурно-функциональных связей в условиях демократии (схема 3). Естественно, в соответствии с темой нашего анализа, на схеме акцентированно представлены СМИ, а не все другие каналы политического взаимодействия в обществе. Пресса здесь расположена не рядом с ведущими субъектами власти и управления, а «внутри» них, как их собственность, или рупор, или средство достижения целей. Думается, что представляя связи таким образом, мы движемся по пути привнесения в теорию элементов реалистичности, без которых даже самая изящная доктрина становится нежизнеспособной.

Подобным образом мы будем рассуждать и при снижении анализа на следующую ступень, на которой рассматриваются связи в пределах гражданского общества как самостоятельной подсистемы (схема 4). Пресса здесь представляет интересы различных институтов и структурных элементов (как их средство), в целях и давления, и согласования позиций. Если бы мы «вскрыли» другую подсистему (капитал или власть), то и там увидели бы сходное соотношение отдельных субъектов, объектов, средств политического влияния.

⁴³ Бодрунова С.С. Современные коммуникативные стратегии британского политического истеблишмента : автореф. дис. ... канд. политич. наук / С.С. Бодрунова. СПб., 2007. С. 16.

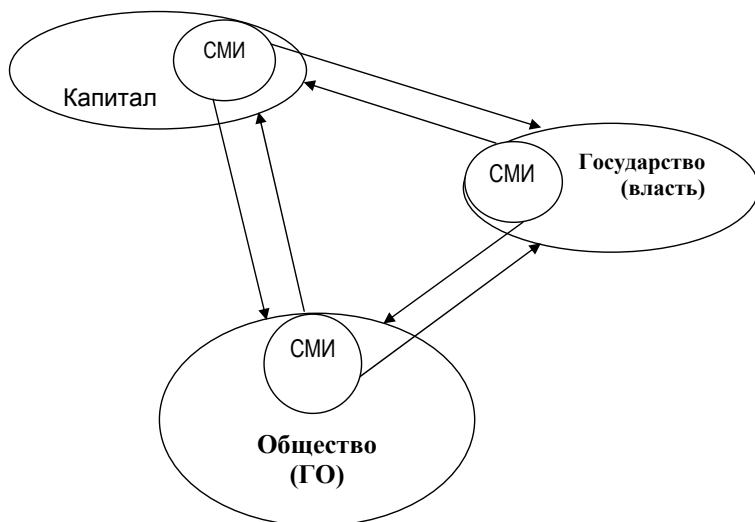

Схема 3. Структурно-функциональные связи СМИ в условиях демократии

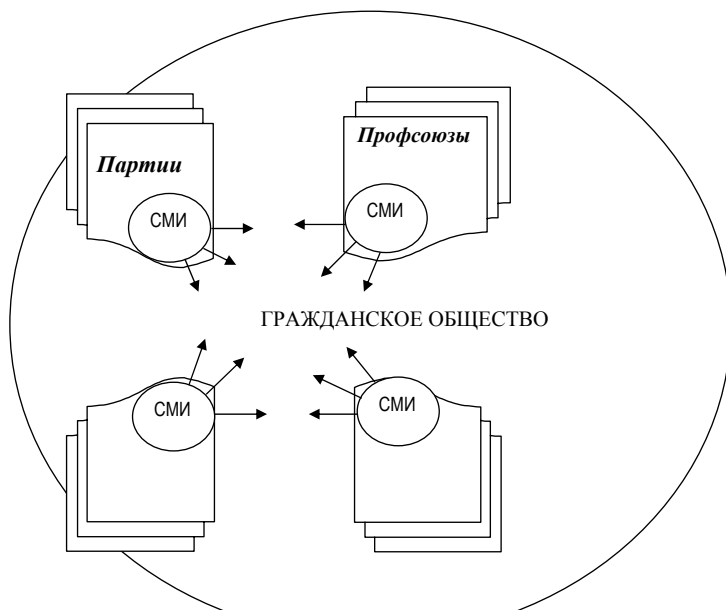

Схема 4. Структурно-функциональные связи СМИ в гражданском обществе

Как, однако, отнестись к известной мысли К. Маркса о том, что на территории независимой прессы (наделенной «головой граждани-на и гражданским сердцем») управляющие и управляемые на равных общаются между собой и решают общественно значимые вопросы⁴⁴? Примем во внимание, что этот тезис имеет отношение не только к государству, но и к другим субъектам общественно-политической жизни. Предложенная нами поступенчатая логика рассуждений явно вступает в противоречие с марксовской идеей — хотя бы потому, что не отражает функционирование прессы как суверенного поля проявления гражданской активности.

Представляется, что не стоит торопиться с прямолинейно-догматическим решением по принципу исключения: или — или. До сих пор мы рассматривали функциональные связи между институтами через прессу, находящуюся под их контролем. Сейчас перед нами вырастает иная социально-политическая и исследовательская ситуация: пресса как средство саморегулирования в распоряжении общества. Соответственно, другими будут и угол зрения, и плоскость анализа, и графика их отображения. Они представлены на схеме 5.

Впрочем, избранный в начале статьи методический прием «снижения» по уровням конкретизации можно использовать и при новом повороте анализа. Так, в пространстве партийной жизни пресса данной политической организации становится (должна становиться, по демократическим нормам) открытой трибуной для выяснения спорных вопросов, снятия разногласий между «верхами» и «низами» и т. п. В этом же качестве она способна выступать для профсоюзов, некоммерческих общественных организаций и даже для государства как разветвленной сети всевозможных учреждений. Иными словами, свойство прессы быть ареной демократического взаимодействия в рамках той или иной системной целостности имеет универсальный характер. Исторически сложилось так, что в нашей стране данная ее способность была раскрыта главным образом применительно к внутрипартийной демократии. Идея использовать печать для дискуссий, диалога, саморегулирования получила развернутое обоснование в теории строительства социал-демократической и в дальнейшем коммунистической партии, да и на практике отнюдь не всегда выглядела как утопия.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. С. 206.

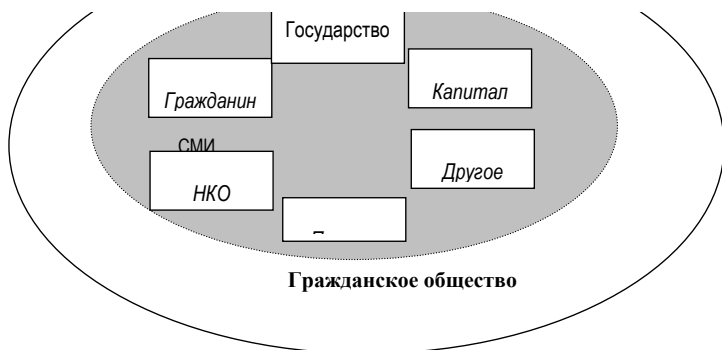

Схема 5. СМИ как средство саморегулирования в гражданском обществе

Несложно предугадать традиционное возражение: в действительности пресса не служит «площадкой» для объективного поиска истины, равноправного диалога граждан, институтов и т. п. Напомним, что К. Норденстренг в общем плане зафиксировал положение, при котором идеальные и реальные векторы влияния принимают фактически противоположные направления. Применительно к нашей стране, в ее теперешнем состоянии, возвеличивать роль СМИ как территории гражданского равноправия — значит либо осознанно лукавить, либо отрываться от реальности. Международные правозащитные организации с печальным для нас постоянством отводят России самые незавидные места в рейтингах свободы слова и печати. Как бы мы ни воспринимали подобное ранжирование, оно определенно свидетельствует о том, что концепция прессы как голоса общественности не находит широкого применения в отечественной действительности.

Объективности ради следовало бы заметить, что критические оценки не абсолютно справедливы, элементы социального диалога можно обнаружить в текущей общественной и прессовой практике. Но в методологическом отношении важнее определиться по другому вопросу. А именно: если концепция демократии «неправильная», поскольку не соответствует наличному положению вещей, то что нужно менять — теорию или практику? Перед нами отдельное проявление более общей проблемы, с которой регулярно сталкиваются исследователи прессы: стоит ли им следовать за сиюминутным опытом редакций, освящая ав-

торитетом науки любые блуждания, или выстраивать политику в сфере информации на научных основаниях? Несомненно, теория нуждается в совершенствовании по мере изменения практики и доктринам положено устаревать. Однако глубоко познанное идеальное (в науке) есть истина, то есть адекватное отражение законов действительности. Это относится и к отражению профессиональной журналистской практики. Идеальное не конкурирует с реальным, хотя и не совпадает с ним; это реальность время от времени отклоняется от истины. Значит, самым правильным решением для науки будет максимальное приближение к истине, а далее — приближение добытого знания к сознанию, интересам, опыту практикующих журналистов и политиков.

Журналистика и политика: границы автономии

Решение принципиальных вопросов о позиции прессы в современной демократии создает базу для более конкретного анализа отношений журналистики с политикой. Без концептуальной «подкладки» их рассмотрение превращается в демонстрацию вкусовых пристрастий или в обзор отдельных, весьма частных эпизодов, что вряд ли приведет к адекватному пониманию реальности. Субъективным, например, был бы ответ (ответы) на вопрос о том, что же несет вмешательство прессы в политику — общественное благо или вред. Альтернатива вовсе не надуманная. Она приходит в голову при знакомстве с полемикой двух американских критиков избирательных кампаний в США. Как и в России, здесь остро обсуждаются проблемы вмешательства прессы в политику, конкретнее — в выборы. Итак, вредны ли для американского политического процесса так называемые негативные кампании, то есть скандалы и разоблачение кандидатов?

По оценке одной из полемизирующих сторон, такие разоблачения производят вредный эффект. Другая сторона считает, что они полезны для общественности, поскольку позволяют ей сделать выбор между кандидатами. Каждый из участников спора критикует манипулятивную риторику в ходе кампаний и призывает бдительнее контролировать ложные заявления. Но если один автор считает, что прессе необходимо как можно осторожнее относиться к негативной информации, которую она предоставляет, то другой отвергает утверждение о том, что негативизм вреден. «Вместо чинных кампаний, когда каждый кандидат произно-

сит общие фразы, пусть открываются и обсуждаются документы и поступки, — говорит он. — Проблема личности реальна, и у людей должен быть способ судить о личностях тех, кого они выбирают. В противном случае информация, необходимая для того, чтобы выяснить различие между кандидатами, никогда не всплывет. И политический процесс станет еще более вялым»⁴⁵.

В цитируемом источнике нет подведения итогов этого спора. Можно с уверенностью сказать, что он будет возбуждаться многократно — и каждый раз без победителя. Столь же определенно мы беремся утверждать, что обсуждаемая проблема поддается расширению до размышлений о необходимости и полезности включения прессы в те политические процессы, которые не замкнуты в рамках избирательных кампаний.

Ассортимент претензий к качеству и результатам политической активности прессы сформировался и хорошо известен. Общественность и политические активисты обвиняют ее в тенденциозности, исследователи — в некомпетентности, а сами журналисты громко и регулярно заявляют о давлении на них со стороны истеблишмента. Таким образом, предположение о том, что «развод» политики и прессы мог бы стать общественным благом, кажется совсем не лишенным резонанса. В самом деле, почему бы не допустить, что такое хронически тревожное соединение вдруг будет разрушено? Журналистика станет собирать и анализировать сведения о социально-бытовой и культурной жизни, транспорте и науке, сельском хозяйстве и спорте — обо всем, что не относится непосредственно к политическим институтам, процессам и действующим лицам. В истории мировой и отечественной прессы бывали длительные периоды запрета на освещение политики — всей периодике или, по меньшей мере, за исключением официальных изданий. Это хорошо известно из истории французской журналистики времени Наполеона, российской печати в условиях самодержавия и пр. По аналогии сошлемся и на былое отсутствие других массово-информационных явлений, без которых сегодня трудно представить себе функционирование СМИ, — например, всего несколько десятилетий назад не существовало телевизионной рекламы (не только в России, но и в западных странах) и не звучали религиозные проповеди в светском эфире.

⁴⁵ Is Negative Campaigning Bad for the American Political Process? // Taking Sides: Clashing Views on Controversial Issues in Mass Media and Society / Selected, Ed., and Introductions by Alison Alexander and Jarice Hanson. 6th ed. Guilford (Connecticut), 2001. P. 167.

Возражения против изъятия политики из журналистики (или журналистики из политики?) появляются с разных направлений. Во-первых, дилетантизм и безответственность свойственны прессе едва ли не любого тематического профиля. С этим столкнулись уральские исследователи, когда провели опрос экспертов — опытных журналистов. Некомпетентность лидирует среди критических замечаний, в частности, при ответе на вопрос о том, что больше всего раздражает в современной российской журналистике. Резче и определеннее других критиков высказался Д.А. Урушев — редактор религиозного приложения к «Независимой газете». «Для конфессиональной... журналистики зачастую характерны крайний дилетантизм, необъективное отношение к источникам, малограмотность, — заявляет человек, получивший университетское образование по специальности «религиоведение». — Для светской журналистики характерна погоня за сенсациями и опять-таки малограмотность»⁴⁶. Так что стратегию «изъятия» логично было бы распространить на все тематические разделы содержания СМИ.

Во-вторых, своеобразие политики в числе прочего состоит в том, что она чувствительнее других сфер общественного бытия затрагивает права и долгосрочные интересы граждан, причем объективно это относится ко всему населению, даже если некоторая его часть декларирует свою аполитичность. В-третьих, реальную возможность через прессу контролировать не только власти (на что стандартно обращается внимание в западной политологии), но и весь спектр политической жизни современное общество выстрадало и завоевало в результате многовековой борьбы. Отказ от этого приобретения был бы равнозначен возврату на ранние ступени социального опыта.

Вряд ли оправдана позиция тех исследователей, которые связывают зарождение и эволюцию периодики исключительно с политической историей мира и, в частности, России. Не меньше правды в словах тех специалистов, кто настаивает на литературном генезисе прессы, во всяком случае в нашей стране. В литературе все активнее разрабатывается плодотворная идея о тесной связи зарождавшейся прессы с развитием науки, познания мира, или, еще шире, с идеей торжества разума — од-

⁴⁶ Социологический опрос // Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры / под ред. В.Ф. Олешко. Екатеринбург, 2005. С. 285.

ним из краеугольных камней философии Просвещения⁴⁷. Несомненно, в рождении печати сконцентрировался мощный пучок разнородных возможностей, предпосылок и потребностей.

Но нельзя не признавать и того, что современная политика скована с прессой, причем связь эта, так сказать, взаимовыгодная. Политическая жизнь питает журналистику календарными событиями, злобой дня, сенсационными отставками и назначениями — словом, не дает ей погрузиться в размеренное бестрепетное существование. Политика и политики в свою очередь тоже вынуждены поддерживать форму перед скептическими взорами репортеров, заигрывать с ними и относиться к ним как к рупору, обращенному в сторону общественности. Интерес у каждой стороны свой, эгоистический, но стойкий и ясно осознаваемый. Не случайно он пробивался сквозь толщу ограничений даже в весьма отдаленные времена. Историки отечественной печати сообщают, что хотя столетия назад политические издания в целом не поощрялись властью, эта тематика была представлена гораздо шире, чем принято считать. Помимо знаменитого журнала Н. М. Карамзина «Вестник Европы», имевшего политический отдел (1802–1803), выходили переводное издание «Политический журнал» (Москва, 1790) и первая частная газета «Гений времен: Исторический и политический журнал» (1807–1809). К началу XX века в России насчитывалось до сотни частных общественно-политических газет⁴⁸.

Мы и сегодня наблюдаем, что ни одна попытка комплексно оценить политическую ситуацию не обходится без включения в этот комплекс положения дел в СМИ. Например, работающий в нашей стране зарубежный исследователь публикует свою версию динамики российской политической системы, описывая ее как авторитаризм типа «стэлс» (так образно называется американский самолет-невидимка). В наши задачи не входит анализ его версии. Мы лишь хотим подчеркнуть, что в ней, наряду с такими компонентами, как отход от принципов демократии, выборочное ведение антикоррупционных войн, нечестные вы-

⁴⁷ Макушин Л.М. Потенциал журналистики в социальном познании: исторический взгляд / Л.М. Макушин // Журналистика и социология. 2002. Журналистика как средство общественного познания / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб., 2003. С. 54.

⁴⁸ Жирков Г.В. Просветительская функция журналистики в исторической ретроспективе / Г.В. Жирков // Филол. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2003. № 3. С. 67–68.

боры, рецентрализация управления и т. п., свое «законное» место занимает и государственная гегемония в СМИ⁴⁹.

Таким образом, допущение разъединения политики и журналистики даже на абстрактно-теоретическом уровне надо считать и бесперспективным, и нереалистичным. Независимо от того, благо или вред несет в себе их союз, он неизбежен, во всяком случае, на обозримой дистанции лет. Тогда, по всей видимости, имеет смысл рассуждать о том, какими мерами оценивается «хорошее» и «дурное» и как обеспечить максимальное преобладание блага. Сами собой напрашиваются конкретизирующие вопросы. Какие взаимоотношения между журналистикой и политикой (политиками) заслуживают поощрения и какие — осуждения? Какая журналистика будет стимулировать формирование общественно ценной политики и т. п.? Это наиболее привычный поворот мысли, выигрышный в прагматическом отношении, в том числе как методическая установка в журналистском образовании. Однако по существу здесь нет неясностей, за исключением разве что отдельных конъюнктурных деталей. Мы заранее скажем, что от прессы потребуются объективность, упомянутая только что компетентность, гражданственность, надежный иммунитет к финансовым соблазнам — и другие вполне общеизвестные достоинства, укладываемые в нормативные представления о качестве выполнения журналистикой ее общественного долга.

Аналитика, избравшего этот стереотип мышления, ожидают по меньшей мере две ловушки. Во-первых, он априори исходит из того, что журналистика всегда есть, наличествует в социально-политическом мире, тогда как в действительности она может полностью атрофироваться или, в менее очевидном, но потому и более опасном варианте, уступить место своим суррогатным заменителям, прежде всего политической коммуникации. Во-вторых, следовательно, весь приведенный реестр требований придется относить к явлению, которое не получило ни общепринятого понимания, ни точного названия — даже среди сторонников политически тенденциозной эксплуатации публичного слова. Имеется в виду терминологическая неопределенность и прагматизм понимания общественной роли прессы, с которой мы сталкиваемся

⁴⁹ Хан Гордон М. Назад к будущему: становление и консолидация авторитаризма типа «стэлс» / Гордон М. Хан // Россия между парламентскими и президентскими выборами : актуальные вопросы внутренней и внешней политики / под ред. К. К. Худолея. СПб., 2004. С. 73—74.

в политической коммуникативистике. Стоит ли при вступлении на территорию политики торопиться с отказом от аппарата теории журналистики в пользу явно неадекватной его замены?

Парадоксальным на первый взгляд, но оправданным в исследовательском и практическом отношениях выходом из запутанной ситуации будет сохранение журналистики как **самостоятельного социального института**. Подчеркнем — журналистики, а не СМИ или СМК, о чем в очередной раз приходится вспоминать. Машинально взаимозаменяя эти понятия, мы сами не замечаем, как лишаем анализ предметного содержания. Так появляются следующие, например, утверждения: «Субъекты публичной политики — это граждане, СМИ и публичные, то есть избранные народом, политики. Кроме этих публичных политиков... в публичной политике активно участвуют и государственные чиновники, и политики “назначенные”...»⁵⁰. Нет сомнений насчет субъектности лиц, обладающих правом и политической волей, наделенных реальной законодательной или исполнительной властью, за спиной которых стоят полномочные политические институты. Но СМИ, которые по букве закона и по сути есть всего лишь форма периодического распространения информации, поставлены в этот ряд по инерции, без должных оснований. Будучи формой, они не могут претендовать и на статус социального института. Попробуем в приведенной цитате заменить СМИ на журналистику — фраза сразу начнет, что называется, резать слух, поскольку в научном сознании журналистика не соотносится с ролью субъекта политики.

Чуть ранее мы уже пришли к выводу, что у журналистики нет собственных политических интересов, и конкретные медиаорганизации как бы примыкают к подлинным, то есть правомочным и влиятельным, субъектам политики. Но при этом журналистика относится к числу институтов социальных, или, иными словами, пресса — это самостоятельный социальный институт. Социальный мир гораздо обширнее политического, он включает в себя политику как один из своих многочисленных «секторов». Журналистика обладает ясно выраженными качествами социального института — как форма сохранения и развития социальности, как одно из воплощений общественного сознания,

⁵⁰ Груша А.В. Формы и методы организации взаимодействия субъектов политики : пресса и политический диалог / А.В. Груша. М., 2000. С. 5.

опыта и практики, как способ духовной самоорганизации социальной системы и пр. Значит, и в политику она приходит в первую очередь в этом своем качестве, а не как инструментальный придаток тех или иных корыстно ориентированных политических сил.

Нет слов, сталкиваясь с фактами действительности, мы бываем вынуждены делать множество оговорок и поправок на конкретность политического процесса. Прочность позиций официально-государственной прессы, предвыборные издания кандидатов и партий, беспринципная торговля журналистов убеждениями — лавина подобных свидетельств вовлеченности прессы в политическую игру способна затмить ее социальную по преимуществу природу. Но проведем еще раз параллель с другими областями тематической специализации в журналистике. Включенность отдельных изданий и авторов в театральные интриги не позволяет нам ставить вопрос о «приватизации» журналистики театром и миром искусства в целом; то же — с отношениями между прессой и спортивной жизнью, судебно-правовой системой, туристическим бизнесом, наукой и т. п. Тематически специализированная журналистика служит мощным фактором протекания процессов в различных сферах социальной практики. Но как только она превращается в один из элементов их структуры и начинает действовать изнутри, так сила ее влияния на них резко снижается. Наоборот, сохраняя себя как агента общественности, действующего извне, объявляющегося с собственным «уставом», обладающего уникальным функциональным набором и социальными по происхождению целевыми установками, она оказывает максимальное воздействие на объекты своего внимания.

В критической литературе последнего времени встречается немало попыток выбраться из тупика так называемой политизации прессы (притом, что ряд исследователей подают политизацию едва ли не как закономерность современного развития журналистики). Эти попытки преодоления аномалии облекаются в различные формы и предпринимаются по разным поводам; иногда приходится снимать плотный поверхностный слой частностей, чтобы обнаружить глубинное родство чужих идей с нашими размышлениями. Рассмотрим некоторые из таких внешне несопоставимых эпизодов научных дискуссий.

В исследовании партийной прессы (надо заметить, одним из крайне немногочисленных сегодня) говорится: «Можно бесконечно подвергать

критике партию большевиков, но ни одна современная отечественная политическая партия не разработала содержательной системной концепции партийного издания. <...> Существующие партийные издания не служат целям партийной агитации и пропаганды, т. к. у партий нет конструктивных программ взаимодействия со СМИ и воздействия на аудиторию через собственную партийную прессу. Партийные издания создаются, скорее всего, для узкого круга единомышленников, а не для широких групп населения. <...> Можно предположить, что у партий, игнорирующих партийную прессу, нет будущего»⁵¹.

Здесь можно усмотреть «доказательство от противного», то есть с точки зрения интересов политических организаций. Но в принципиальном плане ставится вопрос о том, располагается ли изучаемый отряд журналистики «внутри» партийно-политической жизни или сфера его действия размыкается до горизонтов взаимодействия с социумом и всей массой граждан. С ответом на этот вопрос прямо связывается степень влияния прессы на политическую действительность.

Двинемся дальше. «Финансирование кампаний по выборам органов государственной власти должно быть преимущественно государственным, обеспечивающим полноценную возможность донесения до избирателей информации о кандидатах и партиях без использования средств банков и корпораций, частных пожертвований»⁵², — утверждают известные политические аналитики. Мы, естественно, не комментируем целесообразность их стратегического предложения (хотя, между прочим, в США действует именно такой или почти такой порядок). Для нас важно, что из-за всей его кажущейся отстраненности от наших тезисов проглядывает стремление сделать политическое информирование социальной функцией, но не корпоративно-политической. Закроем, правда, глаза на то, что социальное здесь прямолинейно отождествляется с государственным. Думается, американские специалисты — участники полемики, на которую мы ссылались выше, — нашли бы в лице цитируемых авторов своих сторонников.

⁵¹ Соколова Е.П. Проблемы современной партийной прессы / Е.П. Соколова // Журналистика и политика / сост. М.М. Ковалева, Д.Л. Стровский ; под науч. ред. М.М. Ковалевой. Екатеринбург, 2004. С. 88–93.

⁵² Делягин М., Шахрай С. Коррупция в системе государственного управления России: значение, причины и механизмы искоренения / М. Делягин, С. Шахрай // Союз против коррупции: СМИ, гражданский сектор и бизнес объединяют усилия в борьбе с коррупцией / отв. за вып. М. Дзялошинская. М., 2000. С. 267.

Далее. Вспомним неловкую ситуацию с новой редакцией Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которой в журналистских материалах фактически запрещалось выражать мнение о кандидатах и партиях, участвующих в выборах. Тем самым из журналистики вымывалась ценнейшая для общества составляющая — комментирование политических событий. Показательно, что вскоре в профессиональном журнале появились рекомендации юристов, призванные помочь редакциям избежать рисков преследования за нарушение закона. В их числе была и такая: «Рекомендуется полностью отказаться от аналитических по содержанию программ, посвященных выборам в период избирательной кампании»⁵³. Мера, конечно, вынужденная, но категорически отрицающая журналистику как профессию и форму общественной критики политического процесса. И все лишь потому, что пресса волею законодателей была погружена в практическую политику, тогда как ее удел — находиться вовне. По счастью, под давлением общественности в октябре 2003 года Конституционный суд поправил законодательную власть, которая посягнула на суверенитет журналистики.

На наш взгляд, приведенные материалы, будучи прочитанными аналитически, подсказывают, что ответ на вопрос о благотворности или вредоносности участия прессы в политике надо искать в связи с самоопределением журналистики как социального института: она не находится внутри политики, а взаимодействует с ней. Разумеется, кроме тех ситуаций, когда конкретное СМИ является собственностью политической организации и входит в ее структуру. Но этот порядок перестал быть доминирующим в отечественной журналистике. Между прочим, еще раньше он ушел в прошлое в странах Европы. Нам будет полезно познакомиться с оценками, которые дают исследователи А. Сигурд (Норвегия) и Э. Поллак (Швеция) в статье с характерным названием «После падения партийной прессы: являются ли журналисты новым типом политических деятелей?».

«...Политическая журналистика так же вовлечена в конкуренцию за площадь и эфирное время, как и другие типы журналистики новостей.

⁵³ *Китайчик М., Мотовилова О.* Рекомендации журналисту по освещению избирательного процесса / М. Китайчик, О. Мотовилова // Законодательство и практика масс-медиа. 2003. № 10. С. 6.

Большинство норвежских и шведских газет больше не резервируют страницы для политических новостей (в отличие, скажем, от деловых новостей, культуры и развлечения, спорта). То же происходит с политикой в телевизионном новостном вещании. <...> Приоритет всегда отдается политическим скандалам. Но сообщения о текущих политических процессах часто проигрывают в конкуренции... <...> В анализе журналистов как участников политических процессов мы должны различить роли репортеров и комментаторов. *Ученые мужи прессы*, ведущие комментаторы и политические аналитики, другими журналистами и публикой воспринимаются как выразители политических мнений. Они критикуют, оценивают, интерпретируют и дают советы. <...> В то же время, в соответствии с англо-американскими теориями об “объективности” новостей, скандинавские редакторы отделов информации часто настойчиво доказывают, что *политические репортеры* ни в коей мере не являются участниками политических процессов. Суждения, выбор приоритетов и освещение политических конфликтов и драм рассматриваются как “чисто журналистские” выступления, основанные на стандартных критериях ценности новостей»⁵⁴.

Как можно заметить, в скандинавской прессе возобладали социально-институциональный подход к политической журналистике, в меру прагматичный и в то же время достаточно теоретически широкий, чтобы изучать ценность вклада прессы в политику.

Конечно, оценивать поведение журналистики в политической сфере можно не только с социальных или профессионально-прикладных позиций. Она одновременно принадлежит к явлениям духовной культуры, и в этом измерении к ней приложимы философско-моральные сентенции. Ведь в конечном счете повседневная редакционная практика, равно как политика и политиканство, базируется на той или иной метафизической системе. Соответственно даже единичные поступки могут рассматриваться в свете фундаментальных мировоззренческих установок действующих лиц. Однако в этом случае мы выйдем за пределы своего прикладного анализа и переместимся в область духовного предназначения всей журналистской деятельности, ее ценности для че-

⁵⁴ Allern Sigurd, Pollack Ester. After the fall of the party press: are journalists a new type of political actors? Case study of two recent political scandals in Scandinavia / Sigurd Allern, Ester Pollack : Paper prepared for presentation at the 26th Conference of the International Association for Media and Communication Research in Paris. July 23–26, 2007. P. 4–6.

ловека в морально-нравственном измерении. Социально-институциональный подход помогает решить более конкретные вопросы. Правда, он не гарантирует исследователю открытия вечных и неизблемых истин — наоборот, знание всегда будет представлять как ситуационное, в силу подвижности жизненного материала. Но эта изменчивость все же имеет более или менее определенные границы допустимого, за чертой которых журналистика перестает существовать, а значит, и ее исследование теряет научный и практический смысл.

Утверждать право политической журналистики на автономию приходится в условиях, когда в ней самой многое еще не отстоялось и не получило общепринятой трактовки. Это относится и к методике труда, и к этическим нормам поведения, и даже к словам, которыми обозначаются явления редакционных будней. Поколение нынешних политических обозревателей выросло фактически без прямого участия науки и специализированного образования, их профессиональная культура складывалась «на марше», стихийно. Особенно острый кадровый голод испытывают регионы. Как утверждает главный редактор газеты «Уральский рабочий» Л.Л. Кошечев, «у нас есть политобозреватели буквально в единичных экземплярах <...> у журналистов не только нет знаний и информации, но еще и желания их пополнять. <...> В итоге за редчайшими исключениями местная политическая журналистика — это... озвучивание чьей-то позиции»⁵⁵.

В этом отношении политические корреспонденты мало отличаются от политологов. Как верно отмечают обозреватели, «политологическое образование в нашей стране делает только первые шаги. Стоит заметить, что до середины 90-х годов политическим наукам обучали только в избранных учебных заведениях, однако в последние десять лет ситуация сильно изменилась... <...> Не секрет, что большинство известных российских политических аналитиков, за редким исключением, не имеют профессионального политологического образования»⁵⁶.

Отсюда — широкое распространение стереотипов мышления о профессии и в профессии, как легче всего усваиваемой интеллектуальной

⁵⁵ Кошечев Л.Л. Невостребованными могут оказаться не только плохие журналисты, а вообще все... / Л.Л. Кошечев // УМО-регион. Вып. 2. Место журналистики в современных средствах массовой информации / ред.-сост. Л.М. Макушин. Екатеринбург, 2006. С. 13–14.

⁵⁶ Носков В. Где делают профессиональных политологов / В. Носков // Газета.ru. 2004. 27 мая // <http://engine.awaps.net/1/3084/001001.gif?0-0-0-0-a:14577p:11137>.

пищи. Вины журналистов здесь, конечно, нет, им по роду деятельности положено скорее воспринимать понятия и категории, чем создавать и теоретически обосновывать. Но какие бы ни были тому причины, проблемные ситуации существуют *de facto*. Нередко бывает трудно добиться взаимопонимания — и между исследователями, и в диалоге ученых с практиками, в том числе из-за несовпадения тех систем координат, в которых развивается мысль.

Вместе с тем регулярно возникают ситуации общения, когда требуется именно отчетливая ясность обозначений, ибо за ними — существо позиции и выбор профессиональной технологии труда. Стереотипы, как эрзацы терминов, дополнительно затрудняют диалог. Возьмем для иллюстрации получившее довольно широкое хождение наименование «политический журналист». В этом новообразовании прячется некая двусмысленность, неопределенность: то ли журналист по роду деятельности стал политиком, то ли громче других высказывает свои убеждения, то ли верно служит определенным политическим силам, предавая забвению интересы общества и своей аудитории... К тому же вслед за политическим журналистом, по формальной логике, должны появиться журналисты экономические, юридические, экологические, аграрные, научно-технические и пр., что временами звучит забавно, если не нелепо («культурный журналист»).

По нашему мнению, чтобы избежать такой невнятности, надо увидеть политическую журналистику как широкую область предметно-тематической специализации. В кадровом измерении она представлена целым реестром должностных позиций: парламентскими корреспондентами, политическими репортерами, обозревателями, комментаторами, шире — политическими корреспондентами. Так, в соответствии с производственными обязанностями, их и надо именовать (сравним: экономический обозреватель, спортивный комментатор, судебный репортер...). Уместно ли в этот ряд помещать политолога? Да, если имеется в виду качественная характеристика эксперта в вопросах политики, оснащенного глубоким знанием проблем и тенденций в своей области, исследователя, а не поставщика событийной информации. По всей видимости, на этот статус с большим основанием претендуют приглашенные специалисты, чем редакционные полевые корреспонденты.

К слову сказать, и политолог журналистики — это специалист, исследующий прессу с использованием багажа политических наук и теории журналистики. Если это и не всегда ученый по профессии (а, например, редакционный аналитик), то уж, во всяком случае, человек, обремененный и специальными познаниями, и навыками системного, объективного изучения материала. Точнее разобраться с терминами и категориями политического знания о журналистике нам поможет знакомство с основами особой дисциплины — политологии журналистики.

Вопросы для семинарских занятий

1. Какие существуют традиции описания роли СМИ в демократическом обществе, на каких теориях они основаны?
2. Какие уточнения вносит современность в традиционные схемы?
3. Если журналистика — средство управления, то в чьем распоряжении?
4. Журналистика в политике — вред или благо для общества?
5. Независимость политической журналистики от политики. Как это понимать?
6. Кого в журналистике следует считать политологом?

Задания для самостоятельной работы

1. Проанализируйте отношения журналистики с политикой на примере конкретных кампаний или акций.
2. Составьте профессиональный и общественный портрет конкретного политолога в журналистике.

3. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ О ЖУРНАЛИСТИКЕ

● Политология журналистики как направление анализа прессы ● Политология журналистики как социальная теория журналистики ● Политические факторы развития политологии журналистики

Как мы могли убедиться, политическое знание о журналистике заслуживает того, чтобы стать содержанием самостоятельной ветви теории, а именно **политологии журналистики**. В ней найдут преломление тенденции и общее понимание науки о журналистике как целостности, включающей в себя различные виды частных, специальных дисциплин.

Политология журналистики как направление анализа прессы

Изучение и оценка прессы с позиций политической теории и практики от самого зарождения периодической печати воспринимаются как естественный и необходимый угол зрения на журналистскую деятельность. Это наблюдается и в отечественной, и в мировой науке. Заметим, правда, что не надо путать политико-идеологическую заданность доктрин, суждений и оценок со специальной областью научного знания. Так, в советское время научная литература была пронизана идеями коммунистической партийности, но как раз политическая наука не получала такого энергичного развития, как в ряде западных стран.

Тем не менее, есть основания утверждать, что собственно политологический подход к журналистике в России опирается на довольно прочную традицию. Уже несколько десятилетий назад выходили крупные труды, теоретически отражавшие прочную взаимосвязь политики и прессы⁵⁷. Понятно, что в значительной своей части материал тех изданий устарел. В последние годы дополнительным стимулом к работе в данном направлении служит развитие специализации корреспондентов в области политического репортажа и комментария. Откликаясь на потребность редакций, университеты вводят учебную специализацию студентов по политической журналистике. Организационные шаги такого рода уже сделаны в Белорусском, Московском, Санкт-Петербургском, Уральском и других государственных университетах. Одна за другой появляются книги, в названиях и содержании которых политика и журналистика образуют неразрывное тематическое единство⁵⁸. На научно-квалификационном уровне присваивается ученая степень докторов и кандидатов политических наук по специальности «Журналистика», то есть — политологов, специализирующихся на анализе прессы.

⁵⁷ Журналистика в политической структуре общества / под ред. Я.Н. Засурского. М., 1975; Журналистика и политика / под ред. Я.Н. Засурского. М., 1987; *Ученова В.В.* Публицистика и политика / В.В. Ученова. 2-е изд., доп. М., 1979 и др.

⁵⁸ Десять интервью о политической журналистике / под ред. Л.Л. Реснянской. М., 2001; *Ивлева И.Д.* Основы политической журналистики: конспект лекций / И.Д. Ивлева. Рига, 2001; *Киричк П.Н.* Публицистика и политология: природа альянса / П.Н. Киричк. Саранск, 1995; Парламентская журналистика: ретроспектива, теория, практика / отв. ред. И.Н. Тхагушев. М., 2000; *Сидоров В.А.* Политическая культура средств массовой информации / В.А. Сидоров. М., 1994; СМИ и политика в России: социологич. анализ роли СМИ в избирательных кампаниях / ред.-сост. И. В. Задорин. М., 2000 и др.

Ученые пришли к выводу о том, что пришло время системно описать особую научную и учебную дисциплину — политологию журналистики. Над решением этой задачи целенаправленно работала кафедра социологии журналистики СПбГУ (ныне не существующая). Ее усилиями созданы учебные пособия и коллективные исследования, проведены межвузовские семинары, в том числе по программе такого высокого форума, как Дни Петербургской философии⁵⁹. Думается, сегодня есть материал для того, чтобы обобщить и закрепить сложившиеся представления.

Говорить о существовании самостоятельной дисциплины целесообразно постольку, поскольку определены ее базовые характеристики, а именно объект и предмет изучения (суверенная сфера интересов), состав, а также методолого-методическое обеспечение. В случае с политологией журналистики (впрочем, как и с другими пограничными дисциплинами) главная сложность связана с выбором приоритетов из нескольких «материнских» областей познания.

К объекту изучения возможны как минимум два подхода. Идя «от политологии», мы назовем объектом политику — генеральную для данной науки область анализа. Политология неизменно сосредоточивается на политических сторонах явлений, независимо от того, какой фрагмент действительности попадает в поле ее зрения, будь то деятельность государства, межнациональные конфликты или, как в нашем случае, прессы. Двигаясь «от теории журналистики», мы, естественно, будем считать объектом журналистику, размышлять на уровне ее закономерностей, принципов функционирования и развития, взаимоотношений с другими социальными институтами и т. п. При этом изучение политических отношений, в которые вступает пресса, окажется частным случаем применения универсальной теоретико-журналистской методологии.

Очевидно, что конкуренция между двумя областями знания способна привести скорее к поглощению одной науки другой (если, наоборот, не к их безоговорочному разделению), чем к рождению оригинальной синтетической дисциплины. Для преодоления подобных коллизий,

⁵⁹ Журналистика и социология'2001. Политология журналистики / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб., 2002; Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб., 2004; Социально-политическое функционирование журналистики / ред.-сост. В.А. Сидоров. СПб., 2005; Журналистика в мире политики: поиски назначения / ред.-сост. С.Г. Корконосенко, В.А. Сидоров. СПб., 2006; Журналистика в мире политики: спрос на интеллект / ред.-сост. В.А. Сидоров. СПб., 2008.

возникавших прежде и в связи с другими отраслями обществоведения, мы используем ту схему взаимоотношений теории журналистики со смежными науками, которая была предложена в предыдущих главах книги. Он, этот объект, помещается в зоне пересечения («наложения» друг на друга) политологии и журналистики.

В объект политологии журналистики при данном подходе войдут, с одной стороны, политические идеи и деятельность, с другой стороны — идеология и практика журналистики. Это не два отдельных объекта, а элементы двусоставного комплекса. На стадии «учреждения» новой дисциплины не имеют решающего значения вопросы о том, как именно понимается содержание самой политологии и теории журналистики, какие концептуальные споры идут внутри каждой из них: политология журналистики принимает «готовую продукцию», результаты жизнедеятельности своих прародителей.

Взаимосвязь политологии журналистики с политологией заслуживает более детального рассмотрения. Каким образом политология участвует в структурировании объекта нашей субдисциплины? Насколько глубоко в него входит? Какими своими компонентами? Для ответа на поставленные вопросы представим содержание (разделы) политической науки, или, иначе говоря, основные объекты ее внимания. Тем самым станет возможным увидеть богатство и разнообразие взаимоотношений политологии журналистики с политической наукой, которая имеет свою сложную структуру (схема 6).

Не исключено, что у кого-то из «штатных» политологов возникнут дополнения или несогласия по поводу такого членения их науки. Но для выработки подхода к объекту изучения нам важен не столько исчерпывающий перечень тех или иных разделов, составных частей, сколько метод, ведущий к правильному пониманию содержания политологии журналистики. Значит, при желании в изображенную нами схему можно добавить недостающие компоненты, перегруппировать имеющиеся и т. п. Можно и даже необходимо расшифровать содержание блоков, перечислив входящие в них элементы.

- *политические институты* — институты государства и негосударственные образования, олицетворяющие собой гражданское общество (партии, движения, группы интересов, ассоциации граждан, общественные организации и т. п.);

- *политическая жизнь* — практика завоевания и осуществления власти (процессы); субъекты политической активности; политические технологии, применяемые в процессах управления, избирательных кампаниях и т. п.;

- *политическое сознание* — сочетание идеологии и политической психологии, свойственное массам, социальным группам и индивидам и отражающее их восприятие политической реальности;

- *политическая культура* — исторически сложившиеся представления и впечатления о политике, а также тип участия в политической жизни, определяющие поведение в конкретных социально-политических обстоятельствах;

- *политическое познание* — исследование политической реальности, политическое образование, объем знаний о политике и власти, хранящийся в памяти людей, научных источниках, а также в традициях изучения политического мира и методах политической деятельности;

- *политические коммуникации* — политическая информация и общение между участниками политической жизни; в той своей части, которая измеряется категориями коммуникации, сюда входит и политическая журналистика.

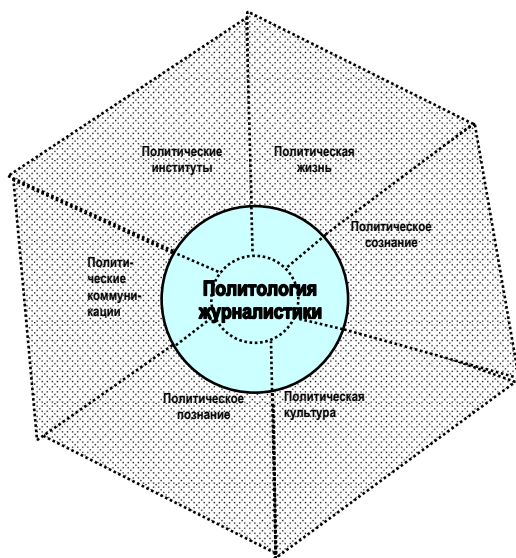

Схема 6. Взаимосвязи политологии журналистики и политологии

Итак, своим содержанием политология активно участвует в формировании объекта политологии журналистики. Сходство объектов этих дисциплин находит отражение в приведенном ниже *составе политологии журналистики*, который включает в себя три группы компонентов.

1. Идеино-концептуальные компоненты. Кроме определения объекта, предмета, методической базы, материала анализа необходимо выяснить положение политологии журналистики в системе знания об обществе и журналистике. Поскольку пресса и политика относятся к числу исключительно подвижных явлений, то и концептуальные представления о них не могут существовать и рассматриваться как некая теоретическая «окаменелость»: они тоже меняются, сталкиваются друг с другом, порождают новые взгляды и доктрины. Поэтому так важно рассматривать и учитывать различные традиции политического анализа журналистики, сложившиеся в истории мировой и отечественной научной мысли.

Объективные условия деятельности прессы определяются, главным образом, местом и ролью журналистики в политической системе общества. Значит, в равной степени необходимо и изучать реальные обстоятельства практики СМИ в реальном историческом времени, и вырабатывать оптимальные модели прессы как социально-политического института. Далее, одной из центральных категорий анализа в политологии, как мы видели, является политическая культура. Соответственно в центр нашего внимания выдвигается политическая культура журналиста. В некотором смысле изучать ее даже важнее, чем объективные условия, потому что, в конечном счете, «человеческий» фактор оказывает решающее воздействие на процесс и результаты журналистского труда.

2. Политическая журналистика. Наиболее зримо для общества, как и для самих сотрудников СМИ, взаимосвязь прессы с политикой выражается в освещении политической жизни. Как область профессиональной предметной специализации политическая журналистика отличается своеобразным содержанием (тематикой, материалом); она по-разному строится в зависимости от каналов информации (печать, телевидение, радио и др.), вовлекает в свою орбиту определенные авторские силы. Политическая журналистика опирается на широкую нормативную (правовую и этическую) базу, которая несколько отличается от той, которая регулирует массово-информационную деятельность в целом. Специального изучения заслуживает психология политичес-

кой журналистики. В ней сливаются, главным образом, три потока знаний — из социальной психологии, политической психологии и психологии журналистики. Наконец, политическая журналистика существует в форме произведений, при подготовке которых используются присущие ей источники информации, жанры, литературно-стилистические приемы и т. д. У политической прессы есть своя аудитория, состав и запросы которой также подлежат теоретическому и профессионально-прикладному анализу.

3. Исследовательские и образовательные методики. Пресса предоставляет ценный материал для изучения политической практики, которым регулярно пользуются исследователи. Ими могут быть как представители академической науки и центров прикладного политического анализа, так и редакционные сотрудники — аналитики, обозреватели, руководители мониторинговых групп. К изучению политики по материалам СМИ обращаются и учащиеся высшей школы, когда выполняют научно-исследовательские задания. В зависимости от задач и уровня исследования целесообразно воспользоваться теми или иными методиками анализа. То же можно сказать и об иной исследовательской ситуации — когда объектом изучения становится политическая журналистика. В состав политологии журналистики входит и рассмотрение системы образования кадров, повышения их квалификации, методов обучения навыкам политической журналистики.

Мы видим, что все компоненты политологии журналистики тесно взаимосвязаны с исследовательской практикой в рамках политической науки. Вместе с тем из тезиса о близости политологии и политологии журналистики совсем не следует, что объект един для обеих дисциплин. Случись такое, и неизбежно произошло бы то самое поглощение одной науки — другой, о котором шла речь выше. Их взаимодействие происходит в зонах пересечения, или «наложения» интересов. Тем самым теория журналистики «присваивает» лишь часть того или иного раздела политологии, необходимую для решения собственных исследовательских задач. Величина этой части непостоянна, она колеблется в зависимости от множества факторов. На нее оказывают влияние потребности конкретного политического момента (в связи с выборами журналистская наука особенно пристально интересуется информационными технологиями), специализация исследователей прессы

(скажем, социологам журналистики ближе деятельность политических институтов, а психологам журналистики — настроения и эмоции гражданских масс), интенсивность освоения определенного направления в науке (рост внимания к политической истории нашей страны породил соответствующие труды по истории печати) и т. д.

Особенно большое значение имеет вопрос о степени «родства» объекта политологии с исконной сферой интересов теории журналистики, то есть самой журналистикой как профессиональной практики. Для сравнения возьмем из нашего списка-расшифровки объектов политологии два элемента — политические технологии и политическую журналистику.

Политические технологии, как говорится в авторитетной учебной литературе, представляют собой совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на оптимальную и эффективную реализацию задач конкретного субъекта, или алгоритм поведения. Технологии несут в себе установку главным образом на прикладную деятельность (на успех) и могут строиться без внимания к научно-теоретическим выводам⁶⁰. Примеры тому мы найдем в текущей работе политических консультантов, соответствующих подразделений органов власти и управления, служб паблик рилейшнз, избирательных штабов и т. п.

В какой мере такая утилитарная практика привлекает интерес политологии журналистики? Очевидно, что по сути она лежит вне зоны функционирования прессы. Как только редакция превратится в филиал избирательного штаба или агентство по связям с общественностью, она перестанет соответствовать своему назначению непредвзятого веснника и критика в политической сфере. Вместе с тем некоторые точки соприкосновения, безусловно, обнаруживаются. Политтехнологи стремятся использовать СМИ в своих целях (благородных, благовидных или откровенно аморальных). Как отмечают исследователи, «прошедшие в стране избирательные кампании наглядно продемонстрировали, что отечественные политтехнологи научились неплохо использовать телевидение в своих целях. Они нашли путь к российской аудитории, применяя те формы телевизионной политической коммуникации, к которым она

⁶⁰ Соловьев А.И. Политология : политическая теория, политические технологии / А.И. Соловьев. М., 2001. С. 415–421.

привыкла в доперестроечное время»⁶¹. Значит, политологи журналистики вынуждены уделять политтехнологиям некоторую долю внимания.

Далее, определенные технологии мы найдем в политическом руководстве прессой со стороны ее учредителей, владельцев или групп влияния. В советское время алгоритм такой деятельности был отлажен фактически до уровня стандартизированного производства. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с литературой, издававшейся массовыми тиражами и адресованной работникам аппарата КПСС и редакций⁶². Тот опыт не канул в лету, а находит преломление и своеобразное развитие в практике современных российских партий. Как бы мы ни оценивали подобные факты с нравственно-этических позиций, партийное руководство печатью есть зона интересов политологии журналистики.

Далее, освещение того, как используются политические технологии (государственными и партийными функционерами, имиджмейкерами, кандидатами в депутаты и т. п.), служит одной из обязанностей политобозревателей и репортеров, работу которых, в свою очередь, анализирует теория печати. Следовательно, и здесь мы найдем объекты, общие для политологии и политологии журналистики. Наконец, исследователи прессы не могут не заниматься политтехнологиями как антитезой журналистике — как вирусом, проникающим в нее и грозящим ей перерождением. Впрочем, в среде политологов тоже немало тех, кто ставит под сомнение этот неперенный, казалось бы, элемент общественной жизни.

В свою очередь политическая журналистика служит непосредственным и даже центральным объектом политологии журналистики. Если большинство общественных наук помещают прессу в ряд других коммуникативных средств, то для политологии журналистики она представляет специальный интерес как многогранное, живое, целостное явление, сущность которого отнюдь не сводится к коммуникации. К сравнению с политологией данное замечание имеет прямое отношение. Политическая наука увидит в прессе средство связи и контак-

⁶¹ Долгова Ю.И. Телевизионная политическая коммуникация / Ю.И. Долгова. М., 2002. С. 86.

⁶² Газета — орган партийного комитета / под общ. ред. А. З. Окорочкова. М., 1976; Морозов Б.М. Партия и средства массовой пропаганды / Б.М. Морозов. М., 1982; Партийное руководство средствами массовой информации и пропаганды: учеб. пособие / редкол.: В.М. Горохов и др. М., 1987; Сланская М.Д. Печать — дело партийное: из опыта партийного руководства многотиражными газетами Москвы / М.Д. Сланская. М., 1978 и др.

та между социальными институтами и субъектами, укажет на ее роль как источника информации о событиях, проблемах и процессах, отметит, что она придает материальное воплощение и публичность политическим идеям, мнениям, заявлениям. Словом, пресса всегда будет существовать в связи с другими участниками политической жизни, в известном смысле обслуживая их нужды, но не как автономный и самостоятельный объект анализа. Однако существуют и другие проблемы прессы, которые не порождаются системой политологического знания (по крайней мере, не специфичны для него), и вместе с тем они жизненно важны для организации и деятельности политической журналистики. К ним относятся, например, черты ее сходства и различия с другими предметными областями журналистики (деловая, культурологическая, научная и др.), идейные и творческие традиции в отечественной политической публицистике, рубрикация, жанровое и художественное оформление политических материалов в СМИ, организация труда парламентского корреспондента и др.

На многочисленные вопросы такого рода даст ответы наука о журналистике. Она, как мы установили выше, тоже многомерна с точки зрения отраслевого строения и тематики исследований. Так, к политически окрашенным явлениям журналистики в своих целях обращаются специалисты в области истории, социологии, стилистики языка, психологии, культурологии, дизайна прессы и т. д., что, кстати сказать, служит на благо политическому знанию о прессе. Однако это не означает, что в самой науке о прессе место политологии журналистики как бы размывается и что утрачивается специфичность ее объекта. Во-первых, для представителей смежных ветвей теоретико-журналистского знания политическая журналистика служит одним из многих объектов внимания. К примеру, для лингвистики нет принципиальной разницы — изучать ли язык политической прессы, деловой или спортивной, тогда как для политологии журналистики политическая пресса представляет собой главный и центральный объект. Во-вторых, если кто-то из социологов, исследователей жанров, психологов начинает заниматься политической практикой СМИ как своим основным делом, то он, фактически, приобщается к когорте политологов журналистики.

Политология журналистики как социальная теория журналистики

После общего описания политологии журналистики нужно установить отчетливые границы, защищающие ее «территорию» от проникновения методологии других дисциплин. С этой целью представим себе ее местоположение **в составе теории журналистики**. По счастью, это вполне решаемая задача. С точки зрения научно-дисциплинарных подходов к изучению прессы теоретическое знание делится на ряд сегментов, что стало общепризнанным фактом.

Политическое знание о прессе принадлежит к блоку социальных теорий журналистики. Попытаемся наглядно отобразить ее место в этом «семействе» (схема 7).

Схема 7. Структурные компоненты социальной теории журналистики

На схеме видно, что социальные теории образуют большую и сложно организованную группу, причем политология журналистики занимает в этой композиции такое же по значимости место, как и все другие элементы. В самом деле, за пределами науки о прессе никто не решится заявить, что социология представляет больший интерес для общества, чем, например, психология или правоведение. На передний план ту или иную дисциплину выдвигает интерес конкретного исследователя.

Соответственно, для него могут измениться и приоритеты в очередности расстановки элементов.

Подобная операция вряд ли была бы возможна в рамках политической науки. Здесь не принято вводить разделение по сферам общественной жизни (скажем, на политологию государства, культуры, образа социально-бытовой жизни или, соответственно, прессы). Однако можно провести параллель с историей становления другой науки — социологии. От зарождения и на первых этапах существования она тоже являла собой единое целое, но в дальнейшем в ней произошло отчетливое разделение на многочисленные отрасли: социологию труда, молодежи, политики и далее, включая социологию массовых коммуникаций. Любопытно, что подобные процессы фактически начались и внутри политологии. Так, изучение внешней политики давно уже выделилось в особую область исследований, равно как и партология. В диссертациях по политическим наукам ставится задача «раскрыть предмет и основные понятия политологии социальной безопасности», причем со ссылкой на то, что рубрика «Политология безопасности» уже ведется в журнале «Безопасность Евразии»⁶³. Но главное состоит в том, что, независимо от положения дел в смежных науках, теория журналистики допускает отраслевую дифференциацию и находит в ней один из резервов своего качественного роста. Вот почему, в частности, политология журналистики принадлежит к разряду именно теоретико-журналистских дисциплин, в этом семействе она востребована, здесь получает свое обоснование и развитие.

Для теории журналистики политический взгляд на действительность означает выбор **предмета** анализа. Он находится в прямой зависимости от логики определения объекта.

Вспомним, что в объекте мы устанавливали зоны пересечения интересов научного знания о политике и исследований журналистики — как явления социальной и духовной жизни, как практической деятельности и как совокупности идей, взглядов, концепций. Предметом изучения в любой науке становится сторона, аспект, угол зрения на исследуемые объекты. Для нас принципиально важно определиться — что выходит на первый план как материал для анализа. Будут ли это политические институты, процессы, сознание и т. п., преломленные

⁶³ Рац С.В. Роль государства в становлении социальной безопасности в современной России: автореф. дис. ... канд. политич. наук / С.В. Рац. СПб., 2004. С. 5.

и отраженные в СМИ, или сама по себе журналистика, преломляющая и отражающая мир политического.

Вопрос можно поставить иначе: то ли это будут взгляды политологов на прессу «со стороны» (не исключено, что и свысока), то ли — реальное бытование журналистики, ее профессиональные установки, концепции, организационно-структурные модели, содержание, методика деятельности, рассмотренные в свете практической политики и научного знания о ней. Казалось бы, простое решение напрашивается через использование слова «взаимоотношения», к которому в подобных ситуациях нередко прибегают науковедческие источники. Например: взаимоотношения политики и прессы, редакционной практики и политической жизни, партий и СМИ, избирательных штабов и корреспондентов и т. п. Однако в приведенных примерах слышится скорее нежелание определиться, чем прямой ответ на коренной вопрос. Поставив во главу угла взаимоотношения, мы оказываемся как бы между политикой и журналистикой, не примыкая ни к одной из научных дисциплин и ни к одной из сфер деятельности. Оставаясь же в пределах теории журналистики, мы обязаны сосредоточить главное внимание на прессе и рождающихся в связи с нею идеях, доктринах, течениях.

Двойственную сущность предмета политологии журналистики можно описать следующим образом: из мира журналистики в предмет входят те ее стороны и проявления, которые находятся под прямым воздействием политики; из мира политики — факты, обстоятельства и процессы прямого воздействия на журналистику. Политика несет в себе факторы, определяющие деятельность СМИ и направления происходящих с ними изменений, в то время как сама по себе она образует объект и предмет анализа других наук, прежде всего политологии.

Нас интересует не частное свойство тех или иных проявлений журналистского процесса (их соотносительность с политикой), а сами по себе эти проявления. Только в этом случае у политологов журналистики появляется возможность вместе с прессой участвовать в решении ее настоящих проблем. Таким образом, предмет политологии журналистики выглядит как взаимосвязанные с политикой явления, тенденции развития и теории журналистики.

Анализ объекта и предмета изучаемой дисциплины в их гармонии и взаимообусловленности дает нам возможность вернуться к ее назва-

нию. По поводу «политологической» части термина у специалистов не возникает возражений — потребность, необходимость и допустимость обособления политического сектора в теории журналистики признается без дискуссий. Но почему бы не именовать дисциплину, например, медиаполитологией, как это уже делается в некоторых публикациях?⁶⁴ Ответим словами другого исследователя. Откликаясь на наши предыдущие публикации по этой теме, он приходит к выводу о том, что не стоит использовать медиаполитологию как синоним политологии журналистики: «Политология журналистики во главу угла ставит изучение содержательного уровня взаимоотношений политики и журналистики. К примеру, речь может идти в этом случае о вопросах политики на страницах печати, об особенностях творчества журналиста как политолога... о методологической базе этого творчества и т. д. Медиаполитология фокусирует внимание только на коммуникативной стороне взаимодействия политики и СМИ как социальных институтов. Например, здесь могут изучаться политические формы периодики, тенденции развития политической медиа-системы и т. п.»⁶⁵.

Речь, как видим, идет о различиях не в употреблении слов, а в объеме понятий и угле зрения на содержание дисциплины. При этом разделение на две «мелкие» дисциплины вряд ли имеет смысл. Наоборот, журналистика в данном случае вбирает в себя «медиа», делает его своей частью, аспектом. Ее потенциал и практика не исчерпываются установлением связей между социальными институтами, что мы пытались показать выше. Остановившись на словосочетании «политология журналистики», мы, кроме прочего, учитываем еще и отечественную научную традицию, которая признала данную модель наименования дисциплин: вспомним историю журналистики, социологию журналистики, психологию журналистики и т. п. В противном случае пришлось бы, следуя за модой, утверждать в правах такие неблагозвучные новообразования, как «медиаистория», «медиасоциология», «медиапсихология», «медиа-

⁶⁴ См., напр.: *Воробьев В.П.* Медиаполитология: научная проблема и учебная дисциплина / В.П. Воробьев // Средства массовой информации в современном мире. Ч. 1 / отв. ред. В.И. Коньков. СПб., 2001. С. 150–151. Обратим внимание на то, что данный автор не противопоставляет понятия политологии журналистики и медиаполитологии, а рассматривает их как синонимы.

⁶⁵ *Маров В.Н.* Предмет и проблемы медиаполитологии / В. Н. Маров // XXI век начинается: актуальные вопросы журналистики / сост. Л. М. Макушин. Екатеринбург, 2002. С. 4.

язык» (они, между прочим, уже мелькают в литературе, как и лишенное всякого смысла наименование «медиажурналистика»).

Далее нам предстоит описать **методологическую базу** политологии журналистики, то есть выяснить, из каких областей знания черпаются основные научные представления, которые используются в этой дисциплине. Она предстает как синтез теоретико-журналистских и политологических идей и концепций (притом, что сами они движутся, существуют в плюралистическом многообразии, далеки от совершенства и т. д.). Если последовательно держаться тезиса о приоритетности журналистики по отношению к политике (речь, конечно, идет только об изучаемой научной дисциплине), мы и здесь должны исходить из того, что главная роль принадлежит теоретико-журналистским подходам. Для наглядности еще раз прибегнем к возможностям графического отображения материала (схема 8). На схеме видно, что хотя политология журналистики подпитывается идейным содержанием из двух смежных областей знания, все-таки преобладающая ее часть помещается в границах теории прессы.

Схема 8. Методологическая база политологии журналистики

Методологическое двуединство имеет глубокий смысл не только для науковедческих дискуссий. Оно служит залогом успешного разрешения конкретных познавательных задач, с которыми не всегда удастся справиться при монотеоретическом подходе. По необходимости каждая из методологий способна тестировать свою «напарницу» на корректность заключений и предоставлять ей «проверочный материал».

Областью особенно продуктивного взаимодействия политологии и теории журналистики является практика общественного самоуправления. В качестве научно-теоретических систем обе науки развились позже того, как идеи о гражданском обществе были высказаны, например, Ж.-Ж. Руссо. Тем не менее, они обе параллельными путями неуклонно двигались в этом направлении, находя здесь, вероятно, самое

благодатное поле для раскрытия своего потенциала в осмыслении перспектив социального прогресса. Политология не может игнорировать природное свойство прессы как института, призванного служить оглашению общественных инициатив, социальному самоконтролю, творческому партнерству различных политических сил. Журналистика же принципиально не в состоянии развиваться вне потока самоформирования гражданско-демократического общества. Через нее граждане не столько поддерживают коммуникацию по поводу процесса самоуправления, сколько непосредственно участвуют в самом процессе.

Можно рассуждать и несколько иным способом. Журналистика — это в определенном смысле форма демократии, ее воплощение, факт общественного самоуправления (если, конечно, ее естественная природа и назначение не искажаются насильственным образом). Поэтому, в частности, нельзя признать перспективными идеи о медиакратии, самостоятельной лидирующей роли СМИ и прочих вариантах господства средств коммуникации над миром. Хотя о всевластии СМК писали такие авторитетные исследователи, как Н. Винер, Г. Маклюен, А. Моль, О. Тоффлер, У. Шрамм и др., хотя эта тенденция отчасти проявляет себя в социальной практике, высшим приоритетом для анализа остаются потребности общества и человека. Это человечество создает, развивает и корректирует облик массмедиа для удовлетворения своих потребностей, а не они используют человечество как материал для своего неконтролируемого роста.

Проблема методологии тесно соприкасается с поиском исследовательских **методов**, которыми пользуется политология журналистики. Иногда высказывается мнение о том, что эта дисциплина нежизнеспособна, поскольку у политологии нет собственной методической основы. Однако большинство социально-гуманитарных наук использует сходный или даже примерно одинаковый набор методов. К примеру, методическое оснащение социологии в целом не так уж разительно отличается от арсенала других общественных дисциплин, в особенности социальной психологии. Есть основания полагать, во-первых, что методическая культура социально-гуманитарного знания в дальнейшем будет развиваться как «ничья» и одновременно общая, универсально применимая база исследовательской деятельности. Во-вторых, она станет достоянием и специально интересующей нас политологии журналистики.

Перенимая традиции и опыт других отраслей обществоведения, политология журналистики строит следующую иерархию методов исследования:

- по дисциплинарной принадлежности — общенаучные методы (логический, математический, исторический анализ и т. п.) и специально-научные (отраслевые, в нашем случае социально-гуманитарные);
- по уровню знания — теоретические (типологический, сравнительно-исторический, структурно-функциональный, генетический и др.) и прикладные, эмпирические (наблюдение, интервьюирование и т. п.);
- по стадиям исследования — сбор данных и интерпретация.

Приведенная классификация может встретиться в любой области знания. Однако теория журналистики находится под мощным влиянием на нее объекта своего изучения, а именно самой журналистской практики. В архаичных науковедческих схемах данное обстоятельство обычно не принимается во внимание. Однако, как известно, без объекта не бывает субъекта, и это универсальное положение в полной мере применимо к теории прессы, в частности, к ее политологической ветви. Научное знание о журналистике существует в неразрывной связи с редакционной практикой, несмотря на различия в задачах, формах, организации деятельности. Причем зависимость теории от практики значительно больше, нежели обратная зависимость, — поскольку труд журналистов и их продукция составляют «пищу» науки. По поводу социального познания в творческой редакционной практике верно говорится, что «журналист, осознавший задачи, вставшие перед ним в ходе познания предмета отображения, должен выбрать методы, с помощью которых можно создать текст». Соответственно «вся совокупность методов неизбежно будет делиться на две основные группы — методы познания и методы изложения материала»⁶⁶. Нерасторжимость познания и отображения (изложения), свойственная редакционной практике, переносится на методическую оснащенность политологии журналистики.

Зарождающейся политологии журналистики не стоит опасаться давления на нее чуждых методических культур. Теория журналистики на протяжении своей истории многократно демонстрировала, что она органично вбирает в себя знания из соседних областей и в результате обогащается содержанием и возможностями, становится более зрелой.

⁶⁶ Тертычный А.А. Методология и методика социального познания в журналистике: дис. ... докт. филол. наук в виде научного доклада / А.А. Тертычный. М., 2003. С. 20.

Политические факторы развития политологии журналистики

Пожалуй, более настороженно надо относиться к **политическим факторам** развития политологии журналистики. Под факторами в данном случае подразумеваются внешние по отношению к содержанию науки условия и обстоятельства. Даже если исследователи достигнут ясности и взаимопонимания по поводу объекта, предмета, методов своей дисциплины, не исключено, что ее развитие будет сдерживаться неблагоприятным социально-политическим фоном их работы. В частности, политология журналистики, как и теория прессы в целом, испытывает на себе давление со стороны политической конъюнктуры — то есть не науки о власти, а самого политического процесса. В понятие конъюнктуры мы изначально не вкладываем негативный смысл. В обычном случае это всего лишь сложившаяся ситуация, наличная расстановка сил, которую нельзя не принимать во внимание при организации научно-исследовательской деятельности в гуманитарной сфере. Однако когда политико-конъюнктурный фактор становится решающим, возникают нежелательные смещения в выборе приоритетной проблематики, критериев оценки практики, объектов и моделей исследовательских проектов. Поскольку политология исходно расположена ближе других областей теории к практической политике, то и давление конъюнктуры на ней сказывается сильнее.

Наука, высшим и наиболее характерным проявлением которой служит теория, призвана беспристрастно отражать действительность, политическому «добру и злу внимая равнодушно». Политика же, при всех оговорках о ее теоретическом обосновании, неизбежно подвергается влиянию субъективных интересов своих представителей. Как можно рассматривать два этих явления в одном ряду?

Чтобы совместить политику и науку (в нашем случае политологию журналистики), придется согласиться с некоторыми тезисами-условиями. Во-первых, не только практическая пресса, но и концепции ее развития активно используются в политических целях. Эта взаимосвязь не у всех исследователей вызывает положительные эмоции, но она реально существует. Впрочем, ныне живущим поколениям памятно, что в иные годы даже искусство подпадало под партийно-идеологический контроль. Во-вторых, во избежание одноплановых трактовок прессы — через политику и только через нее — надо учитывать воздейс-

твие на теорию журналистики сложного комплекса факторов, в котором роль государства и партий занимает важное, но не монопольное положение. Так регулярно поступают наши шведские коллеги, когда исследуют меняющийся облик журналистики на различных этапах XX столетия. В матрице их анализа наряду со сферой публичной политики нашли место такие группы показателей, как преобладающие типы журналистики, способы взаимодействия общественности, отношения между лагами и др.⁶⁷ Применительно к российской истории мы обязаны уделить перво-степенное внимание духовно-идеологическим течениям, нравственным приоритетам, эстетическим вкусам того или иного времени и т. д. Однако важно согласиться и с тем, что политический компонент неизменно присутствует в модели прессы и строе мышления теоретиков.

Даже беглый взгляд на трехсотлетнюю биографию российской печати дает тому зримые подтверждения. Верноподданническая пресса царской России воплощала в жизнь охранительные теоретические установки, исходившие и от власти непосредственно, и от ее адептов — Ф. Булгарина, М. Каткова, К. Победоносцева и др. Со своей стороны оппозиция не могла не провозглашать идеи о печати, точно отражавшие политические программы дворянских революционеров, революционных демократов, народников, социал-демократов...⁶⁸

Понятно, что самый близкий материал для параллелей с нынешней ситуацией специалисты находят в опыте советского периода. В течение десятилетий советские теоретики прессы трудились в условиях торжества политики над прочими мерилami ценности научного знания. До 1950-х годов доминировал радикально классовый подход к печати и ее изучению, в дальнейшем — более мягкий партийно-политический, концентрированно выраженный в формуле «газета — орган партийного комитета». В наши задачи не входит аналитическое погружение в историю. Отметим лишь, что при очевидной ее «зауженности» партийно-политическая парадигма в науке в целом соответствовала парадигме социальной системы и поэтому не вступала в конфликт с нею. Более того, она давала возможность развивать целый ряд исследовательских

⁶⁷ *Becker K., Ekecrantz J., Olsson T. The Events of Journalism at Four Points in Time / K. Becker, J. Ekecrantz, T. Olsson // Picturing politics: Visual and Textual Formations of Modernity in the Swedish Press / Karin Becker, Jan Ekecrantz & Tom Olsson (eds). Stockholm, 2000. P. 48–51.*

⁶⁸ См. обзор концепций: История мировой журналистики / А.Г. Беспалова, Е.А. Корнилов, А.П. Короченский, Ю.В. Лучинский, А.И. Станько. 3-е изд., доп. и испр. М., 2003.

направлений, которые благотворно сказались на осмыслении творческой природы журналистики и ее социального функционирования. Теория отнюдь не была бедна идеями и материалом для анализа.

На этом фоне вдвойне противоестественными выглядели сигналы о смене установок, время от времени исходившие от политической власти (новая терминология в документах ЦК КПСС, переименование журналистских кафедр в высшей школе и т. п.). Так, традиционные и насыщенные реалистическим содержанием понятия «журналистика» и «пресса» были в директивном порядке заменены «средствами массовой информации и пропаганды» (СМИП), чему нет ни аналогов в мировой науке, ни сколько-нибудь надежного теоретического объяснения. В дальнейшем СМИП столь же произвольно урезали до СМИ, тем самым сведя многообразную журналистскую деятельность к распространению сообщений. Данная технократическая установка закреплена в действующем российском законодательстве, где фигурируют средства массовой информации и журналист, но не упоминается журналистика.

В России XXI века, казалось бы, не осталось места для политического диктата в области журналистики. Провозглашенные на конституционном уровне принципы идеологического плюрализма и свободы мысли должны служить тому прочной гарантией. Фактически же формируется (если не сформирована уже) новая политическая конъюнктура. В плане зависимости теории от режима власти она заметно отличается от положения дел в советское время — хотя бы в том отношении, что нарушителям «канонов» не грозят официальные санкции. Однако жесткое влияние на теоретическую мысль отнюдь не ушло в историю. Рассмотрим некоторые, наиболее сильные источники его возникновения.

Среди них — искусственная *политизированность* общества и прессы. Неопределенность политической судьбы России, ее затянувшееся пребывание в так называемом переходном состоянии подталкивает и специалистов, и рядовых граждан к поиску ответов на все коренные вопросы бытия в сфере борьбы за власть и ее реализации. Почти непрерывная череда «судьбоносных» выборов на общероссийском и региональном уровнях каждый раз порождает ожидание резкого изменения ситуации в стране в лучшую сторону. Однако экономическое положение большинства населения улучшается крайне медленно, и социологи даже ввели специальное понятие для характеристики массовых

политических настроений — «желание надеяться». Соответственно на протяжении последнего десятилетия печать и телевидение выдвигают вопросы власти и управления на первую позицию в своем тематическом спектре, что выглядит как диспропорция в сравнении с прессой европейских государств. Об этом говорят данные компаративного контент-анализа российских и европейских СМИ⁶⁹.

По логике конституционных гарантий свободы, когда редакция или журналист выбирают для себя место «на баррикадах», они поступают по собственной воле. Даже если бы такой идиллический вариант наблюдался на самом деле, нельзя было бы не подивиться энтузиазму, с которым многие корреспонденты и целые издания отдают себя на службу политике — занятию не самому чистому и благородному. В действительности же прессу втягивают в политические интриги внешние силы: борющиеся за власть и влияние кланы, государственные институты, партии и прочие сильные мира сего. Опять-таки примечательно, что журналисты и редакции с легкостью поступаются своей свободой и независимостью, хотя именно этого им не хватало в прежней, дореформенной стране.

Но это попутное замечание, а для нашего исследования существенно, что возникло явление вторичной политизации российской журналистики — с точки зрения тематики ее публикаций, тенденциозности оценок, источников финансирования. Этот механизм многократно описан в научной литературе и публицистике, нам тоже приходилось рассматривать его в специальных работах⁷⁰. Политизированная журналистика стала порождением чрезмерной политизации публичной сферы в современной России. В свою очередь наука вынуждена воспроизводить журналистский процесс в его реальном состоянии и, таким образом, тоже «политизироваться» — по меньшей мере, со стороны своего эмпирического материала, поднимаемых в связи с ним проблем и используемых концепций. Философы усмотрели бы здесь эффект отражения отражения.

⁶⁹ Виноградова С.М., Корконосенко С.Г. Массмедиа в социально-политическом пространстве (Россия и скандинавские страны) / С.М. Виноградова, С.Г. Корконосенко // Компаративистика: альманах сравнительных социогуманитарных исследований / под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб., 2001.

⁷⁰ См., напр.: Корконосенко С.Г. Сравнительный российско-шведский анализ прессы / С.Г. Корконосенко // Актуальные проблемы журналистики / отв. ред. Я.Н. Засурский; ред.-сост. М.В. Шкондин. М., 1997; *Korkonossenko S. The «New Politicization» of Russian Journalism / S. Korkonossenko // The Global Network. 1997. № 8.*

«Оказывается, что в России политика играет ту же роль, что футбол в Западной Европе, — не без иронии отмечает британский исследователь российских СМИ Дж. Данн. — Это указывает, с одной стороны, на известную деполитизацию, которая наблюдается на Западе, а с другой, на то, что постсоветская Россия еще не успела развить другие сферы деятельности, связанные с образованием современного гражданского общества и способные привлечь внимание как общественности, так и медиамагнатов»⁷¹.

Подчиняясь этим аномальным тенденциям в общественной и журналистской практике, некоторые российские авторы переносят их на теоретическую почву. Тогда различие духовного климата в нашей стране и за рубежом приобретает такую, например, форму выражения: «Мир находит единство в культуре, в достижении современного уровня цивилизации. В России же объединяющим фактором может стать новая система телекоммуникаций, формирующая и распространяющая политическую информацию...»⁷². Несомненно, и политическая ситуация, и модели прессы в России не могут не отличаться от тех, что сформировались во внешнем мире. Однако противопоставление единства на почве культуры всеобщей увлеченности политикой вряд ли можно признать продуктивным для нашей страны. Наоборот, чем скорее общество и журналистика обратятся к ценностям культуры и цивилизации как фундаменту самоутверждения нации, тем яснее и доступнее для граждан станут цели политического процесса. Парадоксальным образом неумеренное «возвеличивание» политики оставляет политологию журналистики без предмета ее деятельности. Безгранично расширяясь, он становится аморфным и неконкретным.

Копирование в науке тенденций, свойственных далеко не идеальной практике, чревато и другими неприятными последствиями. В последнее время в редакционной среде все отчетливее слышится апология «журналистики факта», очищенной от авторских пристрастий, мнений и оценок («Новости — это наша профессия», как иной раз говорят о себе сотрудники НТВ). Не будем вдаваться в спор о том, насколько вообще реалистично так определять творческие задачи. Скажем лишь,

⁷¹ Данн Дж. Встреча по дороге в ад? (Конвергенция европейских систем СМИ в эпоху посткоммунизма) / Дж. Данн // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3. С. 21.

⁷² Коновалова О.В. Тенденции развития региональной системы телекоммуникаций (на материалах телевидения Юга России) / О.В. Коновалова. Ростов н/Д, 2002. С. 24—25.

что безальтернативное восприятие подобных установок в политологии журналистики приведет к необоснованному отрицанию политической публицистики (принципиально личностного рода творчества), партийной прессы (атрибута многопартийности), полемики и дискуссий, с отсутствием которых из прессы вымывается движение мысли и поиск истины, ее гражданственное содержание.

Противоречия между прессой фактов и прессой мнений частично отражают проблемы, вызванные таким фактором развития теории как *заимствование*. Имеется в виду бездумное привнесение в российскую журналистику идей и стандартов из западной культуры, о пагубности которого мы неоднократно говорили выше. У этого духовного процесса есть вполне материальные основы, и в первую очередь к ним относятся источники финансирования науки и образования. При общем оскудении государственной поддержки ученых роль спонсоров перешла к международным и зарубежным организациям. Благодаря им в значительной мере была преодолена многолетняя изолированность российских специалистов от коллег из других стран. Исследователи журналистики получили широкий доступ к самым известным на Западе книгам, с которыми прежде были знакомы разве что в пересказе.

К числу таких источников относится, например, работа Ф. Сиберта, У. Шрамма и Т. Питерсона «Четыре теории прессы». Увидевшая свет еще в 50-е годы, небольшая монография стала настольной книгой для нескольких поколений исследователей и студентов западного мира. В 1998 году она появилась в русском переводе при поддержке ЮСИА и Института «Открытое общество». Тираж 6 тысяч экземпляров оказался достаточным для того, чтобы обеспечить этим учебником все российские школы журналистики. Однако политическая действительность необычайно усложнилась с тех пор, когда до какой-то степени было оправданным лобовое столкновение либертарианской концепции печати на американский лад и советского коммунистического авторитаризма (а именно так, вкратце, ставят вопрос авторы «Четырех теорий прессы»). Верно отмечается, что «в целом сравнение либеральной и коммунистической моделей журналистики является лишь противопоставлением двух контрастных пунктов, между которыми располагаются многообразные ее варианты, отражающие различия государствен-

ной политики в отношении СМИ», а также исторические и культурные особенности регионов и стран⁷³.

За последние годы из-за рубежа к нам пришли и многие другие издания⁷⁴. Несомненно, подобные подарки выполняют полезную просветительскую работу. Но они несут в себе иную политическую и профессиональную культуру, которую наши специалисты-читатели вынуждены воспринимать как абсолют. Для сравнения: учебники отечественных авторов стоят в розницу сотни рублей, и с финансовой точки зрения они явно проигрывают бесплатным переводным пособиям.

Подобная зависимость наблюдается и в организации теоретических дискуссий. Те из них, что проводятся с широким размахом и приглашением иногородних участников, практически обязательно опираются на зарубежную материальную помощь. Следовательно, грантодатель определяет, насколько актуальна заявленная тематика. Вот почему на протяжении полутора десятилетий российские исследователи прессы дискутируют под знаком трех *t* — транзитивности, транспарентности и толерантности. Эти вопросы находятся в центре внимания зарубежных политиков и экспертов-медиологов, но они не охватывают множества проблем, стоящих перед теорией и практикой журналистики в России. Они даже не всегда адекватно воспринимаются нашими специалистами. В свою очередь укорененные в российской культуре категории публицистики не переводятся на европейские языки и потому имеет слабые шансы на поддержку грантодателей.

Такой способ управления общественным сознанием известен в теории и практике пропаганды под названием «формирование повестки дня» (*agenda setting*).

В этой обстановке часть исследователей безоговорочно восприняла заимствованные подходы, отринув теоретический багаж и практический опыт отечественной журналистики. Так, некоторые российские

⁷³ Давыдов Л.В. Средства массовой информации в современном политическом процессе (опыт политологического анализа): автореф. дис. ... канд. политич. наук / Л.В. Давыдов. СПб., 1998. С. 12.

⁷⁴ Копервуд Р., Нельсон Р.П. Как преподносить новости / Р. Копервуд, Р.П. Нельсон. М., 1998; Ламбет Э.Б. Приверженность журналистскому долгу / Э.Б. Ламбет. М., 1998; Рэндалл Д. Универсальный журналист / Д. Рэндалл. 3-е изд., испр. и доп. Великий Новгород; СПб., 1999; Справочник для журналистов стран Центральной и Западной Европы / ред.-сост. Малькольм Ф. Мэллет. М., 1993; Уллмен Дж. Журналистские расследования: современные методы и техника / Дж. Уллмен. М., 1998 и др.

авторы, вслед за европейскими коммуникативистами, выделяют два варианта взаимоотношений СМИ, населения и власти — модель доминирования (присущую, по их оценке, марксистской теории с ее экономическим детерминизмом) и плюралистическую модель, основанную на свободе поведения сторон. При этом плюралистическая модель объявляется гораздо более перспективной с исследовательской точки зрения, чем модель доминирования. Как ни удобен такой прямолинейный выбор для самих исследователей, он всего лишь воспроизводит черно-белое сравнение американского либертарианства и советского тоталитаризма, характерное для пикового периода «холодной войны», но утратившее зримую перспективу в новейшей истории. Настойчиво повторяется следующая мысль: в англо-американской традиции средства массовой информации, мол, освещают общество о том, что происходит в официальных структурах, тогда как в отечественной — они освещают государство, выступая от лица общественности в качестве челобитчиков и «бескорыстных доносителей».

Поневоле напрашивается вывод о том, что плюралистическая модель фатально не способна прижиться в культуре доносов, а значит, отечественная пресса обречена смотреть на западную снизу вверх. На самом деле в бесконечно разнообразной биографии нашей прессы переплетаются всяческие традиции, включая верноподданнические, и при желании можно поместить в фокус внимания любую из них. Достаточно, однако, вспомнить о вольнолюбивой российской публицистике, снова и снова возникавшей на разных этапах истории, о бичующей сатире на первых лиц государства, о гонениях, которым подвергались и подвергаются оппозиционные журналисты, чтобы усомниться в правильности однозначных характеристик.

Под давлением политической конъюнктуры и вызванных ею веяний в науке пересматриваются учебно-образовательные программы. Уходя от прежних догматических стандартов и обоснованно расширяя спектр тем и авторитетов, некоторые вузы спешат исключить из своих программ подлинно выдающиеся произведения политически «немодных» сегодня авторов. Это относится, в первую очередь, к представителям марксизма. В результате учащимся остаются неизвестными, например, классические работы К. Маркса «Дебаты VI Рейнского ландтага. Дебаты о свободе печати...» и В.И. Ленина «Партийная организация

и партийная литература». В солидных западных университетах подобные труды изучаются обстоятельно, хотя и не обязательно с одобрением. Так возникают алогичные «размолвки» теории с практикой: партийность и классовость прессы *de facto* существуют, но перестали быть предметом исследования, проверенное опытом открытие триединой функции печати (пропагандист, агитатор и организатор) активно используется в политике, но в науке предано забвению, если не шельмованию.

Со своей стороны сильное возмущающее воздействие на формирование политологии журналистики оказывает состояние российской политической науки, «большой» политологии. Поскольку в нашей стране она все еще только обретает себя как самостоятельная ветвь общественно-знания, то вопросы о ее предметной базе, исследовательских методах, отраслевой дифференциации остаются в значительной степени неясными, во всяком случае — открытыми. Здесь, как и в теории журналистики, заметная, если не сказать доминирующая, роль принадлежит категориям и концепциям зарубежного происхождения. Конечно, возрождаются и традиции российской школы мыслителей, широкую известность получили имена многих современных российских исследователей. И все же по цитируемости они на порядок уступают Т. Адорно, Г. Алмонду, Р. Арону, П. Бурдьё, С. Вербе и другим зарубежным авторитетам. Разумеется, интеграцию в международное научное сообщество можно лишь приветствовать. Но абсолютизация идей, возникших на другой социальной и культурной почве, не приведет к адекватному решению национальных проблем.

Возьмем для примера изучение такого противоречивого феномена как восприятие политической рекламы. Одна из исследовательниц российской рекламы декларирует свою приверженность теориям классиков зарубежной социологии: Р. Мертон, П. Лазарсфельда, П. Бергера, Дж. Мида и др. На сходной концептуальной базе, а также на опыте стран западных демократий строится и практика рекламной коммуникации в нашей стране. Однако в ходе анализа выясняется, что люди с «низким уровнем материального благосостояния и недостаточным символическим капиталом не могут адаптировать не только язык и стиль сообщения, но и сам предмет рекламы: политическая деятельность остается максимально отдаленной от обыденных практик,

а значит — непонятной и бесцельной»⁷⁵. Между тем основную массу населения и активных избирателей как раз и составляют такие «недостаточные» граждане. Таким образом, и сама предвыборная агитация, и методология ее изучения существуют как бы в параллельном мире, а не в российской действительности. Не случайно политические партии, судя по их бюджетным отчетам, в последние годы не тратят больших средств на рекламу. Как отмечают наблюдатели, «итоги выборов 2003 г. показали, что деньги у нас все-таки не главное (чемпионом точности — 7,3 млн долл. — стал провалившийся с треском СПС, 4,7 млн долл. потратило многострадальное “Яблоко”, а КПРФ “пушала пропаганды” всего на 1,8 млн долл.), и, вероятно, эти бесполезные в наших условиях расходы не будут слишком бурно расти. Большинство партий на СМИ не тратят ничего или платят им символическую тысячу рублей»⁷⁶. Ситуация повторилась на выборах в Госдуму в 2007 году, когда партия-фаворит «Единая Россия» вообще отказалась участвовать в публичных дебатах с конкурентами в эфире.

Самым отрицательным образом на состоянии политической теории журналистики сказывается невнимание к прессе и ее научным основам со стороны государства. Спонтанная трансформация российской журналистики в 1990-е годы явилась частным случаем от общих просчетов в руководстве государством. Характерное признание сделал однажды помощник президента С.В. Ястржембский: он принял на себя ответственность за то, что у России до сих пор нет последовательной государственной информационной политики⁷⁷. Такого рода вывод содержится и в тексте Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (2000), которую специалисты склонны рассматривать как идейную основу для формирования официальной политики в области информации. Однако длительное отсутствие усилий на этом направлении привело к тому, что журналистское сообщество стало с недоверием относиться к попыткам властей как-то упорядочить отношения в сфере его профессиональных интересов. По оценке экспертов, Доктрина

⁷⁵ Богомолова Л.Н. Социальные факторы восприятия политической рекламы : автореф. дис. ... канд. политич. наук / Л.Н. Богомолова. СПб., 2000. С. 8, 21.

⁷⁶ Голиков Н. Арифметика рынка убеждений / Н. Голиков // Наша власть: дела и лица. 2006. № 5. С. 14.

⁷⁷ Сергей Ястржембский: «У России пока нет последовательной информационной политики» // PR-диалог. 2002. № 3. С. 18.

получила чрезвычайно враждебный прием со стороны СМИ и их защитников, усмотревших в документе угрозы свободе слова. Между тем подобные оценки страдают излишним драматизмом⁷⁸.

Каким образом государство могло бы способствовать формированию и поддержке политологии журналистики (впрочем, как и теории журналистики в целом)? Через принятие на себя тех функций, которые перешли к зарубежным и отечественным спонсорам и о которых только что шла речь. Вернемся, например, к изданию и распространению литературы. Решение накопившихся здесь проблем вряд ли достижимо, если и в дальнейшем выбор тематики будет делаться в расчете на энтузиазм отдельных авторов и вкус частных издателей. Неплохо бы оглянуться на опыт советского времени, когда выходили тщательно продуманные серии книг и брошюр: свои «Библиотеки журналиста» предлагали Политиздат, «Мысль», «Высшая школа», десятки наименований насчитывались в сериях «Партийные публицисты» и «Мастерство революционных демократов — публицистов». Оставим в стороне идеологическую нацеленность этой продукции. Важно, что для ее подготовки создавались специальные редакции публицистики и журналистики, которые действовали в союзе с ведущими специалистами этой отрасли знания.

Государственная политика, конечно же, не сводится к управлению рынком. В оптимальном варианте она вбирает в себя целый комплекс программ, в том числе поддержку научно-исследовательских разработок, обеспечение мирового приоритета отечественных школ и концепций, стимулирование труда специалистов, создание их усилиями моделей развития российской прессы. Это тоже политико-конъюнктурный фактор, только его действие устремлено к реализации национального интереса и потому должно быть расценено положительно. Политология журналистики может и должна быть востребована при строительстве государственной политики.

⁷⁸ Кравченко Ф. Обзор Доктрины информационной безопасности / Ф. Кравченко // Законодательство и практика средств массовой информации. 2000. № 11. С. 3.

Вопросы для семинарских занятий

1. Чем вызывается необходимость развития политологии журналистики?
2. Что является объектом изучения в политологии журналистики?
3. Политология журналистики как социальная теория журналистики. Как это понимать?
4. Какие политические факторы способствуют развитию политологии журналистики?
5. Какие политические факторы препятствуют развитию политологии журналистики?

Задания для самостоятельной работы

1. Изучите и проанализируйте отношение журналистов к необходимости развития политологии журналистики.
2. Изучите и проанализируйте отношение университетских преподавателей к специализированной подготовке по политической журналистике.

4. ЖУРНАЛИСТИКА – ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

- Потребность в патриотическом отношении к отечественной журналистике
- Журналистика как национально-культурное достояние
- Национальные ценности журналистского образования и науки

Потребность в патриотическом отношении к отечественной журналистике

Патриотизм — это, несомненно, одно из самых крупных и ярких воплощений социальности, о которой мы ранее говорили как об атрибуте журналистики. Обращаясь к нему, мы переходим от абстрагированных рассуждений о социуме «вообще» к реально очерченному миру людей, живущих на определенной территории, в единстве своих материальных и духовных связей. Ценностный набор, включенный в патриотизм, необычайно широк и разнообразен: он из настоящего времени «протягивается» в историю и в будущее, он захватывает области морали и политики, высокого искусства и бытового поведения, он вбирает в себя общественное и личное. Не ошибемся, если скажем, что патриотизм служит квинтэссенцией социально-ценностного отношения к миру. Исследователи вопросов информационной безопасности подчеркивают возрастание его значения в наши дни. В условиях, когда усиливается информационно-психологическое воздействие, направленное на разрушение традиционных представлений и ценностей, «уровень патриотических чувств населения может служить основой для сохранения национальной идентичности российских граждан»¹. По этим причинам журналистику необходимо рассматривать в свете патриотизма.

Предлагаемая тема одновременно и привычна, и нова. Беспокойство о сохранении российской прессой собственного лица витает на научных конференциях, на профессиональных семинарах и в редакционных коридорах. Таким образом, наш разговор как бы обобщает те мысли и настроения, которые все чаще встречаются в публичной сфере. С другой

¹ Арапова Н.П. Социально-информационно-психологический подход к теории информационных войн / Н.П. Арапова. М., 2007. С. 116—117.

стороны, **патриотическое отношение к отечественной журналистике** как специальный предмет анализа не рассматривается в литературе. На наш взгляд, его нужно вычленять, но при соблюдении некоторых условий, чтобы не впасть в националистическую риторику или не опуститься до бесхитростного перечисления выигрышных исторических фактов.

Прежде всего, постановка вопроса не предполагает отрицания зарубежного профессионального опыта или безосновательного возвеличивания собственных традиций. Нелепым было бы противопоставление по линии «лучше — хуже», когда речь идет о явлениях, ценность которых измеряется их своеобычностью. Напротив, необходимо принимать во внимание несомненные достижения зарубежной прессы, в особенности западноевропейской, как генетически особенно близкой нам. Сегодня полезно тщательно изучить такие ее характеристики, как верность факту, экономное расходование ресурсов, патетическое отношение к этике профессии (даже если оно проявляется больше на словах, чем в поведении), создание новых форм редакционной практики и умение давать им точные, терминологические обозначения и т. п. Как известно, российская пресса активно перенимает многое из практики зарубежных коллег, вплоть до того, что профессиональный словарь за последние годы стал больше ассоциироваться с английским языком, чем с русским.

Учиться на Западе и у Запада — давняя тенденция развития российской культуры. «...Ни одна из великих европейских литератур не овладела чужим богатством с такой настойчивостью, с такой спокойной уверенностью в собственной силе, в неизменности своего назначения, как русская. <...> Русский язык таил в себе возможности неограниченные — он оказался способен к перевыражению любых иноязычных форм»², — здесь речь идет о многотрудном, растянувшемся на столетия создании отечественных традиций литературного перевода. Прямые аналогии с эволюцией нашей журналистики напрашиваются сами собой.

Вместе с тем верным будет и обратное утверждение: крайне малая доля нашего опыта воспринимается зарубежной прессой. Пожалуй, можно было бы выразиться еще категоричнее. Не означает ли это, что нет предмета для анализа и что заявленная тема реанимирует патриотизм квасной и в историко-культурном смысле запоздалый, непродуктивный? Подоб-

² Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина / Е.Г. Эткинд. Л., 1973. С. 3—4.

ные сомнения имеют право на существование, но против них находятся возражения теоретического и производственно-практического порядка.

В теории прочные основания имеет мысль о том, что модель журналистики должна быть адекватной социально-исторической среде, в которой она формируется. Только в этом случае модель будет устойчивой и жизнеспособной. Российская журналистика призвана нести в себе черты российской культуры и общественного уклада. Но как раз в силу своей культурной уникальности она и должна представлять интерес для мирового сообщества, приносить ему пользу, обогащать его своими версиями решения цивилизационных задач. Здесь уместны аналогии с ценностью для «большого» мира российской литературы, фольклора, философского наследия и пр.

Далее, российская журналистика стоит перед выбором вектора дальнейшего движения, и знание своего потенциала придаст этому выбору необходимую рациональность. Несложно понять, что ограниченный реестр вариантов (только так, как на Западе), по существу, равнозначен отсутствию выбора. Напротив, сопоставление мирового опыта (разнопланового, многоликого) с собственными приобретениями заметно расширит диапазон возможностей.

Наконец, российский опыт давно уже не является только собственнo национальным достоянием, в узком значении слов. Фактически им питается пресса большинства стран СНГ, сформировавшаяся в русле единых некогда представлений и традиций. В этом убеждает обращение к содержанию СМИ и к учебной и научной литературе по вопросам журналистики, выходящей в постсоветских государствах. Для примера можно сослаться на произведения профессора Львовского университета В.И. Здорогеги. Он входил в число наиболее авторитетных исследователей прессы в советское время, трудами которых питалась отечественная (в тогдашнем расширительном понимании слова) школа публицистики. В новых государственно-политических условиях, будучи горячим поборником национально-культурного суверенитета Украины, он фактически продолжил развивать те концепции журналистского мастерства, которые выдвигал в прежние десятилетия³. По

³ См.: *Здорогега В.И.* Мистецтво публициста / В.И. Здорогега. Київ, 1966; *Здорогега В.И.* Слово тоже есть дело. Некоторые вопросы теории публицистики / В.И. Здорогега. М., 1979; *Здорогега В.И.* Теорія і методика журналістської творчості: підручник / В.И. Здорогега. 2-ге вид., перероб. і допов. Львів, 2004.

личным впечатлениям мы имеем право заявить, что подобное наблюдается и в республиках Центральной Азии, в частности в Таджикистане⁴. У нас общие классики, сходные формы публикаций и эталоны качества материалов.

Вопрос о патриотизме в отношении к отечественной прессе поднимается в благоприятном макросоциальном контексте. Имеются в виду общие тенденции в поведении государства на международной сцене. Россия решительно отстаивает свой суверенитет в политике и возвращает прежнюю влияние, в экономике она выходит далеко за национальные границы, в культуре широко демонстрирует свои богатства по всей планете.

Существенно, что эта стратегия получает положительный отклик в психологии граждан. Свидетельством тому служат замеры, которые делает ВЦИОМ. Как отмечают его сотрудники, «годы правления В. Путина в значительной степени изменили социально-политический ландшафт России. Изменения произошли не только в политической системе, но и в массовом сознании. Общественный запрос на “патриотизм”, на “национал-государственничество”, который только намечался в конце 90-х, превратился в магистральный. Его ширина стала столь значительной, что все, что в него стало не укладываться, вытеснилось на политическую обочину. <...> Патриотические ценности если и не принимаются всеми безусловно, то по крайней мере и не отвергаются категорически ни в одном из электоральных сегментов... Так, на вопрос ВЦИОМ (июнь 2006 г.), готовы вы ли вы поддержать политиков патриотической ориентации, 44,1% опрошенных ответили утвердительно, а 33,6 — отрицательно». Социологи уточняют, что речь идет не о крайностях националистического толка, которые как раз не принимаются большинством населения⁵.

В этой ситуации к анализу прессы с патриотических позиций побуждают не столько эмоциональные, сколько деловые мотивы.

Однако осмысление проблемы станет глубоким и корректным только в том случае, когда мы поднимем статус журналистики до уровня

⁴ Корконосенко С.Г. Педагогика журналистики: вариант для Таджикистана / С.Г. Корконосенко // Медиаобразование. 2006. № 4.

⁵ Бызов Леонтий. «Национал-патриотическая ниша пока вакантна» / Леонтий Бызов // Новая газета. 2007. 15—18 марта.

фундаментальной ценности общества и народа. Она, вопреки расхожему мнению, — не ниже и не меньше по своей значимости, чем литература, наука, искусство. Она — другая по обличению и тем не менее относится к разряду национального достояния высшего порядка. Популярные в наши дни попытки объявить журналистику всего лишь механизмом, обслуживающей подсистемой то ли политики, то ли бизнеса начисто лишают смысла какие-либо ценностные подходы к ее пониманию.

Вернемся к примеру со становлением переводческой школы в литературе. Журналистика тоже веками вырабатывала, во внутренних противоречиях и борениях, свой язык, жанровую систему, тональность. Здесь система адекватных приемов и средств не менее значима и не в меньшей степени зависима от национальной истории и психологии, чем в поэзии, литературе. Если кто-то возразит — так то, мол, литература, а в журналистике иначе! — мы спросим в ответ: а почему иначе? Не тому же народу принадлежит, не на том же языке разговаривает, не те же ценности нации призвана выражать и сохранять? Надо не отстраняться от «высокой» литературы как от недостижимого идеала, а черпать из ее традиций и философии ответственное, истовое восприятие профессионального богатства как в трудах и муках рождавшегося достояния. Тогда и перенимать чужие шаблоны будет не так бездумно просто, как это происходит сейчас. Журналистика в полной мере подчиняется законам гармонии, причем не какой-то «второсортной», ибо гармония бывает только истинной и глубокой.

Будем исходить из того, что требуется объективный учет ресурсов, которые российская журналистика накопила за свою долгую жизнь и использование которых позволит ей интенсивно развиваться как заметному явлению в глобальной медиасреде. Конечно, мы далеки от ее идеализации. Всякий ответственный наблюдатель знает и помнит о многочисленных несовершенствах в устройстве нашей прессы, о ее генетических пороках и современных болезнях, указаниями на которые переполнены медиакритические публикации. Но тотальная критика, как нам представляется, сегодня уже не дает достаточного импульса для движения журналистики. Она нуждается в дополнении позитивным материалом, который должен быть обнаружен в ядре отечественной прессы и использован в интересах ее саморазвития. «Резервуары» ценного опыта журналистики, заслуживающего сохранения и преемс-

твенного развития, располагаются в трех профессиональных областях: производственно-творческой практике, образовании и научных исследованиях.

Своеобразие и отличительные черты русской журналистики

В практическом измерении самобытность отечественной журналистики выражается долгим рядом ярких черт. Мы назовем лишь некоторые из них, оставляя список открытым для пополнения.

Человековедение — как форма проявления гуманизма, глубоко органичного всей русской ментальности и культуре. Имеется в виду не декларирование прав человека, что как раз присуще рационалистическому «западному» мировоззрению, а искренний интерес к личности Другого, сочувствие ему, сопереживание. О значимости этих свойств для национального здоровья много пишут социальные психологи. Они оперируют законом ментальной идентичности, проводя аналогию русской современности со смутными временами в истории страны. Как и тогда, вновь возникла опасность водораздела в обществе — между носителями исконно русской коллективистской ментальности (большинством населения) и западной индивидуалистической⁶.

Иногда в данной связи вспоминают о «человековедческом» потенциале публицистического очерка, и дискуссия переходит в плоскость сохранения определенных жанровых форм. Однако на самом деле очерк и ему подобные формы публикаций ценны не сами по себе, а как проявления сущностных особенностей нашей прессы. Характерно, что эти особенности не всегда улавливаются зарубежными наблюдателями. В их работах читаем: «Еще одно различие традиционной русской журналистики и западной связано с важностью фактической основы. Для западных журналистов фактологичность является одной из наиболее значимых ценностей информации... для русских журналистов она представляет собой всего лишь дополнительное достоинство материалов. Вместо этого получил развитие уникальный журналистский жанр — очерк, что в переводе может пониматься как “эссе” или “трактат”...»⁷.

⁶ Попов В.Д. Тайны информационной политики: социокоммуникативный психоанализ информационных процессов / В.Д. Попов. 2-е изд., доп. и переработ. М., 2006. С. 104.

⁷ Voltmer Katrin. Op. cit. P. 478.

Глядя со стороны, непросто понять, что документальность, следование правде событий никогда не отвергались в российской журналистике, но только формы выражения этого качества выбираются не те, что преобладают в западной прессе. Если распространенное в европейской литературе эссе чаще всего бывает обращено к самопознанию и самовыражению автора, то классический русский очерк — это пристальный взгляд во внешний мир, населенный неповторимыми личностями⁸. Нельзя не добавить, что объектом такого интереса становятся не только выдающиеся фигуры, но и так называемые простые люди. Умение создавать их социально-психологические портреты роднит публицистику с художественным творчеством, где тема «маленького» человека в течение столетий была мощным источником творческих открытий.

Труд — как первостепенный по важности объект понимания и отражения. Реалистически мыслящему человеку не надо объяснять, что именно в процессе труда прирастают и общественное благосостояние, и личностный капитал человека, что трудовая деятельность составляет главное содержание социальной жизни индивида, что трудовые достижения в приоритетном порядке заслуживают признания и справедливого поощрения. Проведем еще одну параллель и вспомним, что в литературе советского времени получил распространение так называемый производственный роман, действие которого разворачивалось на фоне и по поводу производственно-трудовой деятельности. Сегодня он нередко подвергается резкой критике за то, что личность человека в нем якобы оттесняется на задний план. Оставим разрешение этой проблемы литературоведам, хотя все-таки заметим, что эстетизация трудовой деятельности в свое время заключала в себе мощный новаторский потенциал. Цель нашей параллели заключается в том, чтобы увидеть: журналистике на роду написано существовать как непрерывному «производственному роману». Она воссоздает жизненно важные для общества процессы и явления, значит — производственно-трудовые в первую очередь. К сожалению, в наши дни пресса все отчетливее переключает свое внимание на сферу потребления, где властвуют инстинкты удовольствия, но не силы созидания. В лучшем случае мы

⁸ Л.Е. Кройчик так определяет каждый из жанров: в очерке «предмет исследования... — человек и проблема...<...> в центре эссе находится не среда, увиденная глазами субъекта высказывания, а сам субъект как центр мироздания» (Основы творческой деятельности журналиста : учебник / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб., 2000. С. 164, 166).

знакоимся с процессом труда (созидающей личностью) балерины, эстрадного солиста или теннисиста. Рассказывать о «лаборатории» популярной персоны если и не проще, чем о буднях сталевара и участкового врача, то уж, во всяком случае, прибыльнее с точки зрения возбуждения читательского любопытства.

Конструктивность анализа проблемных ситуаций — как ведущий метод изучения действительности. Поучительным парадоксом выглядят некоторые новации, рождающиеся в зарубежной прессе. Так, «гражданская журналистика» в США одной из своих заповедей сделала обязанность корреспондента предлагать решение поднятого вопроса: читатель, мол, и без нас знает о существовании проблем⁹. Но подобные профессиональные истины внушал своим сотрудникам редактор обычной советской газеты — от центральной до местной. Деловое сотрудничество прессы с органами управления, хозяйственниками, общественными организациями — это не миф из эпохи тоталитаризма, а прочно освоенная методика редакционной работы. Увлечшись позитивистской моделью журналистики факта, мы растрачиваем не только ресурсы действительности прессы, но и несомненный национальный приоритет.

Более того, мы фактически движемся против мощного течения в мировой прессе, которое имеет одной из своих главных целей удержание аудитории. Американский Центр гражданской журналистики Пью издал книгу «Civic Journalism Is... True Stories from America's Newsrooms», в которой собраны высказывания сторонников этого течения. В частности, лауреат Пулитцеровской премии Джек Нельсон («Los Angeles Times») заявляет следующее: «К сожалению, слишком часто СМИ поглощены сообщениями о проблемах — почти вплоть до игнорирования или полностью исключая возможность их преодоления. Гражданская журналистика — это попытка вовлечь рядового гражданина в процесс решения социальных проблем. Это активизирует людей, которые пассивны и обычно остаются в стороне от процесса принятия решений.

Такая организация работы помогает повысить популярность газет. Популярность газет не слишком высока, и это было во все времена. Но это не означает, что не нужно искать способов выхода из сложившейся ситуации. Я полагаю, что ситуация, когда мы просто смотрим на про-

⁹ См.: Миллер Эдвард Д. Шарлоттский проект. Как помочь гражданам взять демократию в свои руки / Эдвард Д. Миллер. М., 1998.

блему и не знаем, как ее решить, — неправильная. Гражданская журналистика — вот средство»¹⁰. Есть прямая польза в том, чтобы соединить собственный опыт с идеями и материалом, которые подсказывает новейшая зарубежная практика.

Журналистское исследование — как путь максимально глубокого проникновения в материал жизни. Совсем недавно в нашу прессу из-за рубежа пришло расследование, и это, несомненно, добавило ей остроты и разнообразия. Новое увлечение, повально охватившее и теоретиков, и практиков прессы, отодвинуло на задний план опыт исследовательской журналистики. Между тем это относительно автономные категории, не способные заместить друг друга. Не с абсолютным соответствием, но все же можно уподобить расследование поискам преступника, а исследование — научному осмыслению крупного явления или проблемы. Предметный диапазон во втором случае заметно расширяется, вбирая в себя, например, изучение обычаев, экономических и социальных процессов, движения религиозно-философской мысли и т. д. Расследование нацелено главным образом на контроль деятельности должностных лиц, организаций и институтов, тогда как журналист-исследователь в конечном счете стремится к улучшению состояния дел и нравов в обществе, в общине — насколько это возможно, оставаясь в границах познавательной практики. Различными будут и средства труда. Расследователь силен технологическими приемами, его материал привлекает внимание зримой фабульностью — исследователь оперирует обобщениями, идеями (вырастающими, конечно, на почве реальных фактов). Российская пресса прославилась исследовательской публицистикой еще в XVIII веке и не отказывалась от этой высокой традиции в более поздние времена. Вряд ли есть необходимость подробно аргументировать данный тезис, когда всякому образованному человеку приходят на память имена Н. Карамзина, В. Белинского, Г. Успенского, В. Короленко, В. Овечкина, А. Аграновского — список, по счастью, бесконечно долгов.

Если не приоритет, то уж хотя бы паритет с зарубежными журналистскими необходимо признавать и открыто провозглашать. В некоторых ситуациях нужно просто напоминать и себе, и мировому профессиональному сообществу о взлетах нашей исследовательской публицис-

¹⁰ Бюллетень «Гражданская журналистика». Вып. № 7 (10.12.2005) : <http://publictv.natm.ru/bull.php>.

тики. Иначе возникают смещения в датировании и авторстве изобретений. Это однажды наблюдал писатель В.Я. Канторович — большой энтузиаст сближения социологии с литературой. В 1970-е годы, находясь за рубежом, он услышал слово «социография». Так именовались «новинка» — документально-беллетристические произведения, исследующие современное общество. Но в России, с ее мощной традицией аналитической прессы, подобные сочинения существовали издавна, и относились они к очеркам нравов: авторы зарисовывали социальный тип или конфликт, показывая процессы, которые порождают данное общественное явление. В самом деле, история отечественной культуры дает блестящие образцы социологической, по существу, публицистики¹¹.

Коллективистское начало — как способ сращивания прессы с жизнью населения, общественности. Массовость, то есть привлечение к редакционной работе внештатных корреспондентов, авторов писем, специалистов, развилась еще в дореволюционной российской печати. По всей видимости, ее поборники уловили, что предназначение газеты как общественной трибуны и массовость в организации работы редакции связаны между собой не случайно, не конъюнктурно, а закономерно. В прошлом веке эта взаимосвязь получила невиданно плодотворное, на фоне мировой практики, воплощение. При всех издержках формализма и погони за количественными показателями, которые были свойственны советской действительности, сотрудничество в печати фактически стало и способом проявления массовой гражданской активности, и средством раскрытия литературно-творческих задатков, и формой удовлетворения потребности в социальном общении. Журналисты старшего поколения хорошо помнят, как много было у них добровольных и бескорыстных активистов, как эти друзья газеты (так их называли) фактически становились членами редакционных коллективов. Особенно характерно это было для местной прессы с ее ограниченным кадровым составом. Напротив, сведение журналистского процесса к деятельности узкого круга штатных функционеров свидетельствует об индивидуалистической устремленности сотрудников. Когда разрываются непосредственные личные связи с общественностью, коэффициент социальной значимости журналистских трудов резко падает. Его

¹¹ Канторович В.Я. Литература и социология : статьи, воспоминания / В.Я. Канторович. М., 1984. С. 127.

невозможно поднять с помощью всякого рода суррогатных форм работы с населением, вроде проведения телефонных викторин, рейтингового голосования, включенного на площади микрофона и т. п. По сути, представители населения в этих ситуациях играют роль статистов, а не самостоятельных участников гражданского и творческого процесса.

Заметим, что и здесь не вредно было бы оглянуться на новейшую практику зарубежных редакций. Для поддержания постоянного диалога с читателями по поводу редакционной практики британская газета «The Guardian» ввела у себя должность омбудсмана (в данном случае уместен синоним «читательский редактор»). В его обязанности входит отвечать на претензии и жалобы со стороны представителей аудитории, публично исправлять ошибки, допущенные редакционными сотрудниками, а также рассказывать о деятельности газеты. По словам главного редактора Алана Расбриджера, коренным образом изменилась прежняя ситуация, когда содержание писем пострадавшим лицам сводилось к фразе: «Отстаньте от нас и не мешайте нам работать». А сам омбудсмен Иан Мэйс считает, что произошедшее представляет собой культурный сдвиг, который заново устанавливает отношения между журналистами и их аудиторией. Добавим, что уже создана Всемирная организация омбудсменов СМИ¹². Эта деятельность по своей сути очень близка традициям массовости отечественной прессы, которые мы так опрометчиво растрачиваем.

Высокая *требовательность к форме произведений* — как отражение творческой природы журналистского труда. Данное качество, разумеется, имеет самое прямое отношение к самооценке авторов публикаций. Понимание себя как мастеров слова (или теле- и радиоэфирной публицистики) существенно повышает их престиж в собственных глазах, да и во мнении окружающих. Вместе с тем это качество надо относить и к аудитории. У публикаций появляется дополнительная привлекательность: к ним обращаются не только для того, чтобы узнать (о событиях, решении проблем и пр.), но и чтобы испытать удовольствие от чтения высококачественного текста или просмотра мастерски сделанной телепередачи.

Пресса «чистых» новостей лишена этого достоинства, во всяком случае, как атрибута профессионализма. Не случайно отечественная журналистика создала такой многокрасочный комплекс жанровых

¹² Мэйс Иан. Работа над ошибками : опыт омбудсмана газеты «Гардиан» / Иан Мэйс ; пер. С. Аникеева ; Ин-т проблем информ. права. М., 2005.

форм, равноценный которому вряд ли можно найти где-либо за рубежом. Среди этих форм есть и весьма затратные, по рационалистическим меркам, жанры (например, пространные рассказы о людских судьбах или очерки на темы морали). Но зачастую как раз такие «избыточные» материалы даруют подлинное удовольствие писать и не меньшее — читать. Технологическая стандартизация побуждает упрощать построение материалов, использовать унифицированные композиционные схемы, игнорировать своеобразие авторского стиля. И вот уже вместо слова «произведение» в научном и производственном речевом обороте фигурирует «информационный продукт», и в этом наименовании слышится приговор творческой природе журналистики.

Опытные профессионалы легко обнаруживают глубокие различия двух стилистических манер. Собкор «Новой газеты», лауреат премии Союза журналистов России А. Лебедева выступает от лица многих своих товарищей по цеху, когда пишет: «...беспристрастной журналистике, нас, провинциальных журналистов, учили, помню, на курсах в Москве. Преподаватель, всю жизнь проработавшая в английских газетах, пыталась вдолбить в наши головы, что в газете должен быть только один жанр — информация. А поэтому все материалы нужно строить по одной схеме: сначала лид, потом изложение факта, затем две разные точки зрения специалистов и экспертов в данном вопросе. И все — от себя ничего, свою позицию имеет право высказать один человек в редакции — колумнист. <...> Я уехала с этих курсов в твердом убеждении, что это не для нас и не для наших читателей. Российские журналисты приучили российских читателей (а, может быть, наоборот, наша читающая публика всегда требовала этого от пишущей братии?) к другой прессе. К другим газетам и статьям, в которых авторская позиция есть. И эмоции тоже присутствуют — не обязательно в виде восклицаний...»¹³.

Рискнем высказать еще одно, крайне непопулярное сегодня суждение. В российской журналистике дилемма «идейность — предпринимательская выгода» с давних пор разрешалась в пользу *высоких духовных ценностей*. Об этом прямо заявляли деятели печати начала XX века, вынужденные делать профессиональный выбор в условиях нарастающей капитализации прессы. Примечательно, что они резко подчер-

¹³ Лебедева А. Премия за страсть, или зачем я кусаю «мертвого волка» / А. Лебедева // Журналистика и медиарынок. 2007. № 1. С. 25.

кивали отличие российской журналистики от европейской. «Газетное и журнальное издательство является у нас поприщем не для выгодного помещения капитала, а для самоотверженного общественного служения, — писал представитель «старой» либеральной интеллигенции Л.З. Слонимский, оценивая коммерциализацию прессы во Франции и Германии. — ...Твердо установившиеся традиции русской журналистики позволяют надеяться, что в ней никогда не удастся восторжествовать чисто коммерческому капиталистическому духу и что, избавившись от внешнего гнета, печать не подпадет под другое иго, еще худшее, отравляющее самую ее духовную сущность, ее душу»¹⁴. «Капитализация литературы имеет немало отрицательных сторон, так что даже и на то хорошее, что при этом делается, ложится какая-то особая тень сомнения или же прямо накладывается коммерческое клеймо»¹⁵, — вторил либералу сторонник других политических воззрений, публицист-народник С.Н. Кривенко. Сходство оценок симптоматичное. Отечественная журналистика здесь предстает не как область проекции мировоззренческих различий между этими и другими авторами, а как целостное культурное явление, имеющее общепризнанные черты национальной самобытности. Как и в современном мире, авторов этих высказываний можно было бы упрекнуть в идеализации реального положения вещей. Однако существенно, что, во-первых, «идеалисты» не переводятся по прошествии десятилетий и веков и, во-вторых, они озабочены сохранением национального достояния, воплощенного в журналистике, поверх сиюминутных резонов и дивидендов.

Мы не претендуем на исчерпывающе полное перечисление коренных особенностей российской журналистики. У других специалистов появятся дополнения к нему или заметные изменения. Например, в литературе рассматривается такая, близкая к нашей, тема, как принципы самоопределения российской журналистики. В этом ряду называются следующие положения: правда как нравственная категория важнее научной истины; слово, мысль расцениваются как дело; антропоцентричность журналистики; соборность, или общность духа и др.¹⁶

¹⁴ Слонимский Л.З. Периодическая печать и капитализм / Л.З. Слонимский // Избранные страницы русской журналистики начала XX века / сост. Б.И. Есин, С. Я. Махонина. М., 2001. С. 178, 181.

¹⁵ Кривенко С.Н. Газетное дело и газетные люди / С.Н. Кривенко // Там же. С. 145.

¹⁶ Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации / В.Д. Мансурова. Барнаул, 2002. С. 146–154.

Мы не воспринимаем приведенные характеристики как альтернативные своим выводам, более того — находим между ними немало сходства. Значит, в фокус внимания попали не случайные, а повторяющиеся и устойчивые признаки.

Наверняка эти «приподнятые» рассуждения кому-то из представителей новых поколений покажутся бесполезной архаикой, добытой с библиотечной полки. Так оно и произошло однажды на научной конференции в Уфе, в которой нам привелось участвовать с докладом о ценностях отечественной прессы. Значительно позже доклада, в самом конце заседания появился секретарь Союза журналистов России П.С. Гутионтов. Первый же вопрос, который он услышал из зала, касался ценностей российской журналистики. Его задала молодая слушательница, скептически воспринявшая позицию «далекого от жизни» профессора. И она услышала в ответ: «Человековедение!». Думается, что нечто подобное могли бы сказать многие другие специалисты, которые хорошо и по личным наблюдениям знают предмет и которые склонны к его серьезному осмыслению.

К их числу относится главный редактор газеты «Уральский рабочий» Л.Л. Кошечев. Воспроизведем конспективно ход его размышлений о том, как сегодня возвращаются в практику многие из профессионально-творческих завоеваний прежних эпох. «...Имеет ли возможность сегодня журналист пропагандировать некие духовные и моральные ценности, влиять на аудиторию? <...> Безусловно, ему приходится распрощаться с положением безраздельного “властителя дум”, привычного многим публицистам старой России и тем более советским журналистам. Однако нельзя говорить о том, что эта составляющая напрочь отсутствует в заказе аудитории... потому что человеку свойственно искать собеседников и выслушивать их точки зрения, а зачастую и откровенные инструкции для жизни. Не только по каким-то частностям, но и по глубоким мировоззренческим вопросам. <...> Нельзя говорить и о том, что из журналистики безвозвратно уходит “высокотемье”, то есть освещение вопросов, не имеющих прямого отношения к обыденной жизни представителя аудитории. <...> ...Человеку свойственно стремиться заглянуть за горизонт — хотя бы, чтобы получить минутную передышку от обыденности. <...> Другим элементом скепсиса было часто высказываемое... утверждение, что в новых условиях востребован только “народ-

ный” язык, который тем “народнее”, чем решительней нарушает каноны культурности и приличий. <...> Но даже если принимать за аксиому язык аудитории, стоит понимать, что значительная ее часть более культурна, нежели ди-джеи... Кроме того, и, быть может, это даже важнее, далеко не всегда аудитория ждет от журналиста игры в “своего парня”. Мы идем в оперу или смотрим кинофильм именно потому, что там все совсем по-другому, красивее, чем тут у нас. Журналист нужен аудитории, потому что он осведомленнее, умнее, образованнее ее, и это должно проявляться в первую очередь на уровне языка и личного имиджа журналиста»¹⁷.

Национальные ценности журналистского образования и науки

Наряду с практикой прессы особым, хотя и не автономным, резервуаром опыта журналистики является оригинальная система профессионального образования. В нашей стране она строится главным образом на основе университетской подготовки, органично сочетающей в себе научные знания широкого гуманитарного профиля и технологически-методические навыки, высокий интеллектуальный уровень общения и многостороннюю профессиональную квалификацию. Нельзя не увидеть в сочетании этих черт образ практической журналистики, сформировавшейся в России. Опять придется заметить, что далеко не каждое государство обладает таким капиталом. Во многих странах журналистская школа либо не существует как самостоятельное университетское подразделение, либо имеет короткую, по сравнению с нашей, историю, либо ориентирована на технико-методическую тренировку студентов. Весьма не частное по важности замечание сделал один из британских специалистов: у него на родине обучение журналистов не имеет глубоких корней — оно было налажено лишь в 1950-х годах. Ему и по сей день присущи такие недостатки, как, с одной стороны, слабая связь теории с практикой, с другой стороны — нехватка общегуманитарных дисциплин. «Пришло время внимательнее посмотреть на опыт других стран»¹⁸, — считает эксперт. Долгий путь журналистского образования в России, по всей видимости, представляет интерес для изучения за рубежом.

¹⁷ Коцеев Л.Л. Указ. соч. С. 10–12.

¹⁸ Брайер А. О некоторых аспектах профессиональной культуры журналиста / А. Брайер // Журналистское образование в XXI веке / сост. Л. М. Макушин. Екатеринбург, 2000. С. 21 – 22.

Несомненно, в разработках зарубежных вузов содержится немало поучительного материала, и мы, как водится, черпаем из него полезные для себя элементы. Обычной практикой стали приглашение зарубежных лекторов, проведение для наших преподавателей обучающих семинаров на грантовые средства, перевод и бесплатное распространение учебной литературы, о чем уже шла речь выше.

Вместе с тем, укоренившееся в России представление о журналистике как труде интеллектуальном, духовном, а в социально-ментальном измерении — гражданственном вступает в противоречие с креном в сторону инструментальной подготовки. В российских университетах оно традиционно решалось в пользу высокого предназначения журналистики. Образование как передача учащимся суммы технологий ни в коей мере не отрицается, но эта сторона подготовки занимает подчиненное положение. Чтобы полемика не становилась беспредметной, достаточно вспомнить о содержании образования, например, в художественных вузах. Без овладения техникой и технологией труда невозможно стать хорошим художником или актером, но не тренинг принес мировую славу российскому искусству, а его незаурядная духовно-творческая наполненность. Подобным образом и в подготовке исследователя-естественника умение ставить лабораторные эксперименты занимает не последнее место, однако миссия ученого ассоциируется с преданным служением истине.

Показательно, что эту педагогическую идеологию хорошо воспринимают и усваивают мастера журналистики, когда волею судьбы они становятся штатными преподавателями. Известный телепублицист В. Мукусев, стоявший у истоков легендарной программы 1990-х «Взгляд», говорит об этом так: «Я преподаю: доцент кафедры журналистики... <...> Воспитываю, учу людей той профессии, которой посвятил почти 30 лет жизни. И в первую очередь я пытаюсь сделать из них граждан страны... а потом уже профессиональных журналистов». И в другом источнике: «Конечно, делать из детей журналистов сложно. Но ведь я учу их двум вещам. Во-первых, технологии. Во-вторых, пытаюсь объяснить им суть того, что делало нас, особенно во времена “Взгляда”, людьми, которых называли Журналистами. Тогда это слово как бы писалось с большой буквы!»¹⁹.

¹⁹ *Мукусев В.В.* Разберемся... Фрагменты интервью, выступлений, статьи, сценарии и исследования разных / В.В. Мукусев. М., 2007. С. 404–405; *Садчиков М.* Владимир Мукусев знает, кто убил Влада Листьева / М. Садчиков // Суббота. 2007. 13 дек.

В структуре нашего образования есть такие компоненты, которые некоторым западным универсам представляются инородными включениями. Скажем, развернутые курсы философии, истории, литературы, родного языка выходят из русла собственно профессиональной подготовки. Но без них, по российским понятиям, нельзя обеспечить фундаментальность знаний и широту кругозора, мировоззренческую зрелость выпускника. Содействовать решению этой задачи призвана группа пограничных дисциплин, которые усиленно разрабатываются в российских университетах. Без тени самовосхваления мы имеем право заявить, что за рубежом не найдется более глубоких разработок (а то и вовсе подобия) таких наших курсов, как социология журналистики, психология журналистики, политология журналистики и др. Там могут встретиться социология и психология массмедиа или теория политических коммуникаций, но это смежные с профессией дисциплины, они гораздо слабее адаптированы к труду корреспондента и редактора.

Мы у себя сделали еще крайне недостаточно для того, чтобы нагрузить пограничные курсы практически полезным материалом, далеко не во всех университетах страны есть преподавательские силы для их ведения на достойном уровне. Но эти комментарии не отменяют факт новаторского вклада в мировую практику журналистского образования. Патриотическое отношение к отечественной школе кадров выражалось бы в том, чтобы сделать эти разработки достоянием коллег за рубежом, популяризировать, искать единомышленников и продолжателей. Дело за технической малостью: книги нужно перевести на иностранные языки, издать и распространить. Но именно этого мы не делаем, и потому вынуждены довольствоваться односторонними теоретико-педагогическими контактами с зарубежными специалистами.

Установка на фундаментальность, на **созревание личности** в процессе образования естественным порядком предполагает увеличение сроков обучения. Модель длительного образования может казаться нерентабельной, но лишь с позиции узкого прагматизма. В широком общественно-культурном смысле она оправдывает себя, что доказано десятилетиями взаимодействия университетов с редакционной практикой. Под сложившейся системой пятилетней подготовки специалиста есть далеко не казуистическое обоснование, она не детище директивного произвола, а итог напряженных поисков нескольких поколений педагогов.

Поэтому надо критически и даже настороженно относиться к исходящему сейчас перекраиванию журналистского образования по лекалу Болонской декларации. Потери от введения четырехлетнего бакалавриата для основной массы студентов не компенсируются добавлением двухлетней магистратуры для отдельных выпускников. Мы перенимаем стандарты из-за рубежа, хотя, как уже отмечалось, там пресса изначально живет в других социально-культурных координатах, во многом иначе организована и опирается на иные теоретические основания. Весь патриотизм подобных решений сводится к достижению адекватности дипломов, что якобы облегчит нашим выпускникам вхождение на рынок труда за границей. Естественно возникает вопрос: адекватность какому уровню и качеству подготовки? Выпускница итальянского университета пишет о своей стране: «На данный момент у нас в Италии имеется 16 школ журналистики, большая часть которых предоставляет постдипломное обучение (два года). Курсы, пройденные в этих учебных заведениях, вполне вписываются в общенациональные стандарты и дают возможность присоединиться к Ассоциации профессиональных журналистов. Но здесь возникает проблема финансового характера: обучение в таком заведении стоит от 6000 до 7800 евро в год. Это далеко не всем по карману. <...> В связи с этим бессмысленно рассуждать о системе журналистского образования как таковой. По большому счету, специалистом в области коммуникаций может стать кто угодно. Главное — это оказаться в нужное время в нужном месте либо иметь деньги и хорошие связи...»²⁰. Надо отдать должное критичности и искренности автора. Однако нас больше беспокоит размытость образовательных критериев, которым якобы призваны соответствовать выпускники отечественных журфаков.

Кроме того, для специалистов не составляет секрета, что в большинстве европейских стран профессия журналиста не сертифицируется, диплом не служит ни гарантией, ни условием приема на работу в редакцию (как, заметим, и в России). Специалист по французской прессе пишет, что в этой стране «журналистом может стать любой человек, вне зависимости от полученного диплома». В данной связи не

²⁰ Мериани К. Журналистское образование в Италии / К. Мериани // Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры.

выглядит удивительной следующая статистика: ежегодно во Франции выпускают 400 дипломированных журналистов, а удостоверение профессионального журналиста получают 1200 — 500 человек; только 15% профессиональных журналистов являются выпускниками соответствующих школ²¹.

Если же вспомнить о гуманистическом смысле университетской подготовки, то он в первую очередь связан с максимальным раскрытием способностей личности, что, кстати сказать, закреплено юридически. В законодательстве среди целей, на которые должно быть ориентировано образование, в первую очередь называется обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации (Закон РФ «Об образовании». Статья 14. Общие требования к содержанию образования). Высшая школа в этом отношении качественно отличается от средней. Средняя школа, при всех оговорках, выполняет репродуктивные задачи, передавая учащимся уже накопленные знания. Но сроки пребывания в ней постепенно растут: 10, 11 лет, обсуждается целесообразность 12-летнего образования. Университет же создает возможности для персональной профессиональной социализации, развертывания заложенного в человеке индивидуально-личностного начала, формирования способности нетривиально мыслить.

Эти качества образуют ядро так называемого человеческого капитала. Его доля в составе богатства России значительно ниже, чем в развитых странах Запада. Так, к началу этого века в США человеческий капитал составлял 76% национального богатства, а природные ресурсы — 5%; в России же — 50 и 40% соответственно²². Нет национального интереса в том, чтобы увеличивать эту дистанцию путем усечения вузовской подготовки завтрашних поколений. Применительно к нашей теме уточним, что интеллектуальный потенциал журналистики не возрастет при сокращении времени пребывания молодых людей в мире знаний и мысли.

Между тем именно дефицит ярких личностей ощущают как коренной недостаток современной прессы авторитетные эксперты — председатель Союза журналистов РФ В.Л. Богданов и декан (на момент публикации материала) факультета журналистики МГУ Я.Н. Засурский.

²¹ Пую А.С. Журналистика Франции: плюрализм и этатизм / А.С. Пую. СПб., 2003. С. 80, 82.

²² Развитие профессионализма преподавателя высшей школы / под науч. ред. А.А. Деркача. М., 2006. С. 283.

«Внутренний мир среднего журналиста, увы, беден»²³, — констатировали они в публичной беседе друг с другом. Вот, для сравнения, мнение известного политического обозревателя П. Вошанова: «Кем стал российский журналист? Ни уважения, ни денег, ни жизненных перспектив. За последние 10—15 лет пресса потеряла едва ли не лучших своих людей, во всяком случае, самых опытных... Возникший вакуум заполнили разухабистые дилетанты, хорошо умеющие одно — развлекать»²⁴.

Образование неразрывно связано с наукой о журналистике, которая тоже выступает в роли хранителя национально-культурного достояния. Ее качественного своеобразия мы отчасти касались в предыдущих разделах пособия. Здесь мы представим науку о журналистике как сложившуюся область знаний и деятельности, обладающую традициями и опытом, которые заслуживают сохранения и поддержки. Естественно, в фокусе нашего внимания находится тот капитал, которым обладает именно российская наука.

Бережного обращения в первую очередь заслуживает сама по себе традиция формирования специальной и широко разветвленной дисциплины, имеющей своим совокупным объектом журналистику. Возможно, людям, которые по роду занятий не погружены в теоретические материи, это заявление покажется общим местом. В действительности множество стран, имеющих право называться научными державами, не культивируют специализированное исследование журналистики. Конечно, там не обходится без самого пристального анализа медиатекстов, культурологического, социологического, политологического осмысления прессы, описания ее истории и т. п. Но нередко это происходит в рамках других дисциплин. Такая ситуация сложилась, например, в Польше, по свидетельству уже упоминавшегося профессора Силезского университета М. Герули²⁵. В России же с давних пор наука о журналистике существует под собственным именем, по этой дисциплине читаются курсы в учебных заведениях и присуждаются ученые степени, согласно списку ВАК. У специалистов есть много претензий к качест-

²³ Богданов В., Засурский Я. Личность в журналистике / В. Богданов, Я. Засурский // Журналистика и медиарынок. 2006. № 11. С. 12.

²⁴ Вошанов П. С чувством вертикального удовлетворения / П. Вошанов // Новая газета. 2008. 3—5 марта.

²⁵ Геруля М. Обучение журналистов в Польше / М. Геруля // Педагогика журналистики: взгляды и опыт / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб., 2006.

ву разработок по вопросам теории и практики прессы, как и к общему положению дел в этой дисциплине. Но нельзя не придавать значения самому факту ее существования и многолетнего развития.

Для отечественной науки характерно комплексное и целостное понимание журналистики. В частности, в нем синтезируются культурно-исторические, филологические, обществоведческие подходы к объекту изучения. Для западноевропейских университетов типичным является разделение знания на гуманитарное и социально-политическое, причем исследованию журналистики, как правило, отводится место в ряду социальных дисциплин. Соответственно, она рассматривается преимущественно как средство коммуникации, с упором на механизмы передачи новостей, психологию воздействия на массовую аудиторию, участие в политическом процессе. Информационно-коммуникативные технологии и их социальная эффективность (включая коммерческий успех) — вот зоны наибольшего внимания. На этих путях зарубежные исследователи достигли заметных результатов. Поэтому понятен растущий интерес отечественных ученых к методологическим матрицам, предлагаемым авторитетными зарубежными коммуникологами. Но если ограничиться только этими подходами, вся пресса по произволу исследователей превратится в инструмент, в средство, в пассивное орудие в руках властителей мира. То, что делает журналистика для общественного самопознания и просвещения, саморегулирования, раскрытия духовного богатства нации и человека, окажется вне поля зрения ученых, так же, как и творческая, духовно-созидательная работа самих журналистов. Сомнительно, чтобы они в большинстве своем согласились с таким уничижительным отношением к себе.

Примечательно, что некоторая смена приоритетов в пользу профессионально-гуманитарного исследования с недавних пор наблюдается в странах, где изучение прессы тяготело к социологической методологии. «Медиаисследования переключились с преимущественного обращения к эффект-ориентированным парадигмам на изучение существа продукции самих медиаинститутов, а также на рассмотрение уникальных черт каждой из форм медиа, — замечают американские авторы. — Большинство исследователей сегодня согласилось в том, что наилучший путь к пониманию силы и влияния медиа заключается в рассмотрении специфических контекстных ситуаций, помога-

ющих понять динамику используемых медиа и степень важности их содержания»²⁶. В подобных признаниях мы находим подтверждение глубокой обоснованности путей, по которым издавна идет национальная исследовательская школа.

С точки зрения методов познания существенно, что наша наука о прессе несет в себе явный след генетического родства с социальной философией, филологией, историей и другими классическими гуманитарными дисциплинами. Они ориентированы в большей степени на качественные методы. Социально-политические дисциплины, в русле которых зачастую строится знание о журналистике в Европе, интенсивно используют методы количественные, в частности статистические. Эти виды инструментария призваны дополнять друг друга во имя приближения к истине. Прикладные эмпирические проекты давно уже перестали быть редкостью в отечественной исследовательской практике, в стране успешно действуют крупные центры статистического изучения медиасферы (ВЦИОМ, АСИ и др.).

Но эмпирика не дает ответов на коренные вопросы о роли прессы в жизни общества и человека, о закономерностях ее возникновения и развития, нравственных основаниях журналистики и т. п. К тому же под неодолимым влиянием рынка статистика сосредоточивается на рейтинговых показателях деятельности СМИ (рейтинг — числовой показатель оценки достижений и популярности общественного деятеля или организации). Тем самым глубинные проблемы взаимоотношений журналистики и мира оттесняются на периферию исследовательского внимания. Их решение не подвластно цифре — здесь требуется иной категориальный аппарат, здесь надежнее проявляет себя метод понимания, давно и успешно применяемый в гуманитарных исследованиях. Мы тоже обратимся к нему, когда будем анализировать проблему сущности журналистики.

К слову сказать, пристальное изучение истории эмпирических исследований печати показывает, что, вопреки распространенному мнению, они не пришли в Россию с Запада, а формировались самостоятельно (хотя укоренялись значительно позднее, благодаря как раз «второму пришествию» из-за рубежа). Как утверждает историк печати А.И. Акопов, «...истoki социологических методов следует искать еще

²⁶ *Alexander A., Hanson J. Op. cit. P. xvi.*

в первых русских периодических изданиях XVIII в. Особо следует отметить “Труды Вольного экономического общества” (ВЭО) — ежемесячный журнал, созданный в 1765 г. в Петербурге и посвященный в основном сельскохозяйственной тематике. В первом же номере журнала была помещена анкета под названием “Экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций”, состоящая из 65 вопросов, каждый из которых детализировался, расшифровывался, охватывая буквально все стороны сельской жизни». Традиция анкетирования сохранилась в журнале на весь период его существования (начало XX века)²⁷. В свою очередь Н.А. Добролюбов явился пионером в использовании количественно-качественного изучения периодики (ныне этот метод известен как контент-анализ); Н.Г. Чернышевский начал применять статистику для изучения читательской почты; известны опыты статистики рабочих взносов на партийную прессу, выполненные В.И. Лениным; в 20-е годы XX века Я.М. Шафир провел целую серию масштабных исследований читательских интересов; в конце 1960-х годов В.И. Кузин организовал комплексное изучение журналистских кадров, и этот прецедент остается уникальным до сего дня...²⁸ Мы забываем о подобных фактах и почтительно ссылаемся на первопроходцев иностранцев, в очередной раз демонстрируя печально известную российскую бесхозяйственность.

То же следует сказать и о некритическом восприятии доктрин, концепций и терминологического аппарата. Можно ли, например, безоговорочно согласиться с популярной в Европе теорией, в свете которой журналист предстает как распространитель информации, интерпретатор и оппонент власти? Стоит лишь перешагнуть через узкие рамки взаимоотношений прессы с властью, как вспоминаются роли социального мыслителя, просветителя, бытописателя, защитника и прочее и прочее. Надо ли соглашаться на изживание высокого статуса публициста (наименования, не принятого в англосаксонской школе) в пользу безвкусного обозначения «коммуникатор»? В любом ли научном контексте уместно обозначать читателя как реципиента? Не лишаемся ли мы

²⁷ *Акопов А.И.* Первые социологические исследования в русской журналистике / А.И. Акопов // Некоторые вопросы журналистики : история, теория, практика (публикации разных лет). Ростов н/Д, 2002. С. 201, 204.

²⁸ См. об этом: *Таловов В.П.* У истоков социолого-журналистских исследований в России / В.П. Таловов // Вестн. Моск. ун-та. Журналистика. 1993. № 5; *Шафир Я.М.* Газета и деревня / Я.М. Шафир. М., 1923; *Кузин В.И.* Партийный комитет и газета / В.И. Кузин. Л., 1968 и др.

в этом случае идеи равноправного духовного взаимодействия автора и его аудитории, которым сильна российская журналистика? Не стоит ли, по предложению уральского профессора Б.Н. Лозовского, «оставить “массовую коммуникацию”, “реципиентов”, “коммуникаторов”, “электорат” и т. п. — ребятам из политехнологических команд»?²⁹ Таких вопросов возникает множество при регулярном знакомстве с исследовательской литературой.

Они особенно болезненно решаются в ситуациях, когда наука предлагает практикам методические разработки, советы и технологии труда. В таких случаях контрастно проявляется идея о том, что потребность в зрелой теории имеет не столько академическое происхождение, что она в не меньшей степени порождается производственными заботами редакций и общественными интересами в широком плане.

Типичным примером тому является опыт редакционного бизнес-планирования. Казалось бы, здесь действуют унифицированные методики, лишенные «гражданства». Однако специалисты в этой области утверждают, что «первой и самой распространенной ошибкой российских разработчиков бизнес-планов является попытка применить западную методологию разработки таких документов без адаптации к специфике российской деловой среды, правилам делового оборота и этики. Обычно иностранные авторы прямо рекомендуют российским читателям: подставьте в формы и таблицы свои данные и вы получите отличный бизнес-план. В одном из пособий “Составление бизнес-плана” так и написано: “Замените в тексте Нью-Йорк на Москву, а Сан-Франциско на Владивосток — и все, пора действовать”. <...> Есть достаточно оснований считать, что... различие вызывают особенности деловой среды в разных странах»³⁰. Из приведенного высказывания прямо следует вывод: без фундаментальной теоретической подкладки нельзя построить предметный анализ специфического российского медиарынка, а без этого не выработать полезных технологических рекомендаций по налаживанию редакционного маркетинга.

Мы бегло затронули некоторые вопросы патриотического отношения к отечественной журналистике. В заключение — несколько обоб-

²⁹ Лозовский Б.Н. «Четвертая власть» и общество: на тернистом пути к согласию / Б.Н. Лозовский. Екатеринбург, 2001. С. 39.

³⁰ Иваницкий В. Ошибки при разработке бизнес-планов / В. Иваницкий // Журналистика и медиарынок. 2007. № 1. С. 50.

щающих замечаний. Во-первых, этот предмет не исчерпывается одной или несколькими публикациями, он требует глубокой и регулярной разработки. Состав ценностей, которые нуждаются в сбережении как национально-культурное достояние, может дискутироваться, здесь есть широкое поле для полемики – желательно, ведущей к взаимопониманию и согласованию позиций. Во-вторых, этот предмет не может оставаться в пределах академических дискуссий. Бережное, ответственное и хозяйское обращение с наследством, доставшимся нам от предыдущих поколений, – это забота практиков прессы, творческих союзов, университетских преподавателей и государственных органов. Российская журналистика не принадлежит никому персонально, и в то же время каждый, кто соприкасается с ней, несет свою часть обязанностей перед нею.

Вопросы для семинарских занятий

1. Как в российской журналистике сочетаются мировой опыт и национальные традиции?
2. В каком смысле можно говорить о российской журналистике как о части национальной культуры?
3. Какие черты национально-культурного своеобразия являются определяющими для российской журналистики?
4. Какими характерными особенностями обладает российская школа подготовки журналистов?
5. Что отличает отечественную традицию научных исследований журналистики?
6. Что необходимо делать для сохранения российской журналистики как национального культурного достояния?

Задания для самостоятельной работы

1. Опишите национально-культурное своеобразие журналистики одной из стран (одного из регионов мира).
2. Выясните отношение журналистов к пониманию журналистики как национальной культурной ценности.

5. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

● Сущность журналистики: споры и варианты толкования ● Жизнеподобие как сущностная характеристика журналистики ● Понятие и содержание деонтологии журналистики ● Миссия и деонтологические принципы журналистики

Сущность журналистики: споры и варианты толкования

Нормальное, естественное развитие науки предполагает свободу выбора позиции и угла зрения, открывает простор для поисков наиболее убедительных версий и, в конечном счете, взаимопонимания специалистов. Естественнo, при условии уважительного и даже рачительного отношения к «порциям» истины, добытым другими исследователями — как в прошлом, так и в настоящем. Этот механизм уже начал действовать, в результате качественных накоплений и в редакционной практике, и в науке. Заканчивается полоса огульного отрицания теории журналистики как самостоятельной дисциплины и как условия плодотворного развития прессы. В новой литературе одна за другой появляются свежие разработки, в которых делаются попытки целостно, на концептуальном уровне представить феномен журналистики и способы ее существования. Причем, в отличие от прежних десятилетий, с монографическими публикациями выступает не только узкий круг «штатных» теоретиков, а относительно новые для этого поприща люди, да еще и не столичные жители³¹. И это не считая статей, реплик, докладов, «круглых столов» и т. п. Значит, погружение в коренные характеристики журналистики по-прежнему остается привлекательной областью научной мысли. Да по-другому и быть не может, особенно с учетом ветвистости дороги, по которой идет пресса в новейшей истории. Необходимо слушать разные голоса — это альфа и омега серьезной научной деятельности, в которой все ее участники, вольно или невольно, оказываются единым, хотя и дисперсным сообществом.

Между тем задача складывания прочной категориальной базы в теории журналистики не снимается, плюрализм взглядов служит лишь

³¹ Ахмадулин Е.В. Основы теории журналистики / Е.В. Ахмадулин. М.; Ростов н/Д, 2008; Коновалова О.В. Основы журналистики / О.В. Коновалова. М.; Ростов н/Д, 2005; Михайлин И.Л. Основы журналистики : авториз. пер. с укр. / И.Л. Михайлин. 4-е изд., испр. и доп. Харьков, 2004; Шайхитдинова С.К. Указ. соч.; Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы / А.В. Шевченко. М., 2004 и др.

средством ее решения, но не решением как таковым. Поэтому надо приветствовать опыты тех исследователей, которые призывают уходить от описательности в подходе к журналистике и вскрывать, наконец, ее **сущность**. Конкретно имеются в виду работы Е.П. Тавокина³² и Т.В. Науменко³³, содержание которых позволит нам увидеть основные проблемные узлы рассматриваемой темы.

Роднит эти сочинения не только обращение к сущности изучаемых явлений. Для обоих авторов журналистика не является основной областью научной специализации — они занимаются, главным образом, массовыми коммуникациями и с этих позиций судят о фундаментальных проблемах прессы. Поэтому, вероятно, ставят в один ряд характеристики журналистики и массовых коммуникаций. Оба декларируют и стремятся применить философскую (социально-философскую) методологию анализа, обильно цитируют другие исследовательские публикации и в результате своих изысканий выводят верные, как им кажется, определения журналистики. Правда, текстуально их дефиниции заметно различаются между собой, и это обстоятельство ставит под сомнение их неколебимость. Проф. Тавокин представил на суд специалистов монографическое и многоаспектное произведение. Из творчества другого исследователя мы выбрали отдельные статьи (включая одну выполненную в соавторстве). Они, может быть, и не заслуживали бы специального рассмотрения сами по себе, поскольку написаны несколько лет назад, опираются на весьма не новые источники (в том числе те, на которые исследовательница направляет свои критические стрелы) и во многом повторяют друг друга. Однако статьи «висят» на активно посещаемых сайтах в Интернете, откуда перекочевывают в теоретические дискуссии и труды научного юношества, а также в более свежие и объемные публикации их автора³⁴. Так что их приходится считать фактом текущей исследовательской жизни.

³² Тавокин Е.П. Массовая коммуникация : сущность и состояние в современной России / Е.П. Тавокин. М., 2005.

³³ Науменко Т.В. Журналистика как система деятельности: сущность, содержание, формы / Т.В. Науменко // Библиотека Центра экстремальной журналистики : электронная библиотека — library.cjes.ru/online; Источник: <http://credo.osu.ru/019/008.shtml>; Науменко Т.В. Функция журналистики и функции СМИ / Т.В. Науменко: <http://www.orenburg.ru/culture/credo/20/naumenko.html>; Иващенко Г.В., Науменко Т.В. Философские проблемы теории журналистики как область исследований / Г.В. Иващенко, Т.В. Науменко // Центр экстремальной журналистики : электронная библиотека: <http://www.library.cjes.ru/online>; Источник: <http://credo.osu.ru/016/004.shtml>.

³⁴ Науменко Т.В. Социология массовой коммуникации / Т.В. Науменко. СПб., 2005.

Мы не ставим перед собой задачу написать развернутую рецензию на указанные работы. И ни в коем случае не защищаем честь мундира, хотя и фигурируем в качестве персонажей критических монологов авторов (Е.П. Тавокин, кстати сказать, и о взглядах Т.В. Науменко высказывается далеко не лестным образом³⁵). Мы твердо и искренне держимся убеждения, неоднократно выраженного в этой книге: истина откроется в плюралистическом и дискуссионном поле коллективного анализа. Другое дело — насколько продуктивен путь, избранный данными критиками, и как далеко мы продвигаемся в изучении глубинной природы прессы, наконец, какие модели редакционной практики удастся построить на предложенном фундаменте. Таким образом, мы попытаемся через дискуссию сделать шаг к подлинному знанию.

Итак, авторы названных публикаций исходят из того, что наука о журналистике до сих пор развивалась преимущественно «вширь», что она отличается «несобранностью», несогласованностью исследовательских подходов и т. п.³⁶ С такой невеселой констатацией придется согласиться, тем более что она дается с апелляцией к самокритичным высказываниям проф. Е.П. Прохорова, известного теоретика прессы. Правда, уместнее было бы сослаться на работы, вышедшие в последние годы, а не в начале 1990-х, причем не на учебники для студентов первого курса, а на специальные исследования. Чтобы не выставлять теорию журналистики печальным исключением, хорошо бы также вспомнить и о глубочайших расколах, характерных для современного состояния других наук об обществе и человеке, которые в известном смысле призваны служить методологическим ориентиром для исследователей прессы. «Да, можно говорить о кризисном состоянии обществоведения, — писал в 1990-х годах известный социолог В.А. Ядов. — Но не в том смысле, что это тупик, а в том, что это симптом переломного состояния в длительном недомогании...»³⁷. С не менее тревожной интонацией говорят о своей области интересов профессора философии. «То, что философия как часть знаний человечества находится сегодня в плачевном состоянии, признается большинством ученых, — читаем в полемической публикации. — Самое веское тому подтверждение — ей

³⁵ Тавокин Е.П. Указ. соч. С. 11, 12, 43 и др.

³⁶ Иващенко Г.В., Науменко Т.В. Указ. соч.

³⁷ Ядов В.А. Перестройка требует научного знания о социальном субъекте общественных процессов / В.А. Ядов // Социология перестройки / отв. ред. В.А. Ядов. М., 1990. С. 190.

отказано считаться наукой как таковой. Велики в обществе и ожидания по ее возрождению, особенно у нас, в России»³⁸. Значит, само по себе обращение к обществоведческой методологии в теории журналистики еще не служит гарантией достоверности исследовательских выводов. Критерий истинности лежит не в принадлежности автора к той или иной науке (табели о рангах научных дисциплин вообще не существует), а в обоснованном выборе метода, достаточном знании материала, корректности хода рассуждений, что, впрочем, хорошо известно специалистам.

Заявленная в публикациях социологов СМК установка на реконструкцию существующего знания, опору на имеющийся конкретно-научный материал вызывает у читателя доверие. Давно пора приступить к хозяйской инвентаризации отдельных элементов и обобщить их на уровне высокой и непротиворечивой абстракции. Жаль только, что авторы тут же изменяют своему намерению и в большинстве случаев выносят приговоры трудам предшественников. Работа Е.П. Тавокина пестрит выражениями «не продвигает вперед», «проявляется неясность», «не проясняется характер», «принципиально неверное положение»... Не менее разрушительна в своих заключениях и Т.В. Науменко: «остается неясным и неопределенным», «не в состоянии адекватным образом отразить предмет», «не позволяющих адекватно подойти» к решению проблемы (выражение «адекватно подойти» впечатляет еще и в логико-стилистическом отношении)... При этом она обходится без конкретного материала, раскрывающего нынешнюю или прошлую практику прессы, так что остается верить автору на слово.

Так что же перед нами — собирание имеющегося знания или его очередное отрицание, близкое к нигилизму в науке? Не стоит ли в теории журналистики воспринять объективное отношение к чужим сочинениям, с учетом их сильных и слабых сторон, — такое, какое проявляется в «соседних» науках и, как думается, приносит весомые познавательные плоды? Например, в ходе работы над сборником статей о педагогике журналистики нас профессионально обогатила встреча с автором, который придерживается такой сбалансированной методики анализа. Речь идет о проф. А.В. Федорове — ведущем отечественном специалисте в области медиаобразования, своими трудами заслужившем, каза-

³⁸ Харитонов В.А. С чего начать возрождение философии? / В.А. Харитонов // Вестн. Российского филос. общества. 2007. № 1. С. 106.

лось бы, право выступать без оглядки на другие авторитеты. Однако он предпочел дать развернутую характеристику-классификацию известных в мире медиапедагогических школ, снабдив ее деликатным по тону комментарием и заключительными выводами. Они, в частности, несут в себе мысль об обоснованности и полезности синтеза различных теорий, тогда как раздельная эксплуатация каждой из них сделает медиаобразование, скорее всего, однобоким³⁹.

Способ ведения дискуссии неизбежно включает в себя и манеру, тональность высказываний. Предполагая в оппонентах стремление объективно разобраться в поставленной проблеме, мы исходим из презумпции их способности справиться с такой задачей. Тенденциозность или просчеты могут проявиться в процессе работы автора над темой и в ее результатах, а изначально всякий автор прав, когда пытается внести свой вклад в решение сложного вопроса. Тексты рассматриваемых публикаций демонстрируют иную ориентацию. В них делается переход от цитирования чужих произведений к оценке личных достоинств авторов. Как иначе понять такое заявление: «“Несобранность” журналистской теории... есть также плод, мягко говоря, недостаточной методологической оснащенности самих ученых, разрабатывающих (порой десятилетиями) данную проблематику...»⁴⁰? За исследователей, которые мыслят «неправильно», с легкостью додумываются мотивы их поведения и причины обнародования «нелегитимных» высказываний: «он, очевидно, понимая слабость данного подхода, оговаривается»⁴¹, «догадываясь, видимо, об ограниченности своего подхода, она...»⁴². Между прочим, во втором примере один из цитируемых авторов оценивает работы другого.

Общаться в подобной манере пристало, может быть, в житейской среде, да и то без шансов на взаимопонимание. В академических кругах следование этике и этикету служит обязательным сопровождением игры ума. Главное, однако, заключается не в этих подробностях, а в априоризме общих установок и суждений. Когда заранее известно, что тот или иной разработчик не прав, то ему можно приписать некие

³⁹ Федоров А.В., Новикова А.А. Ключевые теории медиаобразования / А.В. Федоров, А.А. Новикова // Преподаем журналистику : взгляды и опыт.

⁴⁰ Иващенко Г.В., Науменко Т.В. Указ. соч.

⁴¹ Науменко Т.В. Функция журналистики и функции СМИ.

⁴² Тавокин Е.П. Указ. соч. С. 12.

поступки, за которые потом тут же и осудить. Так, критики решительно расправляются с определениями журналистики, которые даны нами и Е.П. Прохоровым. Но ни тот, ни другой не предлагали определений. Мы, по крайней мере, можем ручаться за себя: в наших учебных изданиях (в том числе и в начале этого пособия) буквально говорится о значении слова «журналистика», о названии — и не более того. Раскрывает ли название сущность явления? Нет, конечно. Может ли это обстоятельство служить поводом для упреков в малой глубине, в описательности подачи учебного материала? По всей видимости, может, как знак недостаточно высоких амбиций сочинителя. Понятно ли предложенное описание адресной читательской группе — студентам младших курсов? Совершенно иной контекст разговора и другой набор упреков.

Приметы априоризма находятся и в других фрагментах обозреваемых публикаций. Вот начальные фразы одной из статей: «Журналистика есть подсистема социальной деятельности. Субстанцией журналистики, таким образом, является социальная деятельность»⁴³. Как говорится, несогласных прошу покинуть помещение. А возражения, между тем, напрашиваются сами собой. Мы уже неоднократно подчеркивали, что журналистика есть не только социальная деятельность. Вероятно, найдутся и другие специалисты, которые хотели бы рассматривать ее в иных координатах: как процесс мышления, накопитель знаний, способ существования культуры, область предпринимательства и т. д. В ответ, вероятно, послышится, что в этих качествах журналистика реализует себя именно через деятельность своих сотрудников. Но это уже другая линия рассуждений, отмеченная широтой мышления, а не категоричностью отдельных заявлений. Предвзятость сквозит даже в, казалось бы, мелочах. Сложилась у исследователя определенная схема рассмотрения своего предмета, и отступить от нее уже не получается. Так же, как не удастся отказаться от гражданских пристрастий и публицистической горячности, а то и вовсе заключений на уровне здравого смысла. «За все почти пятнадцать лет “реформ” по телевидению... не прозвучало ни одного осмысленного доброго слова, ни одной здоровой, возвышающей человека мысли...»⁴⁴ Неужели ни одной? Каждый волен иметь собственное мнение, но ведь приведенное утверждение опровергается даже при минимальных затратах умственной энергии.

⁴³ Науменко Т.В. Журналистика как система деятельности: сущность, содержание, формы.

⁴⁴ Тавокин Е.П. Указ. соч. С. 148.

Однако не хотелось бы уходить от главного: претензия на монопольное владение истиной не оправдывает себя при решении комплексных научных задач. Абсолютно не прав тот, кто считает абсолютно неправыми других. По меньшей мере, он должен считаться с тем, что результаты и его деятельности будут подвергнуты взыскательному анализу.

С тем и обратимся, наконец, к **определениям журналистики**, которые предлагаются взамен существующих. Т.В. Науменко формулирует понятие журналистики, выражающее ее сущность: «Журналистика есть система внедрения в массовое сознание социальных оценок текущей действительности, то есть оценок актуальных событий, попадающих в поле зрения массового сознания, оценок актуальных результатов практической деятельности с точки зрения интересов тех или иных социальных групп»⁴⁵. Нетрудно заметить, что деятельность прессы рассматривается исключительно в управленческом плане (внедрение), где нет места ни духовной суверенности носителей массового сознания — населения, ни самостоятельному миропониманию тех, кто создает публичные произведения (а это не только штатные сотрудники редакций, но и бесчисленные непрофессиональные авторы). В наши дни получила признание идея общественного диалога через прессу, через журналистский процесс. В социальном измерении она соответствует тенденции к росту значения общественного самоуправления. Однако для ее реализации также не остается пространства в предложенной формулировке. В гуманитарно-культурной перспективе мы лишаемся возможности рассматривать журналистику как среду духовной жизни людских масс и индивидов, как средство самовыражения их философских, эстетических, морально-нравственных, творческих потенциалов и т. п. — все ресурсы прибрали к рукам «те или иные социальные группы». С рационально-гносеологических позиций абсолютизация ценностей означает, что в сущность журналистики не «входит» знание о мире, будь то насыщение публичной сферы точными фактами бытия или систематизированными описаниями явлений и процессов.

Выраженные здесь сомнения (равно как и оставшиеся втуне) побуждают к выводу о том, что в предложенном определении не отражен опыт истории мысли, хотя бы в снятом виде. Надо ли в очередной раз цитировать хрестоматийную книгу Ф.С. Сиберта, У. Шрамма, Т. Питер-

⁴⁵ Науменко Т.В. Функция журналистики и функции СМИ.

сона «Четыре теории прессы», в которой авторитарно-управленческая концепция опровергнута как противоречащая общественной сущности журналистики? Или, из отечественного опыта, надо ли вспоминать политико-идеологическую конструкцию «средства массовой информации и пропаганды», которая оказалась недолговечной даже в советской однопартийной системе? Надо ли, наконец, напоминать о том, что ни один здравомыслящий человек не раскрывает номер газеты для того, чтобы в его сознание внедряли «посторонние» оценки действительности? Какие бы захватывающие утопии ни сочиняли о безмозглости толпы оригинальные мыслители Ф. Ницше, Г. Лебон и их последователи, человек все же сознательно выстраивает свою социальную биографию, и в прессе он ищет надежное знание об окружающем мире, в который неизбежно должен интегрироваться. В противном случае человечество придется «закрыть» за неспособностью к осмысленному существованию.

Одноцветность доктрин губительна для них, поскольку жизнь многокрасочна. Мы тоже не относим себя к поклонникам журналистики факта и считаем, что ее доминирование крайне обеднило бы творческую палитру мировой прессы. Но нельзя же не считаться с тем, что за столетия выработалась целая культура фактографического информационно-репортерского труда, она проникла в сердцевину англосаксонской, например, журналистики. Согласно логике нашей исследовательницы, это «неправильная» пресса, *de facto* и *in abstracto* — как ежедневная практика и как научный дискурс, хотя в обоих качествах она живет и процветает. Что же нам теперь — пуститься в разоблачение лживой беспристрастности буржуазной журналистики новостей? Но это вроде бы уже пройденная полоса идеологических войн, не приведших к победам, да и надо ли тратить энергию на доказательство самоочевидной связи информационного бизнеса с политическими кругами?

Похожие соображения неизбежно появятся, как только мы произведем хотя бы беглую ревизию типов СМИ и соответствующих им способов профессиональной практики. Деловая пресса, с ее подчеркнутой сдержанностью в эмоционально-оценочном плане. Развлекательная журналистика — напротив, эмоционально раскованная, но без претензий на идейное руководство читателями. Спортивные издания, которые, конечно же, изобилуют ценностными суждениями, но, в оптимальном варианте, это не средство навязывания установок извне,

а обмен мнениями внутри неформальной корпорации, сплоченной на базе общей увлеченности спортом...

В сказанном выше нет отрицания того огромного значения, которое пресса имеет для управления. Нам тоже приходилось много и увлеченно заниматься этой темой⁴⁶, и именно в управлении, по нашему мнению, заключается одна из социальных ролей прессы. Ошибка заключается в сведении всех реальных и возможных сфер бытования журналистики к управлению, а тем более к управлению сознанием, что сродни манипулированию.

Страдает ли подобной однозначностью определение, выработанное Е.П. Тавокиным? Послушаем: «Журналистика — деятельность определенной профессиональной группы современного общества, содержанием которой является производство и обработка информации, отражающей определенные актуальные явления, факты и процессы социального мира, для ее дальнейшего тиражирования и передачи в систему средств массовой информации с целью оказания заданного (желаемого) воздействия на общественное сознание»⁴⁷. Здесь объект изучения представлен полнее. По меньшей мере, в него включены элементы содержания, которые свойственны реальной редакционной практике. Разомкнутым выглядит круг «желающих» оказать воздействие через СМИ. Само воздействие не сводится лишь к трансплантации ценностей, а значит, тоже предполагается его широкая вариативность.

Тем не менее, счесть эту формулировку исчерпывающей и точной нельзя. В опыте критики, который мы сейчас сделаем, важны даже не столько поводы для частных замечаний, сколько демонстрация того, что дать журналистике безупречное определение крайне трудно и, не исключено, невозможно в принципе.

Следуя манере, в которой страница за страницей выступает сам автор, придирчиво отнесемся к отдельным словам. Как, к примеру, понимать слово «определенный», дважды встречающееся в формулировке? Как риторический мусор или как указание на ограниченность состава журналистов и круга их зрения? Что это за действие — тиражирование? Согласно языковым и профессиональным нормам, это будет установ-

⁴⁶ См., напр., наши публикации: Социальное управление и печать. Л., 1989; Печать, управление и самоуправление. Тула, 1992 и др.

⁴⁷ Тавокин Е.П. Указ. соч. С. 90.

ление количества экземпляров издания. Тогда как оно может выполняться отдельно от передачи информации в СМИ?

Посмотрим на содержательно-смысловые компоненты определения. О том, что журналистику дозволительно рассматривать не только в качестве деятельности и не только деятельности профессионалов, речь уже шла. Между прочим, в монографии черным по белому начертано: «смысл понятия “журналистика” не может быть ограничен только одним деятельностным значением»⁴⁸. Оставим эту несообразность без комментариев. Сосредоточимся на перечне предметных сторон объекта отражения: явления, факты и процессы. А проблемы, настроения, социальные эмоции, мнения, ценности? Или их надо совокупно включить в состав явлений? Но ведь и факты, и процессы — это тоже формы, в которых социальный мир являет себя.

Далее, целью множества публикаций, несомненно, является заданное (желаемое) воздействие. Но кто из знающих редакционную «кухню» не вспомнит про другое множество — тех материалов, что не несут в себе явно выраженного намерения воздействовать в определенном направлении? Конечно, путем умозрительных заключений мы сумели бы доказать, что корреспонденты и редакторы на подсознательном уровне вводят в текст воздействующие элементы, сами не понимая, к чему клонят. И добавили бы, что в объективном плане развлекательная пресса пробуждает у населения потребительские инстинкты и формирует гражданскую пассивность, а банковские хроники в деловой прессе служат утверждению идеи свободного предпринимательства, что поведение единичного сотрудника контролирует мощный мозговой штаб издателей и владельцев СМИ, что существует мировой сговор об оболванивании целого народа и т. п. Да мало ли какие еще допущения выстроит изощренный и тенденциозно ориентированный ум... Тем не менее, степень выраженности подобных целей в конкретном репортерском эпизоде бывает ничтожно малой, и ею без ущерба для понимания реальности можно пренебречь. Если не обращать на это внимания, мы в который раз придем к игнорированию журналистов как активных субъектов журналистского дела. Однако вспомним определение: «деятельность определенной профессиональной группы...». И мы в логическом тупике.

⁴⁸ Там же. С. 83.

Продолжим о воздействии. Ряд исследователей (и автор этого пособия в их числе) настаивают на том, что в конечном счете преобразующая сила журналистики обращена к социальной практике — через посредство сознания или даже «в обход» его, через механизмы организаторской работы. Разделять эти взгляды в условиях теоретического свободомыслия совсем не обязательно. Но и полностью исключить поступки, поведение людей из разряда мишеней воздействия тоже вряд ли получится — нереалистично. Иначе не было бы смысла изучать двойственную природу журналистики — духовно-практическую, а с этим ее наименованием, кажется, никто не спорит.

Жизнеподобие как сущностная характеристика журналистики

Приходится признать, что сущность журналистики не открывается на плоскости. Это относится к «плоскому» времени (бессмысленно рассуждать о текущей действительности без обращения к генезису явления), дисциплинарной одноплановости (социологическое знание ничуть не выше филологического или исторического по своим познавательным способностям), схоластичности анализа (академическое мудрствование мало чего стоит без апелляции к мудрости практики), нивелированию национально-культурных факторов (пресса Казахстана по внутренней конфигурации может и будет отличаться от СМИ Швеции). Философское осмысление журналистики, как нам представляется, лишь тогда даст желанные результаты, когда максимально полно охватит бытие прессы как элемента жизни общества и человека. По всей видимости, такая концепция сольет воедино и одновременно разделит прошлое, настоящее и вечное (неизменное) в прессе. Значит, хотя бы в этом разрезе она представит сущность журналистики в динамике и многообразии, а не как статичное и одномерное образование.

Скажем больше и совсем уж эпатазирующе, на взгляд поклонников окончательных и бесповоротных решений. Единого определения сущности журналистики, по всей видимости, мы не найдем. Она — **жизнеподобна**, хотя бы в силу своей документальной основы, обостренной злободневности и проникновения во все области социального мира, как в тематическом, так и в географическом измерениях. Она воспроизводит жизнь в формах самой жизни, насколько это позволяют технологи-

ческие возможности СМИ, то есть в виде приближенных к реальности картин, а не теоретических абстракций или художнических фантазий. За сниженность содержания и тона, до повседневности и бытовизации, ей испокон века доставалось от рафинированных эстетов и интеллектуалов. Слов нет, пресса много проигрывает в глубине и форме возвышенным искусствам и наукам. Но как раз здесь и кроется секрет ее востребованности и незаменимости. «Сладостная и пошлая мелодия жизни» — этими словами Томас Манн выразил мучительные отношения притяжения-отталкивания художника с обыденной действительностью. «Они мешают спать и не дают проснуться» — в парадоксальной форме описывает неотделимость человека от СМИ современный эссеист⁴⁹.

У понятия жизнеподобия есть дополнительное, и при этом весьма прочное, обоснование, которое мы находим в социально-философских исследованиях журналистики. В одном из них говорится: «Проблема исследования формулируется нами как проблема сосуществования двух измерений действительности, двух стратегий смыслополагания — системы и жизненного мира. <...> Сегодня... содержательное наполнение обозначенной проблемы выражается в драматическом противоречии между виртуальным миром коммуникаций, который все более проявляется в воспроизводстве общества как тотальности, и между социальной природой людей в той ее части, где они выступают как свободные, самодетерминирующиеся существа»⁵⁰. Противопоставление мира жизни и мира системы (жизнь приоритетна!) — это великий постулат европейского мыслителя Ю. Хабермаса, заложенный в основу новейших исследований в области гуманистической философии и социологии.

По причине своего жизнеподобия журналистика не укладывается в жесткие схемы, течет, с годами открывает себя в новых качествах, носит в себе несколько сущностных содержаний, в зависимости от угла зрения на нее, каждое из которых, в свой черед, доступно более или менее строгому отражению научным, вполне рациональным сознанием. Именно такая амбивалентная трактовка вопроса ближе всего подводит нас к «итоговой» сущности журналистики.

В сказанном выше не надо искать признаковагномтицизма или призыва заменить «твердое» познание бесструктурным интуированием.

⁴⁹ Дугин А. Указ. соч.

⁵⁰ Шайхитдинова С.К. Указ. соч. С. 14–15.

Сущность, конечно же, схватывается сознанием, она **понимается** — не только теоретическим разумом, но и здравым смыслом, на разных уровнях и с разным успехом. Понимание здесь предлагается как метод постижения смысла явлений, взятых целиком, в отличие от дробящего на фрагменты анализа. Задолго до наших дней о великой познавательной силе понимания жизни писали исследователи и критики литературы. Так, Н.А. Добролюбов считал, что истина «не в диалектических тонкостях, не в верности отдельных умозаключений, а в живой правде того, о чем рассуждаете. Дайте мне понять характер явления, его место в ряду других, его смысл и значение в общем ходе жизни, и поверьте, что этим путем вы приведете меня к правильному суждению о деле гораздо вернее, чем посредством всевозможных силлогизмов...»⁵¹.

Здесь мы сталкиваемся с такими познавательными задачами, которые теория журналистики не может решить собственными силами — она должна воспринимать подходы из общего контекста развития гуманитарной науки. Характерно, например, что, по сути, именно понимание выдвигает на приоритетное место новейшая культурология, предлагая трактовать культуру как целостный универсум, который не поддается объяснению методами частных дисциплин⁵². В современной философии вообще подвергается сомнению прочная, казалось бы, традиция отождествлять научность с системностью теоретических построений. «Приемами системного анализа предполагают решать и задачи единства знания. <...> От него — представление о системном характере предмета знания как его объективном свойстве, в то время как система это привнесенный аспект понимания или объяснения... <...> Тем не менее, помимо системного понимания реальности и ее гносеологического образа, всегда существовал иной подход к этому вопросу. Согласно ему, реальность не системна, а целостна. Системный подход не тождествен взгляду на мир как на целостность. Целое — это то, что не содержит механизмов сочленения своих частей или элементов...»⁵³.

⁵¹ Добролюбов Н.А. Луч света в темном царстве // Избранные статьи : предисл. В.И. Кулешова; примеч. В.А. Путинцева. М., 1977. С. 258.

⁵² Запесоцкий А.С., Марков А.П. Становление культурологической парадигмы / А.С. Запесоцкий, А.П. Марков. СПб., 2007. С. 19.

⁵³ Дудник С.И. Философия в поисках единства научного знания / С.И. Дудник // Философские науки : спец. вып. «Филос. Петербург» : прилож. к журн. «Филос. науки» / отв. ред. Ю.Н. Солонин, Б.И. Липский. М., 2004. С. 124.

Мы не будем далеко уходить в науковедческие споры. Важно, что применение описанной методологии (целостного понимания) распространяется на познание нерасторжимости связей между сторонами и элементами всякого явления, в нашем случае — журналистики. Так, лишь во взаимодействии и взаимовлиянии духовно-творческой, производственной, политической и коммуникационной сторон она существует как целое и наилучшим образом удовлетворяет потребности общества — во все времена и в конкретной социально-исторической точке. В этом утверждении мы найдем союзников среди диалектически мыслящих авторов. Например, немецкий исследователь Г. Пёршке выделяет три аспекта понимания журналистики: ее роль в политико-идеологической надстройке общества, в отражении действительности и в социальной коммуникации. При этом он, солидаризируясь с российским автором М.В. Шкондиным, убежден, что ни один из аспектов, взятый сам по себе, не может объяснить сущность журналистики — все они существуют только во взаимосвязи друг с другом, как стороны единой деятельности⁵⁴.

Блестящий образец понимания прессы как жизнеподобного явления, развертывающегося во времени и социальном пространстве, более ста лет назад дал немецкий исследователь Л. Саламон. Журналистика, по его заключению, является «монологом эпохи о самой себе, поэтому в ней обнаруживаются наиболее сокровенные жизненные нервы времени. Поначалу газета не имела такого значения. Она служила просто распространительницей новых известий... Впоследствии к этой функции присоединилась вторая — обсуждение приведенных происшествий, вопросов текущей политики; при этом развивалась определенная критическая оценка общего положения дел... она сделалась рупором общественного мнения. Но она не остановилась на этом; она овладела образованием эпохи, она стала рассадником просвещения в широких слоях населения, источником духовной жизни масс, почерпающих свои знания почти исключительно из газет»⁵⁵.

Как нетрудно заметить, в предложенной характеристике не говорится о поэтапном замещении одного свойства прессы — другим. Наоборот, они только прибывают по мере развития самой печати и об-

⁵⁴ Основные понятия теории журналистики (новые подходы к проблеме) / под ред. Я.Н. Засурского. М., 1993. С. 56.

⁵⁵ Саламон Л. Всеобщая история прессы / Л. Саламон // История печати : антология. М., 2001. С. 70.

щества, строящего свою прессу. Какая из черт стала, в конце концов, доминирующей? Л. Саламон не задается этим вопросом, ибо и распространение известий, и их осмысление, и ценностные инъекции в сознание аудитории, и добывание знаний, и просвещение в равной степени претендуют на статус основных функций. Потому-то этот статус не достается никому из них.

Обратим внимание и на то, что автор не использует понятие деятельности: ему важнее выявить значение журналистики, которая предстает как среда и форма существования общественной жизни. В современном мире мы искусственно и недальновидно, противно природе журналистики уесли ее понимание и проявления до труда редакционных профессионалов — и жизнь, неформальная и необузданная, нашла себе пристанище в Интернете. Она не умещается в политически однотонных СМИ. А что дело обстоит именно так, показывают мониторинги Центра экстремальной журналистики. Действующая власть, в лице президента, правительства и партии «Единая Россия», получает свыше 90% времени в политических новостях в прайм-тайм на федеральных государственных телеканалах. Причем оценки, почти без исключений, — положительного или нейтрального свойства. Даже частные вещатели отводят преобладающую часть эфира тем же персонажам. Несколько более сбалансированную картину рисуют ведущие газеты, но и они фактически не дают слова оппозиции⁵⁶.

Итоговый вывод из данных мониторингов отражает устойчивую тенденцию: в российских СМИ по преимуществу отсутствуют аналитические материалы критического характера. Вряд ли кто-нибудь из ответственных обозревателей прессы жаждет критики как безудержного и безмотивного поношения — власти или других субъектов и явлений. В отечественной культуре — да и не только в отечественной — глубоко заложено отношение к критике как универсальному способу познания и преобразования действительности. Оно в канонической форме выражено В.Г. Белинским: «Дух анализа и исследования — дух нашего времени. Теперь все подлежит критике <...> Многие под критикою разумеют или осуждение рассматриваемого явления, или отделение в нем хорошего от худого — самое пошлое понятие о критике! <...>

⁵⁶ Российская политическая ситуация в СМИ // Журналистика и медиарынок. 2006. № 7–8. С. 18–19.

Критиковать — значит искать и открывать в частном явлении общие законы разума, по которым и через которые оно могло быть, и определять степень живого, органического отношения частного явления с его идеалом»⁵⁷. У прессы, безусловно, есть особая сущность как способа общественного мышления, как саморефлексии социальной системы, как явления духовно-творческого порядка. Если уж извлекать ее из-под пестрого вороха информационной упаковки, то это будет критика, в истолковании Белинского.

Фактически мы сейчас размышляем о максимально полном (с позиций общественной полезности) раскрытии ресурсов журналистики. Подчеркнем: не о главной или единственной ее ипостаси, каковой в природе не существует, а о предельно высокой и сложной для реализации. По счастью, мы можем опираться на содержательные труды, в которых прослеживается генезис и восхождение мировой прессы — от элементарного к предельному. Обзорев большой массив российской и зарубежной литературы, Б.Я. Мисонжников обнаруживает вызревание двух разнонаправленных концепций журналистики — как социального информирования и как критического взгляда на мир. В первом случае «теряется ряд ее важнейших качественных признаков», тогда как во втором открывается «едва ли не самый главный аспект журналистской деятельности». Именно с «критической» прессой связывается надежда на сдерживание «нового средневековья», о пришествии которого писал А. Швейцер, то есть моральной и интеллектуальной деградации общества⁵⁸.

Что, в социально-философском прочтении, есть критическое мышление как свойство всех участников общения? Конкретное воплощение идеала свободы духа, мысли и слова, относящееся к личности и обществу. Данная взаимосвязь не нами установлена, и не нам, современным специалистам, ее открывать заново и тем более разрушать. Наше дело — вдумчиво воспринимать то, что оставлено в наследство Мильтоном, Радищевым, Марксом, творцами конституционных актов в Швеции, Франции, США (и что заложено в действующей российской Конституции) и т. д. Простое перечисление фактов общественного протеста, вызванных притеснением прессы в нашей стране, привело бы к тому

⁵⁷ Белинский В.Г. Речь о критике : статья первая / В.Г. Белинский // Собр. соч. Т. 5 : статьи, рецензии, заметки; апрель 1842 — ноябрь 1843. М., 1979. С. 63.

⁵⁸ Мисонжников Б.Я. Современная журналистика: императивы институционализации / Б.Я. Мисонжников // Социально-политическое функционирование журналистики.

же выводу. Журналисты и правозащитники восстают против ущемления свободы в СМИ — пусть даже движимые социальным инстинктом, а не преданностью определенной мировоззренческой концепции (пожалуй, укорененность в инстинкте — это наилучшее подтверждение справедливости философских постулатов).

Мы будем действовать в русле мощной научной традиции и в согласии с правдой истории прессы, если в сущность журналистики включим *свободу и критичность мышления*, как ее базовые, структурообразующие характеристики. Ясно, что если в этой композиции и найдется место ценностно-управленческому давлению, то оно будет периферийным и невеликим. Свободный ценностный обмен, выстроенный в конкурентно-сравнительном режиме и дополненный непрерывной критикой критики, — вот какой порядок отвечает сущности журналистики.

Сказанное в первую очередь относится к прессе как духовному феномену. Это не значит, что мы игнорируем другие ее качества. Духовное начало занимает приоритетное положение по отношению к иным проявлениям журналистики, оно их «настраивает». Сбор и распространение информации? В современном мире принято говорить о свободном информационном обмене как об атрибуте гуманистической цивилизации. Экономическая активность в сфере СМИ? Она тоже строится на началах свободы предпринимательства, при разумных ограничениях, чтобы, в идеале, обеспечить независимость редакций, плюрализм и свободу слова. Политическое функционирование прессы? Демократия в своем истинном виде основывается на политических свободах, конкурентности и гражданском самоопределении личности.

Оперируя категорией свободы, мы неизбежно будем иметь дело с множественностью проявлений журналистики. Такие понятия, как полиморфизм, вариабельность при выборе методик и содержания труда, адаптивность (и, соответственно, изменчивость) при столкновении с новыми, нестандартными ситуациями и задачами, точно характеризуют журналистику в ее реальном бытовании. Она еще и процесс, непрерывная динамика, а не только институциональная константа, привлекающая интерес социологов-структуралистов. Поведение прессы и ее служителей, а вместе с ними и аудитории детерминировано текущим временем — более явно, чем в случае с другими, «пространственными» социальными явлениями. Писатель К. Паустовский, работая

в редакции, наблюдал за газетчиками как «особой разновидностью людей». «Ежедневность жизни, внушавшая другим скуку, ежедневная необходимость заводить часы на новые сутки была для них не страшна, наоборот — приятна, — писал он в автобиографической повести «Романтики». — Она возбуждала. Каждый день вставал, как громадный вопросительный знак, и только им одним было дано отыскать гвоздь этого дня, его стержень, стереть вечером до нового утра этот исполинский вопросительный знак».

Подчиняясь императивам практики, наука должна, во-первых, улавливать и фиксировать *множественность и изменчивость* как существенную характеристику прессы, во-вторых, сама использовать подходы, исключающие однозначность трактовок неоднозначных явлений. К примеру, мы констатируем, что пресса несет миру и человеку объективное знание. Но признаем и то, что оно, в целом, слабо систематизировано, фрагментарно, относительно неглубоко и неполно в сравнении с данными науки. Мы также видим, что это знание предъясняется в широком диапазоне форм: фактографических, событийных сообщений, мнений и оценок различных уровней компетентности, близких к научным обобщениям и прогнозам, нравственных сентенций, философических исканий истины и т. п.

В этом ключе, по всей видимости, надо исследовать и другие конкретные вопросы нашей теории. Один из самых больных и дискуссионных среди них — о перечне и классификации функций журналистики. Доказывать необходимость обращения к нему не приходится: функции у действующего института есть, и, стало быть, они подлежат изучению. Косвенным аргументом в подтверждение этой мысли служат книги и статьи, в которых снова и снова затрагивается данная область анализа. Некоторые авторы категорически не приемлют чужие построения, объявляя их едва ли не досужей выдумкой.

Таких «дружелюбных» отзывов удостоилась и предложенная нами субъектная группировка функций журналистики. Идея, вкратце, заключается в том, что реестры функций различаются в зависимости от того, какой социальный субъект обращается к прессе для удовлетворения своих потребностей и интересов. Так, через осознание изменчивости проявлений прессы, удастся уйти от бесперспективных споров о характере ее деятельности (о «главном», «единственно возможном»

и т. п.). При этом мы особо подчеркиваем правомерность и других трактовок вопроса и призываем избегать догматизма в его решении. Как показывает движение научной мысли, авторитетные специалисты также склоняются к этому методу анализа. Послушаем профессора РАГС В.Д. Попова: «Что такое журналистика? Особый социальный институт общества? Вид общественно-политической, информационной, идеологической, организационной деятельности? Система произведений? Совокупность нескольких профессий? Фактор социального управления? Ответ: и первое, и второе, и третье — все это журналистика... А попробуйте выделить одну, главную, ведущую функцию журналистики... Если назовете, наверняка кто-то не согласится»⁵⁹. Наши предложения перекликаются и с тезисами Е.П. Прохорова: «...Следует... “обнаруживать” и формулировать функции в связи со специфическими отношениями СМИ с их “контрагентами”: “СМИ — массовая аудитория”, “СМИ — социальные институты”, “СМИ — власть”, “СМИ — владелец” и т. д.»⁶⁰. Можно, наконец, сослаться и на крупные исследования в жанре докторской диссертации, в которых прямо говорится, что методологическую основу изучения функций журналистики составила наша концепция⁶¹.

Речь идет о том, что с порога отвергаемые некоторыми оппонентами плюралистические трактовки функций на самом деле приживаются в серьезной научной литературе и подтверждают свою дееспособность. Возьмем их конкретный элемент — особые функции прессы для журналистов. Приходится выслушивать недоуменно-иронические замечания относительно того, что личности читателя и сотрудника редакции рассматриваются как разные субъекты отношений с прессой: «Чем автору журналисты — не личности? <...> Можно ли... утверждать, что... журналистика (или даже пресса) по отношению к журналисту выполняет некую творческую функцию?»⁶² Если не устраивает название, то есть предмет для полемики. Но по сути хотелось бы посоветовать критику чаще общаться с реальными репортерами, обозревателями, фотокорреспондентами. Тогда перестанут казаться ненужными абстракциями

⁵⁹ Попов В. У критической черты / В. Попов // Журналистика и медиарынок. 2006. № 6. С. 12.

⁶⁰ Прохоров Е.П. Исследуя журналистику / Е.П. Прохоров. М., 2005. С. 47.

⁶¹ Бергер Н.В. Расследование как метод журналистской деятельности : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н.В. Бергер. СПб., 2006. С. 14.

⁶² Науменко Т.В. Функция журналистики и функции СМИ.

такие мотивы выбора профессии, как «нравится писать (снимать, редактировать)», «хочу помогать людям в решении их проблем», «привлекает возможность высказывать свое мнение». С такими признаниями регулярно встречается опытный преподаватель и исследователь журналистики, их можно услышать и в редакционных коридорах. По данным многолетнего изучения привлекательности профессии для абитуриентов журфаков и сотрудников СМИ, на первых местах стоят общение с людьми, возможность самовыражения и творческой реализации⁶³. Журналисты не только отправляют производственные обязанности (служебная функция), «делают» журналистику, они еще и живут в ней — интеллектуально, чувственно, эмоционально. Нельзя не считаться с этим в науке, если стремиться к отражению действительного мира прессы, а не кабинетных артефактов.

Завершая разговор о сущности журналистики, хочется еще раз сказать, что мы не претендуем на ее определение лаконичной формулой. Более того, считаем, что это вряд ли посильная исследователю и необходимая для выполнения задача. Есть ряд свойств, несомненно и очевидно присущих журналистике. В их числе — ее информационная природа (если рассматривать информацию как носитель содержания), оперативность и актуальность материалов, тематическая универсальность, субъективно-объективный способ отражения действительности, массовость распространения произведений, техническая опосредованность контактов, периодичность выпуска продукции и др. Но это все до некоторой степени формальные ее характеристики. Сущности более глубокого порядка открываются в результате толкования наблюдаемого явления, и они не остаются статичными при изменении угла зрения на прессу, социально-культурных обстоятельств ее жизнедеятельности, объема ресурсов, которыми она располагает, и т. д. Поэтому сущность вскрывается заново, когда устанавливаются иные координаты общественного бытия журналистики и исследовательского процесса. Тем самым как бы предписываются вечная относительность знания о ней и неугасающий интерес к ее постижению.

⁶³ Свитич Л.Г. Профессия: журналист : учеб. пособие / Л.Г. Свитич. М., 2003. С. 106.

Понятие и содержание деонтологии журналистики

Еще одной опорной концептуальной категорией являются **деонтологические основания** журналистики. Доказывать важность изучения деонтологии нет необходимости. Она официально признана даже как обязательный элемент квалификации сотрудника СМИ. В частности, Государственный образовательный стандарт по специальности «Журналистика», в разделе общепрофессиональных дисциплин, включает в себя упоминания о ней в таких формулировках: «Журналистская деонтология» и «Экономическая, правовая, деонтологическая природа коллизий и поиск путей их разрешения».

Вместе с тем роль и место деонтологии в теории журналистики определены недостаточно четко. По меньшей мере, она не получила общепринятого описания как специальный предмет исследования, причем один из наиболее крупных и «влиятельных» по отношению к другим категориям и понятиям. Главная причина заключается в том, что деонтология как самостоятельная область научного знания молода, она только лишь обретает себя, хотя ее исторические корни глубоки и прочны. Сказанное относится ко многим теоретическим дисциплинам, которые включают ее в свой состав в качестве подотрасли, или угла зрения на свой основной объект. Обычно в ряду таких примеров вспоминаются медицина, право, педагогика и другие сферы практической и научной деятельности, которые особенно тесно соприкасаются с потребностями общества и человека. Журналистика, без сомнения, принадлежит к сферам с социально-гуманитарными приоритетами. И на нее в полной мере распространяется ситуация деонтологического разброда.

Эта картина подробно развернута в специальных исследовательских публикациях: деонтологию относят то к этике, то к праву, то к некой промежуточной между ними зоне⁶⁴. По нашим наблюдениям, особенно типичным является тяготение к этике, причем к самой формализованной, инструментальной ее части. Это характерно не только для российских авторов, но и для представителей международных и зарубежных научных кругов. Например, материалы доклада эксперта-консультанта Совета Европы, голландского профессора Стюарта Лоридсена, размещенные на сайте Союза журналистов РФ, озаглавлены «Правила само-

⁶⁴ Прохоров Е.П. Журналистика и демократия / Е.П. Прохоров. М., 2001. С. 214–215.

регулирования в области деонтологии прессы». В докладе дается сравнительный анализ этических кодексов и практики советов по прессе в странах Евросоюза. В соответствии с темой здесь рассматриваются нормы и меры, направленные на оптимизацию деятельности медиаорганизаций и их сотрудников⁶⁵. Примечательно, что некоторые из кодексов так и называются — деонтологические.

В относительно более развитых научных системах (например в медицине) подчеркивается неправомерность такого отождествления. Если же принять слияние с этикой за правило, то отпадет необходимость выделять деонтологию в особый предмет изучения. В ответ возникает идея рассматривать ее как «экстерриториальное» образование, вбирающее в себя все и всякие регулятивы. Предлагаются такие, в частности, определения: «свод правовых и этических норм ответственного поведения работников СМИ»⁶⁶, «совокупность “обслуживающих” журналистский долг обязанностей и норм их выполнения вне зависимости от их осознания, как некоей системы категорических императивов журналистского поведения, заданных природой СМИ, действующих в той или иной ситуации»⁶⁷ и т. п.

На наш взгляд, движение по пути суммирования дает экстенсивные эффекты, но оно не ведет к пониманию качественного своеобразия деонтологии, не открывает возможность рассматривать ее в контексте сущностных основ журналистики. Перечень обязанностей прессы безграничен, их инвентаризация отнимет много времени и усилий и, по всей видимости, с теоретико-методической точки зрения останется не более чем описанием. Кроме того, в приведенных определениях внимание сосредоточено на нормативной стороне дела, и в этом отношении они сходны с позицией европейского эксперта, которую мы представили выше. Такая деонтология вряд ли имеет шансы стать вровень с фундаментальными категориями журналистики — она неизбежно будет проявляться как набор правил и запретов, имеющих более или менее широкую область применения и более или менее обязательных. Если это и деонтология, то как бы спущенная на нижнюю, утилитарно-прагматическую ступень. Наконец, если исходить из того, что императивы

⁶⁵ http://www.ruj.ru/soviet_eu_3.htm.

⁶⁶ Лозовский Б.Н. Журналистика и средства массовой информации : краткий словарь / Б.Н. Лозовский. Изд. 2-е, испр. и доп. Екатеринбург, 2007. С. 56.

⁶⁷ Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. С. 232.

задаются природой СМИ (пожалуй, в этом случае корректнее было бы сослаться на природу журналистики), то отпадает проблема выбора, который по своей воле делают журналист, редакция и профессиональное сообщество.

Несомненно, разработки авторитетных ученых содержат изрядную долю истины и пользы для развития науки. Да и сам предмет исследования настолько капризен, что не позволяет целиком уместить себя в ту или иную систему анализа. В то же время деонтологии не пристало оставаться на вторых ролях в теории журналистики. Она способна дать исследователям ключ к ответам на коренные вопросы, которые либо с трудом поддаются решению в других координатах, либо совсем не имеют решения.

В деонтологической перспективе открываются подходы к идеалу в журналистике — сознательно построенной модели практики, которая гармонизирует общественные ожидания, природные свойства прессы, субъективные устремления ее руководителей и сотрудников, а также результаты ее исследования в науке. Правда, для этого придется учесть лексические и смысловые различия между опорными понятиями, которые волею того или иного автора будут поставлены в центр внимания. Трактовка деонтологии как свода нормативов оперирует понятием долга. В нашей версии ключевым становится понятие **должного**. Разница, по беглому впечатлению, может показаться незначительной, но нам она представляется принципиальной. Если в первом случае упор делается на обязанности прессы (сколь угодно расширительно понятые), то во втором — на необходимое, верное по сути, а не по регламенту, то, без чего жизнь утратит положенный ей порядок и вектор развития. Если так, то деонтология становится областью выстраивания идеала на основе познанных законов. Сознание играет активную роль, оно пребывает в непрерывном поиске наилучшего выбора из всего объема знания, оно соотносит друг с другом законы и направляет тенденции, действуя с учетом их содержания, но не под их диктатом. На активность сознательного начала по отношению к объективному, а также на практическую идеала указывал И. Кант, когда описывал моральный мир — тот, что согласуется со всеми нравственными законами. Моральный мир «мыслится только как умопостигаемый. Следовательно, в этом смысле он есть только идея, однако практическая идея, которая действительно

может и должна иметь влияние на чувственный мир, чтобы сделать его по возможности адекватным... идее»⁶⁸.

Должное — в журналистике, как и в социально-моральном выборе вообще, — это необходимость, познанная и воспринятая людьми, включенная ими в свои личные мировоззренческие установки и в собственную стратегию поведения. Такая постановка вопроса побуждает ввести в анализ соответствующий «измеритель» и «выразитель» должного, который позволял бы размышлять на уровне мировоззренческих устоев журналистики в целом и профессиональной журналистики в частности. Полнее всего данной задаче отвечает категория принципа. Принцип в словарно-лексическом плане понимается и как основное положение определенной теории, и как убеждение, взгляды, и как особенность устройства какой-либо системы. Каждое из этих значений найдет свое место в описании деонтологии, воплощающей в себе представления о должном. В самом деле, деонтология — это концептуальная реконструкция журналистики, выстроенная на тех или иных теоретических основаниях. Это и неотъемлемая черта профессионального сознания и поведения в журналистике. Это и «механизм» жизнедеятельности прессы, восходящий в конечном счете к ее объективным законам. Исследователи журналистской этики, состоящей, как говорилось, в прямом родстве с деонтологией, формулируют принципы в своих работах, хотя их перечень различается в отечественных и зарубежных источниках⁶⁹. Слово «принцип» включено в этические кодексы прессы в Австрии, Бельгии, Германии, а в Греции кодекс и вовсе называется «Принципы деонтологии»⁷⁰.

Безусловно, надо активно использовать богатый теоретический опыт такого рода. С единственным, правда, условием-уточнением: предстоит провести разграничительную линию между этикой и деонтологией, и тогда некоторые из предлагаемых специалистами положений в «готовом виде» перейдут в разряд деонтологических принципов. Возможно, после этой операции сохранится самостоятельная категория принципов этики, но есть и другой путь: деонтология станет областью принципов, на которых строится «здание» этических норм и правил.

⁶⁸ Кант И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. О. Лосского. М., 1999. С. 596.

⁶⁹ Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста : учеб. пособие / Г.В. Лазутина. М., 1999; Ламбет Эдмонд Б. и др. Указ. соч.

⁷⁰ См.: Профессиональная этика журналистов. Т. 1: Документы и справочные материалы / сост. Ю.В. Казаков. М., 1999.

Второй исход нам представляется более обоснованным и более вероятным. По меньшей мере, включение принципов в разработки по этике не может быть механическим делом, оно требует фундаментального методологического обоснования. Пока что так происходит не в каждом случае. Например, в учебно-методической публикации, посвященной профессиональной этике журналиста в США, как самостоятельные темы рассматриваются следующие принципы: свобода слова, правдивость, справедливость и гуманность⁷¹. Естественно, что сами по себе они не могут вызывать возражений, они благородны по своему происхождению и значению, тем более что этот список совпадает с комплексом принципов, который предлагает американский специалист Эдмонд Б. Ламбет — автор изданной у нас в переводе монографии. Однако апелляция к известному ученому еще не является достаточным методологическим базисом для решения крупной теоретической проблемы. Должно существовать нечто более общее, лежащее под конкретными формулировками, из чего прорастают принципы — такие, а не иные.

Ответы на столь трудные и важные вопросы подсказывают научные труды, посвященные моральному измерению профессиональной деятельности. На протяжении ряда лет особенно активно в этом направлении действует тюменский НИИ (ранее — Центр) прикладной этики. Широко, масштабно задуманный цикл исследований стал заметным явлением в профессиологии. Специальное внимание ученых привлекли такие сферы практики, в которых особенно сильно звучит мотив социальной и гуманитарной ответственности работника: образование, менеджмент, наука и др. В этом ряду находится и журналистика, на морально-этическое изучение которой был нацелен отдельный проект. Экспертиза с участием большого круга специалистов показала, что «журналисты, независимо от расхождения в позициях, полагают и возможным, и необходимым рассматривать выбор профессии в категориях морального выбора, а такую составляющую своей профессии, как ее мировоззренческие основания (“служение в профессии” или “жизнь за счет профессии”) — как проблему морального выбора»⁷².

⁷¹ Кумылганова И.А. Профессиональная этика журналиста в США : учебно-методические матер. к спецкурсу в МГУ им. М.В. Ломоносова / И.А. Кумылганова // Институт проблем информационного права. Сер. «Журналистика и право». Вып. 55: <http://www.medialaw.ru/publications/books/self2/10.html>.

⁷² Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. Тюмень, 2002. С. 208.

Сами организаторы проекта солидаризируются с данным выводом, более того — он полностью укладывается в их концепцию морально-этического измерения профессий, восходящую к идеям М. Вебера и других выдающихся социологов и философов этики. Для нашего исследования такое обобщение крайне значимо. Оно дает возможность при осмыслении деонтологии журналистики выйти за пределы самой журналистики и увидеть ее в свете истин и ценностей отнюдь не ведомственного, не цехового порядка, в общем ряду так называемых высоких профессий. Тех, в которых акцентируется идея служения, преодолевающая установки прагматичной функциональности и технологичности.

По этой причине нам интересен ход рассуждений тюменских авторов о высоких профессиях в целом, а не только собственно о журналистике. Воспроизведем его в форме логического пункта. Целостная конструкция этики состоит из нескольких этажей, по мере понижения «высоты»: фундаментальная, прикладная, профессиональная. Последняя разделяется на праксиологическую и смыслоценностную ветви. Не требует доказательства мысль о том, что предмет наших исканий — должное — может помещаться только во второй зоне, ибо сам он есть концентрат смысла, необходимости журналистики, «оправдание» ее существования в мире. На праксиологическом же направлении будут возникать представления и нормы, имеющие отношение к методике и технике труда, то есть к ее эмпирическим проявлениям. По нашему мнению, здесь почти стираются различия между оппозиционными друг другу понятиями «профессия», с одной стороны, и «род занятий», «трудовая деятельность», «источник средств к существованию» и т. п., с другой стороны. Цитируемые авторы настаивают на том, что понятие профессии непременно включает в себя ее моральное измерение, предполагает наличие таких признаков, как идея призвания и служения, альтруистическая мотивация, саморегуляция, в расширительном значении слова. Более того, «если практически все виды человеческой деятельности регулируются определенными нравственными... нормативами, то профессии характеризуются еще и миссией»⁷³.

⁷³ Бахштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок / В.И. Бахштановский, Ю.В. Согомонов. Тюмень, 2005. С. 14, 52–53.

Миссия и деонтологические принципы журналистики

Ключевое слово найдено. Миссия, предназначение — вот центральная категория деонтологии, результат сознательного выбора из многих вариантов. **Миссия как сформулированное должное.** Если она не выявлена в теории, а затем и в практике прессы, то деонтология будет развиваться как механическое сцепление всевозможных правил и ограничений. Если же она ясно обозначена и получила признание в сообществе, то можно говорить о консенсусе в отношении к должному. Тогда появляется мировоззренческая платформа для разработки принципов, их проведения в жизнь, контроля их соблюдения и т. д. Словом, деонтология становится целостным образованием, которое всем своим содержанием обращено к ежедневной практике прессы и ее отношениям с обществом и человеком.

Надо подчеркнуть, что в устремленности к практике заключено качественное своеобразие деонтологии как составной части теории журналистики. Она несет в себе не только отражение необходимого, с научно-методологической точки зрения, но и образ реального, достижимого, производственно-конкретного поведения. Можно считать, что стройно разработанная деонтология моделирует производственную практику редакций и всей системы прессы.

При таком повороте дела легче отводить упреки в том, что рассуждения о журналистике как о высокой профессии и о ее миссии слишком далеки от текущей редакционной деятельности. Действительно, на конкретном рабочем месте пафосные декларации неуместны, да и вряд ли все рядовые сотрудники СМИ способны отчетливо формулировать свои профессионально-мировоззренческие взгляды. Однако то или иное согласованное представление о предназначении и целевых установках редакционного труда, несомненно, складывается. Оно будет улавливаться в атмосфере, царящей в коллективе сотрудников, ценностных суждениях по поводу выполненной работы, выборе авторитетов и лидеров и пр. Более того, в биографии журналиста случаются такие моменты истины, когда приходится вербально выразить свое понимание смысла профессиональной жизни и описать объект своего служения.

В отсутствие зрелой деонтологической базы возникают неудобные ситуации, вплоть до курьезов. Так, один из факультетов журналистики российских университетов сделал своим лозунгом слова «Журфак

— территория успеха». Между тем успех явно противостоит миссии, а следовательно — профессиональной зрелости. Как пишут исследователи, «сама практика реализации идеи успеха... дает достаточно оснований для вывода о том, что в современном обществе культ успеха нередко приводит к вытеснению моральных ориентиров и потому вызывает ощущение его нравственной ущербности»⁷⁴. Сказанное, конечно, не означает отрицания ценности карьеры, достижений, заслуженного вознаграждения — речь идет именно о культе меркантилизма. Специалист из США по-своему описывает конфликт миссии и профессионального эгоизма с его ставкой на успех. Обобщая выводы других американских ученых о типичных недостатках прессы, он заключает: «Вместо того чтобы в первую очередь руководствоваться идеалами общественного служения, средства массовой информации устанавливают такие рабочие цели и создают такие процедуры, которые прежде всего обслуживают материально-технические и экономические потребности организации, производящей новости»⁷⁵. Как бы подхватывая этот тезис, российские авторы отмечают преобладание в западной профессиональной среде культа преуспевания «с одной-единственной целью — чтобы победителю доставалось все, а его успех ставился превыше всего. Аналогичный нравственный климат, — продолжают они, — в последние пятнадцать лет стал культивироваться и в российской прессе. И отечественные журналисты отныне нередко поступают негативным образом — сначала добиваются поставленной цели, а затем только вспоминают о том, какими средствами они ее достигли»⁷⁶.

Между тем совсем не экзотично звучат заявления тех практиков прессы, которые соотносят свою деятельность с миссией и служением. Это не просто возможно, это нормально для человека, обладающего достаточной культурой профессионального мышления. На семинаре, посвященном становлению общественного телевидения в России, исполнительный директор общественного телевидения из Арканзаса (США) Сюзан Ховарт так описала квалификацию своих сотрудников: «Обычно это люди с идеалами, желающие изменить ситуацию, люди, которые работают не на денежный результат, но, скорее, на свою мис-

⁷⁴ Там же. С. 137.

⁷⁵ Ламбет Эдмонд Б. Указ. соч. С. 22.

⁷⁶ Киричек П.Н., Федотова О.В. Этика журналиста : учебник / П.Н. Киричек, О.В. Федотова. Саранск, 2004. С. 16–17.

сию. Больших денег на общественном телевидении в США, конечно, не заработаешь, и у нас есть проблемы с привлечением талантов, но если иметь в виду удовлетворение, получаемое от того, что ты делаешь высококачественные программы... — такой выбор отличается от выбора, который обычно делают коммерческие вещатели»⁷⁷. Главный редактор российского профессионального журнала добавляет к анализу миссии еще один аспект — прагматический. «Тоска по Дон Кихоту» — так он называет свою статью, в которой пишет: «Возродить в цеху этос общественного служения необходимо и для нашего собственного выживания. Если мы не будем помогать гражданам, нам перестанут верить, а сама журналистика погибнет как профессия»⁷⁸.

Данные суждения ни в коей мере не идут в разрез с деонтологическими кодексами, принятыми журналистскими сообществами в мире и в отдельных странах. Еще важнее, что они совпадают с нравственными императивами, которые управляют поведением личности, независимо от ее профессиональной принадлежности. Как писал И. Кант, естественные способности человека, соотнесенные с нравственным законом, «превосходят всякую пользу и выгоду, какую он мог бы извлечь из них в этой жизни, до такой степени, что... человек чувствует себя внутренне призванным к тому, чтобы, пренебрегая всеми... выгодами, /сделать себя... посредством своего поведения в этом мире гражданином лучшего мира, который он носит в идее»⁷⁹.

Казалось бы, задача в основе своей решена. Осталось лишь назвать миссию точными словами и затем строить выводные заключения. Однако дело упирается в субъективность выбора, который делается в пространстве деонтологии. Миссия не рождается вместе с прессой, она всегда вариантна — как по отношению к журналистике в целом, так и в случае индивидуального поведения. Значит, здесь всегда есть почва для разногласий и конкуренции взглядов, причем не только в теории, но и в процессе реализации избранных установок. Надо признать, что успех при воплощении в жизнь программной идеи становится сильным аргументом в ее защиту, даже если этот выбор несостоятелен с научной точки

⁷⁷ Общественное телерадиовещание для России: возможности и перспективы : стенограф. отчет / Гражданский контроль. СПб., 2000. С. 110.

⁷⁸ Авраамов Д. Тоска по Дон Кихоту / Д. Авраамов // Журналистика и медиарынок. 2007. № 9. С. 1.

⁷⁹ Кант И. Указ. соч. С. 350.

зрения, неперспективен, пригоден лишь для локальной конъюнктурной ситуации. Какие бы вечные истины ни открывали теоретики, на близкой дистанции современнику виден тактический триумф, а не грядущее стратегическое поражение. Поэтому следование «правильной» миссии нередко оборачивается личными потерями для ее приверженцев. Поэтому же одновременно существует сразу несколько трактовок предназначения журналистики, более или менее внятно артикулированных.

К сожалению, в специализированной теоретико-журналистской литературе мы почти не найдем материала о конкуренции миссий, во всяком случае — под собственным названием этой темы. Подспудно она присутствует в анализе социальной ответственности прессы, роли СМИ в демократическом процессе, моральных кондиций ее сотрудников и т. п. Получила известность классификация моделей российской журналистики, сменявших друг друга в течение первого десятилетия реформ: бывшая сначала инструментом в распоряжении централизованной власти, она позже сама превратилась в «четвертую власть», а затем снова стала инструментом завоевания власти во время избирательных кампаний⁸⁰. Но это, скорее, диагностика происходящих метаморфоз, чем системное описание всех возможных и реальных моделей. Комплексное описание различных версий миссии требует целенаправленных исследовательских усилий. Оно встречается опять-таки в работах по профессиональной морали. Их авторы предлагают такую типологию:

- пресса как «четвертая власть» — метафорическое наименование, а часто самонаименование журналистов. Эта версия вызывает сомнение в связи тем, что в ней преувеличиваются возможности СМИ и затеняется их зависимость от иных, реально влиятельных сил;

- социально-ангажированная модель, обеспечивающая выражение интересов разных лиц и социальных групп, движение граждански значимой информации и самопознание общества. В рамках данной модели создается объективная основа для осознания журналистами своей социальной ответственности и морального долга;

- информационная модель, рассчитанная на способность получателей сведений самим разбираться в беспристрастной фактографии. Ее уязвимым местом являются идеализация нейтрального выбора инфор-

⁸⁰ Засурский Я.Н. Журналистика переходного периода : современные концепции и практика / Я.Н. Засурский //Актуальные проблемы журналистики / ред.-сост. М.В. Шкондин. М., 1997. С. 3–7.

мации и воздержание от оценок в случаях, когда их отсутствие равносильно соучастию во зле;

— модель медиатора, согласно которой в прессе поддерживается общественный диалог всех наличных в обществе сил с целью достижения социального согласия. Но посредничество прессы нуждается в опоре на регулятивные документы, которые в свою очередь подлежат моральной апробации.

По оценке авторов, наиболее перспективной и этически обоснованной является социально-ангажированная модель⁸¹.

Нет необходимости принимать за абсолют предложенную классификацию, равно как и отвергать ее в целом или по частям. На наш взгляд, она содержит небесспорные формулировки. Но важнее таких споров возможность осознанного выбора из представленного реестра вариантов. Только надо помнить, что мы условились считать любую из миссий идеалом, а не конкретной формой его воплощения. Это означает, что в действительности не удастся вычленить ту или другую модель в чистом виде и придется иметь дело со всякого рода композициями и шумами. Образно говоря, практика поставляет исследователю «руду», из которой приходится с помощью анализа добывать определенный «металл». Но такое обогащение породы как раз и составляет постоянную задачу науки, указывающей пути избавления от побочных включений, а также сортирующей «металлы» по степени их ценности.

Ценность миссии определяется по двум главным критериям — ее соответствию объективной природе прессы и пригодности, полезности в данном социуме. Значит, надо ясно увидеть ту социальную ситуацию, в которой делается деонтологический выбор. Для этой области мысли особенно существенное значение имеет конкретно-историческая определенность принципов, норм и стандартов. Миссия прессы будет существенно корректироваться в зависимости от того, рассматриваем мы ее применительно к феодально-монархическому строю или к социалистическому, к стабильной западной демократии, проникнутой ценностями протестантизма, или к современному российскому миру. В данном случае лучше воздержаться от универсальных рекомендаций и оборотиться к единично-конкретному — к нашей стране на теперешнем этапе ее истории. Тогда станет понятно, что экономическая, политическая, соци-

⁸¹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. С. 216—219.

окультурная многоукладность и «промежуточное» состояние общества, по сравнению с классическими его типами, мешают формулированию ясного социального заказа на миссию журналистики. В этом смысле нам, по всей видимости, еще довольно долго придется жить без надежных опор для согласия в дискуссиях о предназначении прессы.

Тем не менее, мы попробуем выполнить экспертизу перечисленных выше вариантов миссии. О «четвертой власти» разговор уже шел, и остается лишь напомнить, что сужение бытия прессы до социально-политической сферы равнозначно отказу от идей жизнеподобия и многообразия журналистики. Информационная модель также противоречит этим идеям, волей-неволей навязывая жесткие технологические стандарты публикаций. Кроме того, она фактически исключает самостоятельную ценность мнения и эмоций. И уж совсем не вяжется она с приоритетом свободы, в ее возвышенной трактовке — как неограниченного проявления духовной энергии человека, предлагая взамен официально-правовую независимость СМИ. Социально-ангажированная модель и медиаторская нам представляются близкими по сути, поскольку в них обеих выражена обращенность прессы к миру жизни, во всей его полноте и многоцветности. Разве что первая в большей степени «очеловечена», а вторая — социализирована. Их без ущерба для плюрализма можно слить в одной трактовке миссии. К тому же название «социально-ангажированная» кажется откровенно неудачным, прежде всего по причине размытости понятия «ангажировать». Служение делу, которое несет благо обществу и человеку, согласно прочной научной традиции, обозначается как социально-гуманистическое, при великом множестве смысловых оттенков этого наименования.

Социально-гуманистическое предназначение прессы становится почвой, на которой формируются деонтологические принципы. Мы не склонны отрицать те комплексы принципов, которые предлагаются в многочисленных источниках по этой теме, включая международные и национальные этические кодексы. Наоборот, взаимодополнение способствует тонкой нюансировке сложных мировоззренческих вопросов. В то же время надо согласиться на минимуме центральных, наиболее емких идей-заповедей. Они как бы разворачивают социально-гуманистическую миссию и придают ей объемность в моральном пространстве общества и профессии.

Обобщая, выделим следующие принципы журналистики. Во-первых, социальность. Сегодня есть научно-теоретический материал для

того, чтобы использовать это понятие в качестве общепонятного термина. В посвященном ему специальном исследовании социальность журналистики относится «к происхождению и функционированию прессы, ее организации, преобразующему воздействию, строю сознания и культуры журналистов, отражению в прессе подлинной социальной реальности и всего круга участников социальной практики... Социальность означает теоретико-методологическую обеспеченность журналистских текстов»⁸². Понятие это содержательно обширное, социальность модифицируется и конкретизируется в зависимости от обстоятельств существования прессы и ее осмысления. В частности, она может возводиться в степень народности и патриотизма.

Во-вторых, гуманизм, как другая составляющая социально-гуманистической миссии. Для его «расшифровки» мы воспользуемся цитатой из источника, в котором рассматриваются перспективы российской прессы и даже более того — предпринимается попытка ее моделирования. Когда гуманизм выдвигают на первый план в такой проекции, он получает статус основополагающей идеи, или принципа журналистской деятельности. Итак, «постепенно все большее количество журналистов будут понимать, что исходный пункт, альфа и омега бытия — не система, не организация, а живой, реальный человек. Все остальное: классы, коллективы, организации, группы — есть модусы его существования. <...> Постепенно придет понимание того, что к читателю, зрителю, слушателю надо относиться не как к реципиенту или как к объекту управления, манипуляции, воспитания и т. п., а как к живому, сомневающемуся, ищущему эффективных способов организации своей жизни конкретному человеку. При таком подходе возникает возможность подлинного диалога, направленного на совместный поиск ответа на вопрос: “Как жить?”»⁸³. На наш взгляд, здесь сказано многое из того, что характеризует гуманизм как принцип журналистики.

В-третьих, правдивость. Слово это существует во множестве значений, каждое из которых требует специальных объяснений. Заглянем,

⁸² *Малугина В.Ю.* Партнерство прессы с социально-политическими институтами как проявление социальности прессы : автореф. дис. ...канд. политич. наук / В.Ю. Малугина. СПб., 2006. С. 13.

⁸³ *Дзялошинский И.М.* Российская журналистика в поисках модели развития / И.М. Дзялошинский // Роль прессы в формировании в России гражданского общества / отв. за вып. М. Дзялошинская. М., 1999. С. 122.

например, в Словарь В.И. Даля: истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость; честность, неподкупность, добро-совестность; праведность, безгрешность и др. Не случайно, думается, здесь не упоминается точность — самое простое и формальное требование к журналисту. Правда лежит гораздо глубже поверхностных информационных данных, она в сути явлений и процессов. Нет в этом ряду места и для объективности, которая служит недостижимым идеалом для познающего и отражающего действительность корреспондента. Пожалуй, объективность теснее всего смыкается с истиной, в том числе в ее научном измерении. Тогда она выходит из круга моральных и, следовательно, деонтологических категорий. Это различие тонко подмечено в литературе, посвященной отношениям журналистики с действительностью. «Правда как категория нравственная важнее отвлеченной истины как категории знания. Истина, не связанная с добром, справедливостью, не расценивается как правда». И далее: «Между тем Правда — истина в ее публицистическом выражении — не есть сгусток информации о мире, она — раскрытие представления о нем»⁸⁴.

Правдивость в субъективном смысле — это внутреннее стремление к верному пониманию мира жизни и неспособность поступаться добытым знанием ради каких-либо выгод. В данном значении она ближе всего к таким нравственным качествам как честность и совестливость. Современные исследователи уделяют им все более пристальное внимание, потому что, надо полагать, замечают отступление от деонтологического принципа журналистики. Иногда вопрос ставится крупно и остро, по-граждански темпераментно: «Совесть рождает истину. И правду. <...> Думается, что у нас сегодня дефицит на совестливую журналистику, да и на информационно-коммуникативную деятельность некоторых государственных служащих. Причиной тому не только ангажированность СМИ, журналистов, коррупция чиновников, но и отступление от совести как глубинной истинности»⁸⁵.

Еще раз подчеркнем, что формулирование и перечень принципов могут заметно различаться в разных научных источниках, тем более что они всегда связаны с ситуацией морального выбора. Но несомненно, что без обращения к деонтологическим принципам наука о журналистике

⁸⁴ Мансурова В.Д. Указ. соч. С. 146, 147.

⁸⁵ Попов В.Д. Тайны информационной политики: социальный психоанализ информационных процессов / В.Д. Попов. М., 2003. С. 88.

предстанет в обедненном виде, и прежде всего это относится к морально-мировоззренческим сторонам теории. По этой же причине невозможно представить себе полноценную журналистскую практику, если ее не сопровождает трудная работа выбора принципов и честного следования им.

Вопросы для семинарских занятий

1. Какое содержание вкладывается в понятие «сущность журналистики»?
2. Какие возможны подходы к пониманию сущности журналистики?
3. На каких нормах строится дискуссия в науке и, в частности, в науке о журналистике?
4. Что является предметом изучения в деонтологии журналистики?
5. Долг, должное и миссия в журналистике: что означают эти понятия?
6. Какие деонтологические принципы выработаны в мировой и отечественной журналистике?

Задания для самостоятельной работы

1. Изучите понимание деонтологии в различных «высоких» профессиях.
2. Постройте схему взаимосвязей деонтологических принципов и этических норм журналистики.

6. ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТИКИ:

ЗЛОБА ДНЯ ИЛИ АРХАИКА?

- Российский журналист как профессиональный интеллигент
- Личность журналиста в общественном измерении
- Престиж и достоинство журналиста

Предшествующий анализ побуждает нас специально сосредоточиться на **личности журналиста**. Причем характер затронутых тем не дает возможности ограничиваться прикладными, инструментальными навыками или индивидуальными психическими особенностями работника СМИ. В духовно-культурном поле журналист предстает как активный участник интеллектуального и ценностного обмена, а не просто как функциональная производственная единица.

Российский журналист как профессиональный интеллигент

Направление наших размышлений на эту тему подсказано публикацией ивановского исследователя С.Л. Страшнова, которая носит название «Журналист как интеллигент, просветитель, посредник».

В этой работе автор показывает себя продолжателем традиций социально-культурологического изучения прессы, глубоко укорененных в отечественной научной школе, и не опасается упрека в оторванности от производственно-технологической или рыночно-конъюнктурной злобы дня. Сам предмет обязывает к выбору такого исследовательского ракурса. Неоспоримо верным представляется исходный тезис автора о том, что «вся история отечественной журналистики, по крайней мере, с 30–40-х годов XIX века и до 90-х годов XX, ощутимо совпадает (за малым вычетом) с историей русской интеллигенции и наоборот. Однако анализ их взаимоотношений не может и не должен вестись исключительно в ретроспекции»⁸⁶.

Попытаемся, восприняв этот импульс, продолжить начатый разговор и, по возможности, расширить набор противоречий, которые он способен приоткрыть. Вслед за своими авторитетными предшественниками С.Л. Страшнов понимает интеллигента как человека, пекущегося об общественном (не собственном) благе, во имя которого он занимается созданием и распространением духовных ценностей. Подлинный интеллигент преодолевает неблагоприятные социально-политические обстоятельства, выполняя свою миссию. Благополучное общество — в частности, так называемое правовое государство — не испытывает потребности в людях данного склада. Таков и журналист. Как тип интеллигента-общественника он встречается в дискомфортной среде, наличие которой служит обязательным условием для его формирования и деятельности.

Есть, однако, и другой взгляд на соотношение свободы и нравственного поведения. Обозревая высказывания отечественных писателей о прессе, саратовский литературовед В.В. Прозоров приходит к выводу о том, что «русская словесность высокой пробы не устает предупреждать: Самодовольно-наглая и беспринципная журналистика опасна для нравственного здоровья человека... Важно понять... (может быть, самое главное!), что скептическое отношение к журналистской братии в России обусловлено еще одним — драматическим фактором — отсутствием в стране настоящей свободы слова, свободы прессы.

В сущности, российские журналисты на протяжении почти всей трехсотлетней своей истории не были по-настоящему свободны. <...> Как

⁸⁶ *Страшнов С.Л.* Журналист как интеллигент, просветитель, посредник / С.Л. Страшнов // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер. Филология. 2004. Вып. 1. С. 4.

следствие, дефицит совести, ничем не ограниченный конформизм, целое искусство самосохранения-приспособления к проклятой норме...»⁸⁷.

Выходит, чтобы изжить тип журналиста-Тряпичкина и «заменить» его **интеллигентом-общественником**, требуется создать благоприятные социально-политические условия.

Не только логика теоретических изысканий, но и факты истории, и каждодневная реальность подтверждают обоснованность каждой из описанных нами позиций. Хотелось бы также подчеркнуть, что обе они перекликаются с теми деонтологическими принципами, о которых шла речь в предыдущих разделах книги (вспомним рассуждения о миссии, свободе печати, зависимости от социальной среды, совести и др.). Тем не менее, противоречие налицо, и нельзя обходить его молчанием. Так выдвигается первая научная проблема, которую предстоит решать при оценке потенциала интеллигентности, заключенного в профессиональной культуре современного журналиста.

Оба цитируемых автора, как и многие другие наблюдатели, более или менее явно признают, что интеллигентность не принадлежит к числу распространенных достоинств современной отечественной прессы. Журналистика переродилась в явление «массовой» культуры. Гражданственность и благородство помыслов, в сочетании с незаурядной образованностью, остались в прошлом, в «высокой» журналистике. Или ожидают нас в будущем. Если до максимума спрямить ход рассуждений, то мы окажемся перед альтернативным выбором: для воспроизводства журналиста-общественника надо либо вернуться во времена тоталитаризма, либо ускоренным темпом двигаться по пути демократизации и либерализации политического режима. Но так ли уж прямолинейно соотносятся друг с другом социально-политические условия и духовное богатство прессы? Напомним, что журналистика относительно автономна от общества, особенно политического, — она подчиняется собственным законам, наряду с макросоциальными.

Те, кто по возрасту и складу ума способен объективно судить о реалиях советской печати, вероятно, согласятся с утверждением о ее внутреннем многообразии и неприменимости к ней одноцветных характеристик — то ли как приводного ремня от партии к народу и не более того, то ли как средоточия благородных идеалов. Не находясь,

⁸⁷ *Прозоров В.В.* Власть и свобода журналистики / В.В. Прозоров. М., 2005. С. 257–258.

естественно, в оппозиции к режиму власти, будучи целиком подконтрольной ему, нередко выполняя нелепые или даже безнравственные его поручения, журналистика в то же время отнюдь не жила ежедневным стремлением угодить «верхам» в ущерб интересам населения. Наоборот, справедливости ради надо признать, что типичным было как раз намерение совершать такие профессиональные поступки, которые помогали бы людям в их производственной и личной жизни, а в совокупности способствовали процветанию и благополучию страны. Чтобы убедиться именно в такой настроенности журналистов, достаточно обратиться к материалам многочисленных опросов редакционных сотрудников, проводившихся в разные советские десятилетия — от 50-х до 90-х гг. Их сопоставительный анализ показывает, что с точки зрения привлекательности профессии высокие места занимают ее общественная значимость, служение Родине и истине, а также возможность помогать людям, добиваться справедливости. Причем в 90-е годы индекс этих мотивов ощутимо снижается, тогда как растут в цене индивидуально-личные интересы (общение с интересными людьми, творческое отношение к жизни, свобода выражения мысли и др.)⁸⁸. Прямая речь видных публицистов недавнего прошлого как бы персонализирует идею гражданственности. Так, известнейший очеркист советского времени Г. Радов в своих записках «О нашем ремесле» заявлял: «...В этом прежде всего — в конструктивности — и выражается социалистический реализм нашей публицистики, ее, как бы сказать, позитивное начало. А идет оно от высокой идейности писателя, его любви к жизни, к людям»⁸⁹. Во всяком случае, беглый взгляд в недавнее прошлое позволяет нам увидеть, что политический тоталитаризм не порождает автоматически высокую гражданственность, как и не уничтожает ее в корне.

С другой стороны, современное политико-правовое положение российской прессы отличается таким уровнем свободы слова, каким она никогда не располагала в исторической ретроспективе. Правда, въедливый оппонент тут же напомним про экономическое закабаление редакций и административное давление на них. В ответ мы опять-таки сошлемся на общеизвестные факты истории печати, хотя бы отечественной. Вряд ли в этом измерении период конца XIX — начала XX вв.

⁸⁸ Свитич Л.Г., Ширяева А.А. Журналистское образование: взгляд социолога / Л.Г. Свитич, А.А. Ширяева. М., 1997. С. 78.

⁸⁹ Радов Г.И. Из дневника публициста / Г.И. Радов. М., 1975. С. 124.

был более благоприятным, чем нынешний. Еще показательнее ситуация, возникшая сегодня в государствах Западной Европы, которые у нас обычно считаются эталонами политического либерализма. Сошлемся на новейшие исследования германской прессы, которые выявляют, что «экономическое мышление в журналистике ФРГ постепенно становится доминирующим, оттесняя традиционные представления о приоритете общественных ориентиров журналистской деятельности... Поощряемое приверженцами маркетинговых подходов к прессе превращение журналиста-газетчика в “хомо экономикус”; “бульваризация” качественных газет под давлением рыночных факторов нередко рассматриваются представителями медиакритики как радикальный разрыв с традициями журналистики, выполняющей свое социальное предназначение и ответственной перед обществом»⁹⁰. Из приведенного примера видно, что журналист-общественник уходит с центральных позиций не только в организации массово-информационного производства, но и в концептуальных воззрениях на прессу. А это уже фундаментальный, цивилизационный фактор ее эволюции.

Напрашивается необходимость радикально изменить путь к разгадке происхождения феномена интеллигентности в журналистике. Стойкая привычка искать в политике истоки тех или иных духовных явлений подсказывает ложные ориентиры. По меньшей мере, главные истины на этом пути уже обнаружены; дальше для теории печати следует набор банальностей. Напротив, широкие горизонты открываются для профессиональной практики, которая сосредоточивается на технологиях поведения в реальных социально-политических обстоятельствах. Науке же предстоит обратиться к анализу интеллигентности как внутренне присущего человеку свойства, а не поведенческого стандарта, навязанного ему режимом. Иными словами, в долговременном плане нас будут интересовать ресурсы личности журналиста: его образовательный багаж (поскольку интеллигентность предполагает интенсивную мыслительную деятельность и находится в семантическом родстве с интеллектом) и «дум высокое стремление» — об общественном благе, истине, красоте.

⁹⁰ *Фатымина В.Д.* Усиление экономических аспектов функционирования ежедневных газет ФРГ как дискуссионная проблема германской журналистской науки и медиакритики (1990–2005 гг.) : дис. ... канд. филол. наук / В.Д. Фатымина. Белгород, 2005. С. 190–191.

Новизну постановки вопроса несет в себе, конечно же, не восстановление в правах личности журналиста как объекта исследовательского внимания (литература на эту тему неисчислима), а придание ей приоритетного значения, в отличие от социо- и политикоцентричных тенденций в отечественной науке последних десятилетий. Этот путь сулит гораздо больше теоретических препятствий, чем может показаться в начале следования по нему. Среди них есть и застарелые проблемы, которые наконец-то должны быть доведены до адекватного опыту решения, и относительно новые, привносимые меняющейся социальной и профессиональной действительностью.

Итак, вторая научная проблема, которую мы считаем нужным выделить, связана с отношением журналиста-интеллигента к власти — отношением оппозиционным или лояльным. Договоримся считать ее «старой», поскольку без высказывания по этому поводу социологи и политологи прессы обычно не обходятся. Мнения высказываются кардинально различные. Показательно, например, неоднородное отношение к просьбе Союза журналистов России учредить звание «Заслуженный журналист России», адресованной министру культуры и массовых коммуникаций. В 2005 году Фонд защиты гласности (Петербург) совместно с Институтом региональной прессы провел сетевой опрос журналистов и руководителей СМИ. Некоторая часть специалистов поддержала инициативу («Давно пора!»), однако чаще звучали скептические оценки, мотивированные и невозможностью установить строгие критерии отбора претендентов, и желанием держаться подальше от государственных инстанций⁹¹.

Миф о непременной оппозиционности вряд ли заслуживает серьезного анализа, его упрощенность и дилетантское происхождение слишком бросаются в глаза. Сложнее обстоит дело с идеей отстраненности от власти. По первому впечатлению, в ней заложено глубокое содержание, прежде всего с точки зрения независимости прессы. К тому же она подкреплена широко распространенными в западных политологических школах концепциями прессы как «сторожевого пса демократии» и «четвертой державы». Однако более пристальное рассмотрение этой идеи заставляет не просто усомниться в ее безусловной ценности на все случаи жизни, но и отнести к ней как к безосновательной спекуляции.

⁹¹ <http://infopdi.ru>.

Делая акцент на мыслительном содержании журналистского труда, высоко ценя в его результатах независимость суждений и убеждений, мы обязаны будем согласиться с тем, что любой из таких результатов заслуживает уважения и признания. Самостоятельно и целенаправленно вырабатывая свою общественно-политическую платформу, публицист может прийти и к противостоянию власти, и к ее неприятию как объекта своего служения, и к ее апологетике. Неприемлем разве что априорный догматизм, каким бы знаком модальности он ни был помечен. В противном случае мы покусились бы на свободу мысли — одну из опорных аксиом гуманистического понимания прессы, зафиксированную в международных декларациях прав человека. Мы «забыли бы» многовековой опыт борьбы за эту свободу, героически развернутой, например, деятелями эпохи Просвещения и их духовными последователями. Мы устранили бы из текущей публицистики разность идейных потенциалов и полемику по социально-мировоззренческим вопросам, оставив ей для дискуссий разве что приземленные житейские заботы — о качестве потребительских товаров да о видах на урожай...

Будем считать, что по-своему печется о благе сограждан (если это действительно происходит) и оппозиционный, и лояльный журналист. Тогда мы не вправе выбросить из ряда интеллигентов-общественников М. Каткова, К. Победоносцева, Ю. Жукова и сотни других ортодоксальных для современного им строя публицистов. Качество и направленность разделяемых ими государственно-политических идеологий мы сейчас оставляем за скобками, если, конечно, речь не идет о пропаганде нацизма, расизма, терроризма, осужденных мировым сообществом. Водораздел проходит по линии осознанности и бескорыстной преданности определенным гражданским и нравственным идеалам. Печальную картину являет собой тот автор, кто ищет карьерную или иную личную выгоду в своем местоположении относительно власти. Это в равной степени относится и к тем, кто цинично избрал для себя роль пса власти (раба, прислужника), и к тем, кто извлекает блага из своей демонстративной оппозиционности. Последнее из названных явлений перестало быть редкостью в новейшей отечественной прессе, и оно вызывает у коллег реакцию отторжения.

Третья научная проблема связана с ресурсами, которыми обогащается или скудеет современная пресса. По нашим представлениям,

эйфорическая увлеченность некоторыми новейшими социально-теоретическими концепциями ведет к нивелированию личностного потенциала журналиста как ценнейшего ресурса развития прессы. Таким объектом массового поклонения стала идея информационного общества, в котором якобы коренным образом меняются приоритеты, ориентиры и источники прогресса. В предыдущих главах уже шла речь о том, что будущее журналистики ставится в зависимость от весьма размытого понимания информации. На этом фоне все бледнее выглядят понятия духовности личности, сущности человека — непременно соотносимые со строем мысли интеллигенции. Для нас особенно значимо, что в прессе все технические достижения превращаются в инструментарий ее сотрудников. А они, сохраняя статус интеллигентов, несут моральную и социальную обязанность обращать технический прогресс на благо человека и общества, что требует работы души, использования резервов не только ума, но и психического напряжения и откровенного самовыражения.

Вообще свойственное некоторым теоретикам печати стремление поспевать за модой — на идеи, термины, авторитеты — чревато совсем не безобидными последствиями. Так, в недавние десятилетия в широкий оборот вошло утверждение о грядущей смене письменной культуры — визуальной. Фактически те авторы, кто подхватил его в своих трудах, потворствовали изъятию чтения из круга бытовых потребностей населения. В результате такого пассивного примирения с недоброй тенденцией тиражи газет во всем мире стали резко сокращаться, и потребовались решительные меры ЮНЕСКО, национальных правительств, общественных организаций, чтобы хотя бы замедлить падение. Однако обратить процесс вспять вряд ли удастся, поскольку выросло целое «визуальное» поколение. Так, исследования аудитории прессы в Германии показывают, что хотя немцы тратят больше времени на потребление продукции СМИ, это происходит благодаря общению с телевидением, радио и Интернетом. Газета постепенно теряет свою аудиторию. Особенно большие потери читателей наблюдаются в возрастной группе с 14 до 29 лет⁹².

Не исключено, однако, что все наши предшествовавшие рассуждения столкнутся с объективным препятствием, а именно с отрицатель-

⁹² Литвиненко А.А. Пресса ФРГ начала XXI века: модернизация оргструктур и содержания газет в условиях кризиса медиарынка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Литвиненко. СПб., 2007. С. 11.

ным ответом на вопрос — осталась ли сегодня **потребность в журналисте как личности**? Новое время и технологическое совершенствование прессы неизбежно оказывают преобразующее воздействие на структуру потребностей и аудитории, и самих редакционных сотрудников. Так формулируется четвертая научная проблема.

Личность журналиста в общественном измерении

Один из подходов к ее решению следует искать в историческом прошлом печати. Принципиально важные истины были открыты задолго до нынешних поколений, в ходе социально-культурной эволюции прессы, и они не подлежат «отмене» под давлением преходящих обстоятельств. Еще Л. Саламон приводил мнение «некоторых независимых умов», которые относятся к прессе отрицательно, считая ее исключительно «рупором масс», и обвиняют ее в «нивелировке суждений», в «подавлении личности», а потому не советуют ее читать. Звучат эти упреки так, будто цитируются нынешние «открыватели» избитых сентенций. Потому так актуален ответ на расхожие претензии: «Но практическое осуществление подобных воззрений привело бы к утрате одного из тех культурных факторов, без которого в наше время не может обойтись ни один образованный человек»⁹³.

Действительно, все худшее в прессе давно уже обнаружено и оглашено. Но и глубинная потребность в ней как источнике регулярного познания, просвещения, интеллектуальной энергии тоже давным-давно осознана и выражена, в том числе в России. Биограф Ф.М. Достоевского Л. Гроссман так писал о его пристрастии к газете: «Достоевский никогда не испытывал характерного для людей его умственного склада отвращения к газетному листу, той презрительной брезгливости к ежедневной печати, которую открыто выражали Гофман, Шопенгауэр или Флобер. В отличие от них, Достоевский любил погружаться в газетные сообщения, осуждал современных писателей за их равнодушие к этим “самым действительным и самым мудреным фактам”... “Получаете ли вы какие-нибудь газеты? — спрашивал он в 1867 году одну из своих корреспонденток. — Читайте, ради бога, нынче нельзя иначе, не для моды, а для того, что видимая связь всех дел общих и частных становится все сильнее и явственнее...”»⁹⁴.

⁹³ Саламон Л. Указ. соч. С. 70.

⁹⁴ Цит. по: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. 3-е изд. М., 1972. С. 51.

Без долгих комментариев понятно, что и неприятие газеты, и страсти к ежедневному чтению для стимулирования собственной мыслительной работы имеют общий корень — качество поставляемого редакциями материала. Как только это качество оказывается ниже интеллектуальных запросов читателя, так он отгораживается от прессы стеной добровольного отчуждения. Понятно также, что более всего тяготению к прессе способствует появление в ней автора-личности, взгляд которого на мир вызывает самостоятельный интерес, поверх утоления информационно-фактологической жажды, что достойный собеседник — это совсем не обязательно интеллектуальный двойник читателя, но и его оппонент или человек, мыслящий иными категориями, предлагающий иные углы зрения на текущую жизнь. Длительные наблюдения социологов убеждают в том, что в прежние десятилетия признание отечественной публики завоевывали авторы, отмеченные печатью самобытности, умеющие увидеть события с необычной стороны и обогащающие аудиторию нестандартными решениями своих производственных задач. То же наблюдалось и в среде студентов факультетов журналистики. Исследователи их предпочтений называют кумиров профессиональной молодежи: в 1980-е годы — А. Аграновский, В. Песков, А. Бовин, Ю. Щекочихин, в 1990-е — А. Невзоров, В. Листьев, А. Любимов, Т. Миткова, А. Боровик, в 2000-е — В. Познер, Л. Парфенов (шоуменов мы не берем в расчет)...⁹⁵ За перечисленными именами стоят разные судьбы и несхожие модели деятельности, но никого из мастеров нельзя упрекнуть в заурядности натуры или эпигонстве.

В свою очередь и журналисты, во всяком случае те, кто дал себе труд всерьез задуматься о сущности профессии, дорожат интеллектуальной суверенностью и свободой от навязываемых извне стереотипов. Это качество присуще, например, сербской тележурналистке Милице Песич, взявшейся критически проанализировать опыт отражения европейскими СМИ военной акции НАТО в Югославии. «Нам всем надо занимать собственную “свою сторону”, какой бы эта сторона ни была, — настаивает она, — потому что я никогда не могла узнать, в чем в действительности заключается наш национальный интерес. Кто такой тот, кто решает и определяет наш национальный интерес во время конфликта внутри

⁹⁵ *Свитич Л.Г.* Профессия: журналист. С. 93.

нашей страны?...»⁹⁶. Смеем предположить, что подобные заявления носят не единичный характер, а типичны для современных профессионалов, ибо они, во-первых, отражают высокий уровень их самоуважения (даже если иной раз это, по сути, только самооболащивание) и, во-вторых, точно соответствуют деонтологическим постулатам журналистики.

Актуальность разговора о богатстве личности подкрепляется еще одним обстоятельством из новейшей истории российской прессы. Специалисты наблюдают рост так называемой интеллектуальной периодики — и по количеству изданий, и по их популярности. Она начала активно формироваться с конца 1990-х годов и сегодня представлена такими, например, журналами, как «Неприкосновенный запас», «Отечественные записки», «Интеллектуальный форум», «Критическая масса» и др. Называя интеллектуальную периодику типологически новым образованием для нашей культурной среды и издательской политики, исследователи обнаруживают ее родство с давней традицией, сложившейся на Западе. Например, во Франции эта традиция связана с именами Поля Рикёра, Ж.-П. Сартра, Симоны де Бовуар и др.

Вместе с тем — и это для нашего анализа особенно важно — дистиллированная интеллектуализация не в состоянии компенсировать недостаток гражданского и духовного темперамента. Не случайно по поводу «умных» журналов с озабоченностью говорится, что «в контексте новой российской истории фигура “интеллектуала” (западного образца) постепенно стала замещать “интеллигента”»⁹⁷. Это, несомненно, утрата, имеющая высокую культурную цену. В начале прошлого столетия литератор и мыслитель Д. Мережковский в своем знаменитом «Грядущем Хаме» точно сформулировал культурно-ценностный подход к феномену российской интеллигенции — без ура-патриотического самолюбования, но и без нигилистического безразличия: «...Не нам утверждать, что русский интеллигент наилучший из всех возможных интеллигентов в наилучшем из всех возможных миров. <...> Итак, я не берусь решать, что такое русская интеллигенция, чудо она или чудовище, —

⁹⁶ Conversations in Villa Decius 6. Rebuilding Peace in Post-conflict Communities: Role of Media in Civil Organizations. 29th — 30th 2004 / Paweł Świdorski (ed.). Kraków, 2005. P. 94.

⁹⁷ Зими́на Л.В., Гуреви́ч Е.Б. Интеллектуальные журналы : к вопросу о типологическом статусе / Л.В. Зими́на, Е.Б. Гуреви́ч // Журналистика в 2005 году: трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве / отв. ред. Я.Н. Засурский, Е.Л. Вартанова, М.В. Шкондин. М., 2006. С. 228, 229.

я только знаю, что это, в самом деле, нечто единственное в современной европейской культуре»⁹⁸.

Впрочем, контрастное противопоставление западных и отечественных традиций выглядело бы грубым упрощением. Экспансия «яппи» с их холодной рассудочностью и рыночным прагматизмом вызывает беспокойство отнюдь не только в нашей стране. Один из признанных лидеров европейской философии Поль Рикёр в беседах с российскими исследователями заявил: «Я считаю, что моральный долг интеллигенции состоит в том, чтобы содействовать... обмену памятью в духе сострадания. И в этом смысле политика является объектом ответственности интеллигенции». Далее делается вывод, обращенный, как нам кажется, и к сотрудникам прессы: «Мы должны стремиться возродить критический пафос идеологии просвещения. Но прежде чем критиковать других, интеллигенция обязана начать с себя»⁹⁹.

Через толщу времени это высказывание перекликается с драматическими по настроению размышлениями Д. Мережковского. «Нужна ли России русская интеллигенция? — вопрос так нелеп, что, кажется иногда, отвечать не стоит. Кто же сами вопрошающие, как не интеллигенты? Сомневаясь в праве русской интеллигенции на существование, они сомневаются в своем собственном праве на существование, — может быть, впрочем, и хорошо делают, потому что слишком ничтожна степень их “интеллигентности”»¹⁰⁰.

В целом мы имеем право заключить, что в любом измерении — историко-генетическом, социально-сущностном, аудиторном, авторском — нет объективных предпосылок для того, чтобы уводить со сцены современной журналистики интеллигента-общественника. Это обернулось бы, возвращаясь к мысли Саламона, в подлинном смысле слова утратой одного из факторов культурного прогресса. Примечательно, что именно так ставится вопрос еще в одном из диалогов В.Л. Богданова и Я.Н. Засурского. «...Только журналистика, имеющая высокий интеллектуальный потенциал, основанная на самых высоких нравственных идеалах, может привести нас к успеху.. А мысли о том, что журналистика никакой серьезной роли в обществе не должна играть, что ее удел

⁹⁸ Мережковский Д.С. «Больная Россия» / Д.С. Мережковский. Л., 1991. С. 32.

⁹⁹ Рикёр Поль. Герменевтика. Этика. Политика: московские лекции и интервью / Поль Рикёр. М., 1995. С. 112, 127.

¹⁰⁰ Мережковский Д.С. Указ. соч. С. 35–36.

давать информацию о власти, о катастрофах и развлекать, — это путь к дальнейшей деградации»¹⁰¹, — заявляют авторитетные специалисты. Их беседа представляет собой ответ на декларации идейных противников размышляющей и гражданской журналистики, а также реакцию на расстановку кадровых сил в нынешней прессе. Нельзя не считаться с тем, что значительная часть новобранцев журналистики не стремится или не в состоянии действовать в ранге интеллигента-общественника, она удовлетворяется минимумом — выполнением стандартных производственных операций на информационном конвейере.

Представим себе, что подобная ситуация сложится, например, в театре: накопление количества актеров-неумех или ментально пассивных исполнителей порождает в их среде разговоры о ненужности высокого духовного предназначения сцены. Кажется, ясно, что общественность отнюдь не поспешила бы солидаризироваться с такими утверждениями, а в меру своих сил стала бы добиваться «дотягивания» деятелей театра — до театра. Нечто похожее должно происходить и в журналистике. «Приподнимание» журналистов до журналистики — задача и самой профессиональной корпорации, и общественности, которой в конечном счете служит пресса и которая без нее многое утрачивает в своих связях с миром. Так кого и каким средствами необходимо «приподнимать», до какого горизонта?

Казалось бы, решение этой проблемы не относится к числу жизненно необходимых задач. Теоретически и практически вполне допустимо предоставить личностное обеспечение прессы в распоряжении инерции, стихийной эволюции. Во все времена существовал ровный фон заурядных исполнителей, на котором ярко выделялись самобытные фигуры. Они служили некоторым оправданием журналистики перед лицом обвинений в шелкоперской беспринципности и бедности содержания.

Вместе с тем примиряться с унылым status quo не стоит хотя бы потому, что серая журналистика дорого обходится обществу. Совокупные усилия по ликвидации последствий ее влияния на сознание населения, а также на падение престижа отечественной прессы, надо думать, намного превосходят затраты на выращивание достойной профессиональной культуры. Сегодня, например, настойчиво поднимается вопрос о бесшабашном обращении прессы с языком и, как следствие, ее разрушитель-

¹⁰¹ Богданов В., Засурский Я. Жива ли журналистика? / В. Богданов, Я. Засурский // Журналистика и медиарынок. 2005. № 12. С. 6.

ном воздействии на это национальное достояние. Лингвисты фиксирует назойливое проникновение в печать и эфир явления языковой моды, когда журналисты воспринимают девиз «Хочу говорить как все». «Проблема, между тем, заключается в том, какую долю ответственности за эту актуальность готов принять на себя коммуникант. Если он готов отвечать за собственное речевое поведение, то вынуждает себя думать об этом речевом поведении, совершать некий осмысленный выбор из возможных способов выражения... В противном случае речевая актуальность становится речевой модой и приводит к речевой безответственности»¹⁰².

Здесь понятие безответственности звучит как «отраслевое», филологическое, но мы имеем право возвести его на ступень пренебрежения общественным благом. Личная привычка корреспондента или ведущего высказываться вульгарно, безграмотно, стереотипно, тысячекратно усиленная возможностями СМИ, превращается в стандарт речевого общения целой нации-аудитории. Искоренить его оперативными средствами, определенно, не удастся. В то же время сравнительно несложно привить журналистам иную моду — на чистую и звучную речь, на безошибочное написание слов (иногда для этого требуется всего лишь правильно наладить корректорскую службу редакции). Чем не лестная для сотрудников СМИ роль — быть и считаться рассадниками высокой языковой культуры?

Мы взяли для примера частный случай. Но на нем видно, как важно добиваться возвращения в прессу установки на высокую культуру личности — в помыслах, поведении, даже в стиле одежды. На наш взгляд, это должно стать долговременной заботой, в первую очередь, конечно, самого журналистского корпуса, а также системы подготовки кадров. Но не в меньшей степени это предмет беспокойства для государства и общественности. Они способны оказывать непрерывное благотворное давление на настроения редакций и создавать условия для их преобразования в источники мыслительной и духовной энергии нации.

По классическим представлениям духовная зрелость личности включает в себя уважение к другим людям, будь то герои публикаций или аудитория СМИ. Здесь в полной мере действуют нормы благородства и порядочности, принятые в приличном обществе. Давайте заострим эту мысль до такой формулировки: **журналист — профессионально добрый человек**. По первому впечатлению кому-то покажется, что эта характеристика лежит

¹⁰² Муравьева Н.В. Язык конфликта / Н.В. Муравьева. М., 2002. С. 176.

за пределами производственно необходимых достоинств. Однако послушаем мастера: «Пишешь для одного-двух читателей и всегда думаешь, не испытает ли этот человек неловкость, когда прочтет твою заметку... Я читал свои заметки вслух, и те фразы, которые я проглатывал, чувствуя, что мне почему-либо неудобно их произнести, я потом выбрасывал»¹⁰³, — так известный журналист Юрий Рост однажды описывал приемы своего труда. Не он, надо сказать, первый изобрел подобную самопроверку. И в литературе, и в публицистике многие мастера «пробуют» тексты на слух, добиваясь благозвучия и логической чистоты. Но сейчас речь не о шлифовке формы. Хотелось бы выделить словечко «неловкость», которое относится, скорее, к моральной стороне общения через прессу. Автор тревожится о том, как бы не задеть, не обидеть ненароком собеседника, как бы поговорить с ним по-свойски, по-доброму... Давайте спросим себя: что это — фирменная манера одного литератора или универсально эффективная журналистская технология? Судя по тому, какой успех обычно выпадает на долю Ю. Роста — пишущего в газете и звучащего в эфире, — прием надежный, технологически оправданный.

Надо попросить прощения у моралистов за то, что мы умышленно приземляем тему. Хочется, чтобы разговор адресовался не только к ним, но и к тем, кто и делом своим, и рассуждениями утверждает журналистику рациональную, прагматичную, бесприоритетную в коммерческом отношении. Если добрый взгляд из редакции приносит успех, значит, он выгоден. Значит, он входит обязательным элементом в состав журналистского профессионализма. Ну и наоборот. Вот председатель Союза писателей Санкт-Петербурга В. Попов дает оценку качества отечественной прессы: «В нынешней журналистике меня огорчает всеобщая злобность... Все время горящие глаза, возбужденные голоса... Между тем добродушие, доброта, терпимость, веселость могут помочь, и только их следует хранить»¹⁰⁴. Понятно, что из человека с таким настроением не получится преданный читатель-покупатель. Наверно, он не во всем прав, немало найдется среди действующих публицистов профессионально добрых людей. Однако тоналность огромной массы публикаций в целом схвачена верно.

Причем смысл сказанного писателем гораздо многослойнее, чем может показаться поначалу. Что такое «всеобщая злобность»? Не прос-

¹⁰³ Юрий Рост: «В этом городе я стал журналистом» // Петербургский Союз журналистов. 2002. № 6.

¹⁰⁴ Петербургский Союз журналистов. 2003. № 3.

то всех, всегда и везде, но и — без повода, обо всех и даже без ясно обозначенной цели. Натура у корреспондента или телеведущего такая... С личными впечатлениями писателя совпадают обобщающие выводы исследователей прессы: «...Огромные массивы газетно-журнальных публикаций и телерадиопередач облучаются аморализмом... пылают злостью, сквозят ненавистью, заражаются истерией...»¹⁰⁵.

Было бы странно призывать к сентиментальной благодати, когда дело касается журналистики и тем более публицистики. И гнев, и искренняя злость, и пафос обличения — как без них воевать с хамством и воровством? А если, действительно, без причины, по инерции? Такая манера не приносит дивидендов в профессиональном сообществе, во всяком случае, ее не приемлют те специалисты, кто ответственно задумываются о будущем отечественной журналистики. В их числу относится известный телепублицист В. Мукусев, который говорит так: «...высокие профессионалы... не имеют права на слабинку и не должны использовать свой эфир для все-ленского вопля и истерик. <...> Там иронию и сатиру зачастую подменяет злоба, да и просто вещи недопустимые. Нельзя высмеивать физические особенности людей. Об этом и говорить-то неприлично»¹⁰⁶.

Обратимся к примеру. Спецкор «Коммерсанта» рассказывает о встрече Президента России с офицерами — участниками учений, прошедших на Северном флоте. Об этом эпизоде в свое время много и в разных красках говорилось и в газетах, и по ТВ. Материал выстроен, мягко говоря, в ироническом ключе. Похоже, автор не особенно одобряет публичные акции главы государства, на что всякий журналист, разумеется, имеет полное право. Но тут под горячую руку репортера подвернулись летчики и военные моряки. Называя каждого из них по имени и званию, он дает волю своему саркастическому перу. Познакомимся с некоторыми портретными характеристиками.

Некий офицер «неожиданно густо покраснел. Одновременно он затушил сигарету. После этого он бросился от меня ко входу в резиденцию и исчез за дверью. Он хотел в эти трудные для него минуты быть поближе к своим товарищам». «Я уже не знал, о чем его еще спросить, чтобы он сразу не покраснел. Увы, он сразу покраснел». «Я понял, что и он очень боится выдать военную тайну (не потому ли, что очень хочет-

¹⁰⁵ Киричек П.Н. Средства массовой коммуникации и информационная культура общества / П.Н. Киричек. М., 2006. С. 17.

¹⁰⁶ Мукусев В.В. Указ. соч. С. 308.

ся?)). Командующий рассказал, как готовился «исторический перелет»: «Были приняты беспрецедентные меры безопасности... Ну, нельзя фотографироваться перед стартом — плохая примета. Плохие слова нельзя говорить — тоже плохая примета». Выступающему генералу «следовало остановиться (хотя бы для того, чтобы подумать)». После ободряющего слова Президента на лице генерала «наконец отразилось облегчение». И тому подобное. А еще есть прямая речь персонажей, с тщательно сохранными «военными» погрешностями стиля.

Чем провинились перед столичным интеллектуалом трудяги-офицеры? Тем, что оказались в одной связке с конкретным государственным деятелем? Или лоску в них не достало? За что, попросту говоря, их изображают круглыми дураками?

По счастью, другие публикации убеждают, что жизненный материал не виноват: увлекательно писать о военных можно на основе подлинного интереса к их профессии и с уважением к ним самим. Так, как это делалось десятилетиями и как делает юная журналистка «Санкт-Петербургских ведомостей». Послушаем:

«Молодой техник лейтенант... сидит под “брюхом” своего 23-го номера и старательно трет его тряпкой.

— Лишний керосин вырывается и сгорает... — поясняет он, отмывая черную сажу.

— А грязный разве хуже полетит? — спрашиваю его.

— Это ж мой самолет!... — удивляется Александр».

«Летчики — люди не только азартные, но и суеверные. Например, перед полетом не разрешают себя фотографировать. А техники между летными сменами не бреются. Никогда не говорят “последний полет”, а называют его “крайним”. После первого своего вылета молодые угощают товарищей сигаретами... Только в этом году воины 6-й армии ВВС и ПВО обнаружили и провели 11 тыс. иностранных воздушных целей, примерно 300 из них — боевые самолеты НАТО, 70 — разведчики». И так далее.

В каждом из примеров автор показал миру то, что хотел увидеть: то ли себя, язвительного и всезнающего, на фоне чужого честного труда, то ли людей, занятых сложным и мало известным публике делом. Несопоставима общественная ценность этих разнородных опытов.

Недобрый взгляд из редакции при желании можно бросить не только на отдельного человека, но и на куда более крупные объекты. За что,

например, достается нашей стране, про которую в заголовке солидного вроде бы издания (еженедельник «Дело») хлестко и вульгарновато говорится «Россию опустили»? Имеется в виду, что международный правозащитный фонд понизил ее рейтинг свободы. К слову, в материале нет ни тени сожаления о происходящем или сочувствия согражданам, числящимся ныне «несвободными».

Не надо искать в анализе этих примеров ложной патетики. Вопрос в том, что профессионализм в рассмотренных «недобрых» материалах и в тысячах им подобных соотносится с умением удрать штуку, как говаривали в былые годы, во что бы то ни стало выкинуть коленце, покаламбурить без удержу и вкуса. Моральная составляющая, все тот же изначально благорасположенный интерес к людям оттесняется на самые задворки профессионального стиля.

Кто-то скажет — время такое, переходное, невнятное, когда принято играть под маской язвительного балагура. А внутренне мы ребята славные, отзывчивые, иногда даже через край человечные. Особенно в частной жизни. На эту ремарку давно даны ясные ответы. Во-первых, абсолютной стабильности не приходится искать ни в одной развитой стране. Во-вторых, исследователи прессы установили, что «если в художественной литературе многообразные речевые маски рассказчиков, персонажей и т. п. отделены от автора, неотожествимы с ним... то в публицистике все ипостаси автора — это разновидности самого автора — реальной, подлинной личности»¹⁰⁷.

Да и наблюдения за текущей практикой не дают весомых оправдательных аргументов. О каком борении нравственности с «игровым» стандартом можно вести речь, если на печально памятный теракт на Дубровке некоторые петербургские газеты отзывались так: «Чеченте-атр. Московская гастроль», «Бросок на Норд-Ост» и т. п.? Это ли не признаки бескомпромиссной и откровенной нравственной глухоты? Тогда газета регионального Союза журналистов справедливо перевела анализ этих фактов в плоскость профессионального мастерства, без отвлеченных сентенций. «Журналист, — писал обозреватель, — обязан иметь чуткий слух на любое событие, тем более такое трагическое... Примеры свидетельствуют, к глубокому сожалению, только об одном:

¹⁰⁷ Солганик Г.Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Г.Я. Солганик // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3. С. 83.

профессиональная планка... опускается все ниже»¹⁰⁸. Диагноз верный, можно приступать к лечению болезни. Однако потом были другие жестокие трагедии, и каждый раз по следам их освещения журналистское сообщество возвращалось к теме, ставшей дежурной: недопустима демонстрация кровавых сцен и перекошенных горем женских лиц, нетерпима бездушная игра в каламбуристику и пр. Тем более что и этические кодексы запрещают такие игрища. Выходит, профессиональная планка неудержимо ползет все ниже? Или, по-другому понимая, ничего кроме оторванных взрывом конечностей снимать и описывать не умеем?

«Богам стало скучно с людьми — и боги ушли...» Это фраза из романа Д. Мережковского об императоре Юлиане Отступнике, безуспешно пытавшемся вернуть естественные человеческие ценности в суетный мир своих подданных. Быть может, пока еще не поздно очеловечить нашу злорадствующую и ехидничающую прессу? Вспомнить (не воскрешая во всех подробностях) традицию приветливо встречать на редакционном пороге посетителей, возиться с внештатниками и отвечать на исповедальные письма, время от времени писать зарисовки «о людях хороших»... Те, кто хотя бы на десяток лет постарше нынешних газетно-эфирных дебютантов, надеюсь, согласятся, что такая профессиональная жизнь не вступит в противоречие ни с дотошными расследованиями, ни со свободой самовыражения, ни с установкой на популярность среди читателей и зрителей. А вот раздражения и тревожности в корреспондентских душах накапливалось бы гораздо меньше, чем при нескончаемом отыскании врага во всяком представителе рода человеческого.

Путь к решению любой проблемы всегда начинается с ее осознания. И нам пора уяснить, что «богам» очень скоро наскучит обитать под одной крышей с озлобленными охотниками за скандалами и пороками. А дальше предстоит сделать выбор, отчасти философский и одновременно практический. Философ Владимир Соловьев некогда задавался вопросом о том, что есть зло. То ли оно — недостаток, несовершенство, которое само собою исчезает с ростом «количества» добра, то ли — неис требимая человеческими стараниями сила, для одоления которой нужна точка опоры в каком-то внешнем мире¹⁰⁹. В метафизических диспутах оба

¹⁰⁸ Алексеева М. Как слово наше отзовется / М. Алексеева // Петербургский Союз журналистов. 2002. № 6.

¹⁰⁹ Соловьев В. Три разговора / В. Соловьев // Избранное / сост. А.В. Гулыги, С.Л. Кравца. М., 1990. С. 231.

подхода в равной степени допустимы и плодотворны. Но журналистика — явление земное, направляемое и подвластное современникам. Для ее преобразования нужны конкретные и стратегически точно выверенные меры. Необходимо бороться с засильем дурного вкуса в прессе и на ТВ, но не с помощью административного давления, цензуры или «зачистки» каналов. Проблема решается через подготовку специалистов и развитие лучших тенденций, поддержку программ гуманитарной направленности. То есть все-таки — через рост «количества» добра.

Престиж и достоинство журналиста

Ход анализа личностных качеств журналиста побуждает нас рассматривать в нераздельном единстве интеллектуальные, гражданские и нравственные характеристики. Надо полагать, здесь нет ошибки метода. В абстрактно-схематическом отображении каждую из них несложно было бы представить в виде отдельного параметра. Однако закон жизнеподобия, управляющий практикой прессы, действует сильнее, чем логика абстрактных построений. Реальный, «физический» человек не поддается и не подлежит внутреннему размежеванию на мыслящую и чувствующую субстанции. Соответственно, в сознании и поведении сотрудника прессы названные качества сливаются воедино, образуя целостное и многомерное свойство его личности. На наш взгляд, для его обозначения точнее всего подходит слово **«достоинство»**. В достоинстве интегрируются и осознание общественных запросов к журналисту, и мера требовательности к себе, и самоуважение, и, в функциональном плане, саморегулирование. Мы предлагаем рассматривать его как одну из главных составляющих профессионализма в прессе. Но при этом нельзя ограничиться механическим занесением достоинства в реестр необходимых характеристик, поскольку объем и смысл понятия требуют углубленного и дискуссионного рассмотрения. Впрочем, сама по себе мысль о достоинстве как одном из устоев профессионализма далеко не у всех специалистов вызовет понимание и одобрение.

В нашей постановке вопроса заложена полемика, например, с итальянским профессором Паоло Манчини, который полагает, что в России нет традиции журналистского профессионализма и что он может развиваться только в условиях рынка СМИ, которого в России тоже нет¹¹⁰.

¹¹⁰ Колесниченко А. Паоло Манчини: «В России нет традиции журналистского профессионализма» / А. Колесниченко // Журналистика и медиарынок. 2005. № 2. С. 48.

Если следовать логике зарубежного наблюдателя, то вопрос о формировании профессионализма придется отложить до создания благоприятной экономической обстановки. Но тогда надо дожидаться и благоприятной политической конъюнктуры. Американский правозащитный Комитет в защиту журналистов из года в год относит Россию к числу наихудших для прессы государств, прежде всего по причине политического давления на СМИ со стороны власти. «Во всех этих странах работа журналиста требует немалой храбрости и твердости убеждений», — заявила исполнительный директор Комитета Энн Купер.

Проблема коренится в различном **понимании профессионализма**. По Манчини, он сводится к умению зарабатывать на распространении информации. «Мы создаем газету, чтобы делать деньги», — вот девиз отстаиваемой им либеральной модели прессы. Но разве не безудержное поклонение коммерческому интересу стало главным поводом для претензий российской журналистике периода реформ? Как иначе расценить опубликованные рядом со словами Энн Купер данные опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения: 62% россиян высказались за существование цензуры на телевидении?¹¹¹ Вряд ли население искренне приветствует введение полицейских мер. Оно предъявляет счет самим сотрудникам редакций, которые в погоне за прибылью оказались не способны обеспечить высокое качество вещания. Совершенно иной облик профессионализма мы получим, если включим в него морально-нравственные и гражданские характеристики, причем поставим их на приоритетные позиции. Тогда отпадет необходимость выжидать до прихода лучших времен в экономике и политике, и станет отчетливо видно, что «немалая храбрость и твердость убеждений» — это не дань исключительной ситуации, а атрибут профессии, который обнаруживает себя вопреки неблагоприятным внешним условиям.

Именно вопреки обстоятельствам повело себя сообщество журналистов Алтая, когда солидарно выступило против политической директивы скомпрометировать независимого депутата Госдумы В.А. Рыжкова. «Я никогда категорически не принимал любых форм смешивания с грязью человека. У меня на этой почве возник конфликт с редактором, и я уволился... Я сказал, что в своих поступках я руководствуюсь

¹¹¹ Россия — в списке «худших для прессы» стран: <http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/default.stm>.

собственными убеждениями», — заявил в интервью один из непокорных газетчиков, кстати говоря, отнюдь не сторонник взглядов депутата¹¹². Характерно, что Союз журналистов России наградил участников алтайской акции «Не поддаваться! Не прогибаться! Говорить правду!» специальным дипломом «Честь и достоинство».

Мы должны признать, что складывается противоречивая картина. С одной стороны, комплекс профессиональных характеристик журналиста все настойчивее трактуется в сугубо прагматическом ключе — и в нашей стране, и за рубежом. На теоретическом уровне мы столкнулись с этой тенденцией в предыдущих главах, где в центре внимания была миссия журналистики. С другой стороны, цеховое сообщество осуждает такие факты и поддерживает благородные, самоотверженные поступки. В обоих случаях есть основания для того, чтобы оперировать понятием личного достоинства как атрибута профессионализма. Мы попытаемся увидеть его в широкой социально-культурной перспективе.

Культура в данном случае рассматривается не в искусствоведческом или собственно культурологическом ключах, а как интегральная характеристика социума, в котором обращается журналистика. Культура как воплощение системной целостности и неповторимости данного общества, среды обитания человека — вряд ли сегодня можно отыскать более актуальную тему для обсуждения в России. Здесь возникают проблемы, которые, по нашим представлениям, имеют отчетливую социально-нравственную окраску. Быть может, самой болезненной среди них является ответственность прессы, журналистов за сбережение национального фонда культуры, ее ценностных устоев, здоровья и источников саморазвития. Только при этом условии сама пресса будет оставаться необходимой ценностью для социального мира.

Такая постановка вопроса порождает некоторые смещения в распространенных сегодня взглядах и суждениях о свободе слова и журналистики. Она явно отрицает эгоцентрические устремления личности и всего института прессы, предлагает иные критерии значимости их функционирования: вместо безудержного самовыражения — подчиненность определенным идеалам, вместо удовлетворения корпоративных appetitov — достижение общественного блага и т. п. Преодоление индивидуализма, в различных его формах, как опаснейшей социаль-

¹¹² Наше гневное NET // Новая газета. 2005. 14–16 февр.

ной и творческой болезни стало одной из центральных задач и теории, и практики нашей прессы. На противоположном индивидуализму полюсе помещается адекватный ответ на ожидания общества. Не надо обстоятельно доказывать, что менее всего эти ожидания связаны с саморазрушением и что, напротив, они порождены потребностью в самосохранении социума как развивающегося целого, как определенной культуры. Иное противоречило бы законам жизни, признанным и естественными, и общественными науками.

Таким образом, антитезой индивидуализму служит идея, которую можно выразить словами «Журналист как сын Отечества». Не исключено, что в наш прагматичный век, отмеченный всепроникающей иронией и скептицизмом, подобные формулировки кому-то покажутся избыточно пафосными. Однако думается, что попытка снизить уровень лексики — от высоких слов до квазинаучной прозы — приведет только к затуманиванию смысла.

Подлинная проблема заключается не в подборе приличествующих научному стилю слов, а в выборе генерального критерия самооценки сотрудников прессы. Здесь, собственно, и возникает тема достоинства журналистики и журналиста. Достоинство, по общему правилу, понимается как внутренняя характеристика субъекта, мера уважения и сбережения им своей личности. Соответственно, всякий раз необходимо определить, какие нравственные и поведенческие императивы мы себе задаем, за что поощряем и порицаем себя в откровенном внутреннем диалоге с собой, ниже каких пределов не позволяем себе опускаться в отношениях с окружающими и практической деятельности. Одно дело, когда достоинство базируется на признании собственной исключительности и суверенности от социальной среды. Иное дело, когда за точку отсчета принимается искреннее служение благу Отечества.

Принципиальной новизны в таком повороте темы, конечно, нет: история мировой прессы и публицистики (а российской в особенности) густо насыщена фактами общественного служения, вплоть до самоотречения и самопожертвования. Но современная ситуация заставляет вернуться к бушевавшим некогда дискуссиям. Как ни странно покажется на первый взгляд, в них мощным дополнительным мотивом отзываются отношения собственности. До тех пор, пока в социалистических странах ценность отдельных изданий и вещательных каналов

определялась «сверху» — органами централизованной власти и управления, на плечи редакций возлагалась ответственность за исполнение директивных установок такого рода. Естественно, что качество исполнения колебалось в широких пределах — от механически-формального до подлинных творческих взлетов. Тем не менее, именно власть контролировала наличие и развитие тех или иных типов печати и карала редакции, которые не отвечали определенным условиям.

Содержание этих условий мы сейчас не затрагиваем, поскольку нас интересуют не они, а механизм оберегания социальной среды с помощью журналистики. Хотя, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что это именно от власти исходили импульсы развертывания в нашей стране, например, широчайшей сети молодежной печати и превосходных детских изданий, научно-популярных журналов и литературно-драматического радиовещания. Подобные явления периодики сами становились элементами устойчивого социально-культурного порядка, входили в образ жизни населения, без них нельзя было представить себе ни страну в целом, ни регион или местность, ни общественное существование отдельного человека. Возьмем для наглядности частный, но типичный факт: с 1930-х годов, то есть фактически с начала регулярного радиовещания, Всесоюзный радиокомитет приглашал в качестве консультантов крупнейших профессоров-лингвистов. Звучащая в эфире речь рассматривалась как образец языковой культуры — и государственной властью, и руководством радиокомитетов, и слушателями, которые болезненно реагировали на малейшие отклонения от эталонов и правил¹¹³.

Тотальная приватизация средств информации отменила устоявшиеся отношения. Неоднократная смена редакционного начальства, текучесть штатов, а главное — ощущение единоличного права владельца распоряжаться «лицом» изданий и каналов породили их полную незащищенность от разрушительного произвола. Если вернуться к примеру с эфирной речью, то здесь безграмотность приобрела демонстративно издевательский характер.

Пусть не покажется преувеличением идея о том, что прославленные и, главное, вошедшие в уклад жизни населения издания и программы следовало бы приравнять по значимости к охраняемым социальным институтам,

¹¹³ См., напр.: Из архива профессора К.И. Былинского: публ. и коммент. К.М. Накоряковой // Журналистика и культура русской речи. 2003. № 2. С. 68—79

памятникам культуры и крупнейшим центрам научной и художественной мысли. Тогда в одном ряду оказались бы прославленные университеты, Эрмитаж, Большой театр — и «толстые» литературные журналы, образовательные телеканалы, газета «Комсомольская правда» (в ее звездные годы)... Национальные раритеты такого уровня непозволительно отдавать в руки невежественных и безответственных временщиков, они нуждаются в материальной и прочей поддержке, их сохранение в полноценном состоянии подлежит общественному контролю на законном основании.

Мы вовсе не ратуем за возврат к оказыванию прессы с точки зрения форм собственности. Но вспомним, что трудный вопрос о приватизации зданий, охраняемых государством, юридически решается при обязательстве нового собственника реставрировать и надлежащим образом использовать исторические реликвии. Используя эту модель, можно обеспечить баланс личных и общественных интересов в медиасфере: абстрактная ценность свободы слова и предпринимательства в прессе не вступает в конфликт с предметными, материально-вещественными ценностями, то есть незаурядными СМИ, созданными предыдущими поколениями журналистов и принадлежащими всему сообществу современников и потомков.

В свете этого краткого экскурса в мир ценностей мерилом сохранения достоинства журналистов никак не может считаться безудержное самовыражение. Наоборот, критерием станет завоевание права быть допущенным к сотрудничеству в изданиях, которые составляют предмет гордости и заботы страны в целом, крупного региона или даже отдельного местечка. Впрочем, в идеале честью должно было бы считаться любое приобщение к работе в прессе, если она переходит в разряд национальной ценности высокого порядка. Тогда в слове «достоинство» появляются другие семантические оттенки, не разрушающие ни морфологическую, ни фонетическую его природу: достоин ли я быть сотрудником прессы; по заслугам ли мне доверено общественное достояние; достойный ли я публицист — сын Отечества? Весь труд самообразования и самовоспитания будет тогда устремляться к определенной и социально одобряемой цели — дотянуться до соответствия культурным ожиданиям от журналистики.

В действительности мы наблюдаем расцвет противоположной парадигмы — стремление пригнуть общественность к собственному уровню

развития. Поскольку журналистика превратилась в массовую профессию, доступ к которой открыт любому желающему, а контроль квалификации сотрудников и качества продукции до крайности ослаблен, то общий уровень ее развития неизбежно будет определяться стандартами «массовой культуры». Иного не дано, как бы ни тщились представители профессии причислить себя к элите — духовной, деловой, а то и властвующей. Конечно, как и во все времена, в редакциях трудится немало талантливых и высокообразованных личностей. Но несколько идеализированный образ типичного журналиста как человека, стоящего над обыденностью, исповедующего некие идеалы и доносящего их до публики, за последние годы развеялся. «Престиж профессии, представители которой еще недавно могли гордиться тем, что они — демократический авангард общества, — под угрозой. Сегодня журналисты потихоньку превращаются в сталкеров, мутантов, которые обделывают опасные, но доходные делишки в Зоне повышенных общественных опасностей. Именно такими нас видят со стороны те, кто внимательнее других читает то, что мы пишем, и вслушивается в то, что мы говорим»¹¹⁴, — самокритично признается главный редактор «АиФ-Петербург» В. Петров. Соответственно движется и степень доверия к людям прессы — в сторону если не окончательной его утраты, то неустойчивости и понижения. Собственно, об этом и свидетельствует крайне низкий уровень газетных тиражей.

Ситуация в социальном и профессиональном мирах побуждает рассмотреть достоинство журналиста еще в одном измерении — в международном, которое не часто привлекает внимание специалистов. Какой образ страны рисуется перьями наших корреспондентов для внешнего наблюдателя? Задавшись этим вопросом, мы вынуждены будем еще раз вспомнить о заключениях международных организаций, которые по материалам СМИ и по их положению в обществе делают выводы о нравственном здоровье нации, состоянии демократии, политической культуре власти и граждан и т. п.

Послушаем, что писала руководитель Европейского бюро организации «Репортеры без границ» Эльза Видал в «Ежегодном докладе о Европе и России»: «В России складывалась мрачная ситуация». Затем делаются ссылки на факты убийства журналистов, приобретение

¹¹⁴ Петров В. В зоне рискованного правдолюбия / В. Петров // Петербургский Союз журналистов. 2003. № 3.

все новых массмедиа фирмами, близкими к Кремлю, отсутствие разнообразия в информационном вещании. Эти факты «свидетельствуют о решимости Путина усилить контроль над массмедиа»¹¹⁵.

Понятно, что подобные суждения только закрепляют господствующий на Западе стереотип восприятия России как государства с неискоренимо подданнической массовой психологией, которому глубоко чужды идеи демократии, справедливости, равенства. Можно было бы попытаться опровергнуть эти взгляды в публицистической полемике. Можно резонно указать зарубежным партнерам на несовершенство их собственной медийной практики. Ведь «Репортеры без границ» начинают свой доклад с утверждения, что «2006 был чрезвычайно тревожным годом для свободы прессы в Европе, не только в странах, чьи правительства по понятным причинам вызывают беспокойство, но также и в странах — членах Европейского Союза (EU). <...> Круг тем, которые можно свободно освещать, также сузился, это относится к ущербу репутации государства или к отрицанию и упоминанию событий истории, вызывающих опасность, или к юридической практике». Можно, наконец, уподобиться политологу, известному своей близостью к официальным кругам, который в ответ на критику наших порядков Советом Европы заявляет: «Я полагаю, России не следует терпеть постоянные унижения от малозначительной организации... Россия должна выйти из Совета Европы...»¹¹⁶. Однако, во-первых, общественное мнение целого континента выражается и формируется усилиями именно таких организаций, как бы уничижительно ни отзывались о них наши «домашние» политологи. Во-вторых, слишком горькими для нас оказались плоды многолетнего политического и культурного изоляционизма от мирового сообщества.

Единственно достойным способом рассуждения и поведения для журналистов представляется честное возложение вины на себя. В былые столетия Европа судила о духовном потенциале российской нации по гражданственной публицистике А.И. Герцена и В.Г. Короленко. Сегодня политические и правовые условия для честной журналистики

¹¹⁵ 2007 Annual Report / Europe and the Former Soviet Block. P. 109 // Reporters Without Borders: <http://www.rsf.org>.

¹¹⁶ Никонов В. Что ПАСЕешь, то и пожнешь / В. Никонов // С.-Петерб. ведомости. 2004. 20 окт.

складываются гораздо благоприятнее, чем 100—150 лет назад. Представать перед зарубежными читателями в роли достойного сына Отечества и тем самым вызывать уважительное отношение к нему — для этого, как правило, уже не нужно совершать подвиг. Достаточно переступить через соображения мелкой личной выгоды.

Есть у нашей темы и другие международные аспекты. Так, общепризнанным фактом стало беззастенчивое заимствование отечественным телевидением программ-шаблонов из зарубежного опыта. Прежде всего имеются в виду ток-шоу, заполонившие вещательные каналы. По мнению исследователей игрового телевидения, необычайная популярность в России различного рода ток-шоу «обнажила проблему человека массового сознания. Это человек без особых интеллектуальных запросов, погруженный в сугубо бытовые проблемы, прислушивающийся разве что к рефлекторно-инстинктивным запросам, т. е. посредственный человек»¹¹⁷. Тем ли, однако, измеряется ответственный профессиональный и гражданский выбор, чтобы демонстрировать готовность подражать весьма сомнительным чужим достижениям? В морально-этическом плане мы еще раз даем повод для упреков в том, что русские, мол, нечисты на руку. В социально-культурном отношении упускаем возможность распространять те свои открытия, которые мир уже был готов принять. Вспомним, как широко и победно пошла по свету отечественная модель интеллектуальных игр — передача «Что? Где? Когда?», которая одно время стала превращаться в глобальный клуб знатоков, причем тогда еще без толстых пачек купюр в качестве приза. Не в том ли состояла причина успеха, что это изобретение поднимало человека над примитивными «рефлекторно-инстинктивными» запросами?

Национальное достоинство журналистики связано, в частности, с тем, чтобы, будучи открытыми ценному чужому опыту, тщательно сберегать свой «золотой запас». Только в этом случае состоится равноценный профессионально-культурный обмен. Иначе неизбежна унификация, от которой ничего не выиграют обе стороны.

Тем не менее, намечаются и обнадеживающие сдвиги. Например, и в литературе, и в преподавании все увереннее заявляет о себе социальная

¹¹⁷ *Осинский В.Г., Петров Г.Н.* В режиме «on-line» / В.Г. Осинский, Г.Н. Петров // Говорит и показывает кафедра радио и телевидения. Вып. 2 / под ред. С.Н. Ильченко, В.Г. Осинского, Г.Н. Петрова. СПб., 2004. С. 40.

журналистика, сконцентрированная на бытовых и гуманитарных проблемах повседневности¹¹⁸. Среди ответственно воспринимающих свое дело профессионалов нарастает тревога о растрате культурного завоевания нашей прессы — стойкого интереса к «простому» современнику. Так, целый номер газеты Петербургского Союза журналистов посвящен теме «Ищу человека!». Во вводной статье говорится: «Чему учат классические образцы? Прежде всего, тому, что главное — это человек... Мы же, назвав всю прессу средствами массовой информации, выплеснули вместе с водой ребенка. То есть человека. Обыкновенного, рядового гражданина страны, на долю которого выпало жить в сложную эпоху перемен...

Когда в журналистской среде заходят разговоры на все эти темы, непременно услышишь: вся западная пресса — это и есть средство для массового информирования населения, и никакие ваши очерки и все эти слюни там журналистов не волнуют.

“Там”, может быть, и не волнуют, а “здесь”? Почему надо непременно делать, как “там”, если мы работаем в России, в которой живы еще... неотменяемые традиции любви и внимания к судьбам людей...»¹¹⁹. Примечательно, что с этим заявлением выступают не кабинетные моралисты, а люди, с головой погруженные в текущее редакционное производство.

В плане международного сотрудничества достоинство исследователей журналистики выражается в умении объективно взвесить свои достижения и просчеты, без непродуктивного самоуничижения или, наоборот, самовосхваления. Тогда появляется возможность выполнить совершенно обязательную, на наш взгляд, аналитическую работу — дать точные названия исследовательским направлениям и школам, получившим развитие в стране. Сегодня, при более или менее явных различиях в традициях, проблематике, методике труда нескольких центров, ни один из них не выбрал для себя такого обозначения (здесь как раз следовало бы поучиться у зарубежных университетов). Речь идет не о формальном акте, а, во-первых, о более строгом определении структуры исследовательских интере-

¹¹⁸ *Бережная М.А.* Социальная тележурналистика : учеб. пособие / М.А. Бережная. СПб., 2005; *Иванян Р.Г.* Журналистика и социальная работа: природа и опыт институционального взаимодействия (Россия, конец XX — начало XXI веков) : автореф. дис. ... канд. политич. наук / Р.Г. Иванян. СПб., 2007; *Светлая полоса: специализация «Социальная журналистика»*. М., 2004 и др.

¹¹⁹ Петербургский Союз журналистов. 2004. № 5.

сов и программ и, во-вторых, о способе оптимизации взаимодействия с партнерами как внутри страны, так и за границей. Для примера скажем, что на кафедре социологии журналистики СПбГУ специфика многолетней работы заключалась в построении комплекса социальной теории журналистики. Социальная теория журналистики — это, вероятно, и было «фирменной» характеристикой научного коллектива, причем основанной на реальных результатах в исследовательской, публикаторской и педагогической сферах.

Но точное наименование — это, конечно, только дополнительная мера. В нашем распоряжении находится главное средство обеспечения достоинства отечественной журналистики — ее высокий интеллектуальный, гражданский и профессионально-нравственный уровень.

Вопросы для семинарских занятий

1. Интеллигентность и профессионализм журналиста: каковы соотношения качеств?
2. Какие личностные характеристики журналиста более всего необходимы современной журналистике?
3. Нравственность журналиста в общественном и служебно-карьерном измерениях.
4. Какое поведение журналиста заслуживает поощрения за честь и достоинство от лица профессионального сообщества?
5. Какими путями достигается повышение престижа журналистики в своей стране и за рубежом?

Задания для самостоятельной работы

1. Опишите пример журналиста как российского интеллигента.
2. Проанализируйте отечественные и зарубежные материалы, касающиеся престижа российской журналистики.

Библиографический список

Основная литература

1. Бакштановский В.И. Моральный выбор журналиста / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. — Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2002.
2. Десять интервью о политической журналистике : сб. интервью / под ред. Л.Л. Реснянской. — М. : Пульс, 2001.
3. Журналистика в мире политики: Исследовательские подходы и практика участия / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. — СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2004.
4. Информационная политика : учебник / под общ. ред. В.Д. Попова. — М. : Изд-во РАГС, 2003.
5. Шайхитдинова С.К. Информационное общество и «ситуация человека» : эволюция феномена отчуждения / С.К. Шайхитдинова. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004.

Дополнительная литература

6. Арапова Н.П. Социально-информациологический подход к теории информационных войн / Н.П. Арапова. — М. : Изд-во РАГС, 2007.
7. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом / В.Г. Афанасьев. — М. : Политиздат, 1975.
8. Бакштановский В.И. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. — Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005.
9. Бережной А.Ф. Отделение-факультет журналистики Ленинградского государственного университета в 1945-1985 гг. / А.Ф. Бережной. — СПб. : Ф-т журналистики СПбГУ, 2003.
10. Груша А.В. Формы и методы организации взаимодействия субъектов политики : пресса и политический диалог / А.В. Груша. — М. : Пульс, 2000.
11. Дзялошинский И.М. Российская журналистика в поисках модели развития / И.М. Дзялошинский // Роль прессы в формировании в России гражданского общества / отв. за вып. М. Дзялошинская. — М. : Ин-т гуманитарных коммуникаций, 1999.
12. Журналистика в мире политики: гуманистическое измерение : «Дни Петербургской философии—2006» / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. — СПб.: Ф-т журналистики СПбГУ, 2007.
13. Журналистика в мире политики: поиски назначения : «Дни Петербургской философии—2005» / ред.-сост. С.Г. Корконосенко, В.А. Сидоров. — СПб. : Ф-т журналистики СПбГУ, 2006.
14. Журналистика и политика / под ред. Я.Н. Засурского. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987.

15. Журналистика и политика / сост. М.М. Ковалева, Д.Л. Стровский ; под науч. ред. М.М. Ковалевой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004.
16. Журналистика и социология. Россия, 90-е годы / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. — СПб. : СПбГУ, 2001.
17. Журналистика и социология'2001. Политология журналистики / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. — СПб. : СПбГУ, 2002.
18. Журналистика и социология'2004. Культура общества и достоинство журналистики / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. — СПб. : Ф-т журналистики СПбГУ, 2005.
19. Журналистское образование в XXI веке / сост. Л.М. Макушин. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
20. Избранные страницы русской журналистики начала XX века / сост. Б.И. Есин, С.Я. Махонина. — М. : ЧеРо, 2001.
21. История печати : антология. — М. : Аспект Пресс, 2001.
22. Киричѐк П.Н. Публицистика и политология: природа альянса / П.Н. Киричѐк. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1995.
23. Киричек П.Н. Средства массовой коммуникации и информационная культура общества / П.Н. Киричек. — М. : Изд-во РАГС, 2006.
24. Киричек П.Н. Этика журналиста : учебник / П.Н. Киричек, О.В. Федотова. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004.
25. Коновченко С.В. Информационная политика в России / С.В. Коновченко, А.Г. Киселев. — М. : Изд-во РАГС, 2004.
26. Корконосенко С.Г. Патриотическое отношение к российской журналистике / С.Г. Корконосенко // Журналистика и мир культуры / ред.-сост. М.Н. Ким. — СПб. : Ф-т журналистики СПбГУ, 2007.
27. Корконосенко С.Г. Теории журналистики и практика прессы / С.Г. Корконосенко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2003. — № 2.
28. Кузин В.И. Газета — орган партийного комитета / В.И. Кузин. — Л. : Лениздат, 1971.
29. Кузин В.И. Психологическая культура журналиста : учеб. пособие / В.И. Кузин. — СПб. : СПбГУ, 2004.
30. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста : учеб. пособие / Г.В. Лазутина. — М. : Аспект Пресс, 2006.
31. Ламбет Эдмонд Б. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии / Эдмонд Б. Ламбет ; пер. с англ. — М.: Виоланта, 1998.
32. Лозовский Б.Н. Журналистика и средства массовой информации : краткий словарь / Б.Н. Лозовский. Изд. 2-е, испр. и доп. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.

33. Мангейм Дж. Б. Политология. Методы исследования / Дж. Б. Мангейм, Р. К. Рич. — М. : Весь Мир, 1997.
34. Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации / В.Д. Мансурова. — Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 2002.
35. Маркс К. Оправдание мозельского корреспондента / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1.
36. Маров В.Н. Предмет и проблемы медиаполитологии / В.Н. Маров // XXI век начинается : актуальные вопросы журналистики / сост. Л.М. Макушин. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
37. Миллер Эдвард Д. Шарлоттский проект. Как помочь гражданам взять демократию в свои руки / Эдвард Д. Миллер. — М. : Виоланта, 1998.
38. Мукусев В.В. Разберемся... Фрагменты интервью разных лет, выступлений, статьи, сценарии и расследования разных / В.В. Мукусев. — М. : Флинта, 2007.
39. Мэйс Иан. Работа над ошибками : опыт омбудсмена газеты «Гардиан» / Иан Мэйс ; пер. С. Аникеева. — М. : Ин-т проблем информ. права, 2005.
40. Норденстренг К. Роль средств массовой информации в обществе: уроки России / К. Норденстренг // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2001. — № 3.
41. Норденстренг К. Структура медийной этики, или Как регулировать этические вопросы в демократическом обществе / К. Норденстренг // Саморегулирование журналистского сообщества: опыт и проблемы жизнедеятельности. Перспективы становления в России / под ред. Ю.В. Казакова. — М. : Стратегия, 2003.
42. Панарин А.С. Политология : учеб. пособие / А.С. Панарин. — М. : Гардарики, 2004.
43. Парламентская журналистика : ретроспектива, теория, практика / отв. ред. И.Н. Тхагушев. — М. : Ф-т журналистики Моск. ун-та, 2000.
44. Пасти С. Российский журналист в контексте перемен. Медиа Санкт-Петербурга / С. Пасти. — Тампере : Tampere University Press, 2004.
45. Педагогика журналистики: взгляды и опыт / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. — СПб. : Ф-т журналистики СПбГУ, 2006.
46. Политики о политической журналистике : десять интервью / под ред. Л.Л. Реснянской. — М. : Ф-т журналистики Моск. ун-та, 2003.
47. Попов В.Д. Социальная информациология и журналистика : учеб. пособие / В.Д. Попов. — М. : Изд-во РАГС, 2007.
48. Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность / М. Прайс. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.

49. Проблемы региональной журналистики / отв. ред. Н.С. Ярыгина. — Тольятти : ТГУ, 2002.
50. Прозоров В.В. Власть и свобода журналистики / В.В. Прозоров. — М. : Флинта, 2005.
51. Профессиональная этика журналистов. Т. 1 : документы и справочные материалы / сост. Ю.В. Казаков. — М. : Галерея, 2002.
52. Прохоров Е.П. Журналистика и демократия / Е.П. Прохоров. — М. : РИП-холдинг, 2001.
53. Пугачев В.П. Введение в политологию : учебник / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. — М. : Аспект Пресс, 2002.
54. Реснянская Л.Л. Политическая журналистика / Л.Л. Реснянская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2000. — № 4.
55. Сиберт Ф.С. Четыре теории прессы / Ф.С. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. — М. : Вагриус, 1998.
56. Сидоров В.А. Политическая культура средств массовой информации / В.А. Сидоров. — М. : Луч, 1994.
57. СМИ — общество — образование / отв. ред. И.А. Фатеева. — Челябинск : Изд-во Челяб. ун-та, 2007.
58. Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры / под ред. В.Ф. Олешко. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Изд. дом «Филантроп» , 2005.
59. Соловьев А. И. Политология : политическая теория, политические технологии : учебник. М. : Аспект Пресс, 2001.
60. Социально-политическое функционирование журналистики / ред.-сост. В.А. Сидоров. — СПб. : СПбГУ, 2005.
61. Социология журналистики : учеб. пособие / под ред. С.Г. Корконосенко. — М. : Аспект Пресс, 2004.
62. Тавокин Е.П. Массовая коммуникация : сущность и состояние в современной России / Е.П. Тавокин. — М. : Граница, 2005.
63. Толерантность: журналистика, политика, культура / ред.-сост. С.М. Виноградова, С.Г. Корконосенко. — СПб. : СПбГУ, 2003.
64. Уэбстер Ф. Теории информационного общества ; пер. с англ / Ф. Уэбстер. — М. : Аспект Пресс, 2004.
65. Ученова В.В. Публицистика и политика. 2-е изд., доп. / В.В. Ученова. — М. : Политиздат, 1979.
66. Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» // Законодательство РФ о средствах массовой информации. 2-е изд., испр. и доп. / ред.-сост. А. Г. Рихтер. — М. : Центр «Право и СМИ», 1999.

67. Федеральный закон РФ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». — М. : Омега-Л, 2008.
68. Чевозерова Г.В. Гражданское общество и средства массовой информации : теоретико-методологический анализ проблем взаимодействия : учеб. пособие / Г.В. Чевозерова. — Тольятти : ТГУ, 2007.
69. Чевозерова Г.В. Коммуникативные технологии : СМИ как гражданские коммуникации : учеб. пособие / Г.В. Чевозерова. — Тольятти : ТГУ, 2007.
70. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра : пер. с фр. / П. Шампань. — М. : Socio-Logos, 1997.
71. Шкондин М.В. Система средств массовой информации как фактор общественного диалога / М.В. Шкондин. — М. : Пульс, 2002.
72. Яковлев И.П. Современные теории массовых коммуникаций / И.П. Яковлев. 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Роза мира, 2007.
73. Alternatives on Media Content, Journalism, and Regulations: The grassroots discussion panels at the 2007 ICA Conference / ed. by Seeta Peña Gangadharan, Benjamin De Cleen, Nico Carpentier. Tartu University Press, 2007 : http://www.researchingcommunication.eu/reco_book2.pdf.
74. Macfarlaine, A. Many Worlds, One Voice: the Macbride commission / A study in irony / A. Macfarlaine // CAEJAC Journal. Vol. 11. 1987–1988.
75. McQuail, D. McQuail's Mass Communication Theory. 5th ed. London: Sage. 2005.
76. Merrill, J. The Imperative of Freedom. A Philosophy of Journalistic Autonomy / J. Merrill. New York: Hastings House, 1974.
77. Picturing Politics. Visual and Textual Formations of Modernity in the Swedish Press / Karin Becker, Jan Ekecrantz & Tom Olsson (eds). Stockholm, 2000.
78. Taking Sides. Clashing Views on Controversial Issues in Mass Media and Society / selected, ed., and introductions by Alison Alexander and Jarice Hanson. 6th ed. Guilford (Connecticut): McGraw-Hill/Dushkin, 2001.
79. Towards Equity in Global Communication. MacBride Update / ed. by R. Vincent, K. Nordenstreng, M. N. G. Traber. Cresskill: Hampton Press, Inc., 1999.
80. Tunstall, J. Communication Deregulation. The Unleashing of America's Communication Industry / J. Tunstall. Oxford; New York, 1996.

Содержание

Введение.....	3
<i>Часть I. Журналистика в современном социальном мире</i>	
1. Социально-научный взгляд на развитие журналистики.....	6
Российское общество без российской журналистики?.....	6
Потребность практической журналистики в научном обосновании.....	14
Развитие журналистики: спонтанность и моделирование.....	19
2. Журналистика как институт демократии.....	34
Журналистика в системе демократии и социального управления.....	34
Отношения журналистики с государством, капиталом и обществом.....	41
Журналистика и политика: границы автономии.....	48
3. Политическое знание о журналистике.....	60
Политология журналистики как направление анализа прессы.....	61
Политология журналистики как социальная теория журналистики.....	70
Политические факторы развития политологии журналистики.....	77
<i>Часть II. Журналистика как общественная деятельность и профессия</i>	
4. Журналистика — часть национальной культуры.....	89
Потребность в патриотическом отношении к отечественной журналистике.....	89
Своеобразие и отличительные черты российской журналистики.....	94
Национальные ценности журналистского образования и науки	103
5. Концептуальные основания практической журналистики.....	114
Сущность журналистики: споры и варианты толкования.....	114
Жизнеподобие как сущностная характеристика журналистики..	124
Понятие и содержание деонтологии журналистики.....	134
Миссия и деонтологические принципы журналистики.....	140
6. Гражданственность журналистики: злоба дня или архаика?.....	148
Российский журналист как профессиональный интеллигент.....	148
Личность журналиста в общественном измерении.....	156
Престиж и достоинство журналиста.....	167
Библиографический список.....	178

Учебное издание

Сергей Григорьевич *КОРКОНОСЕНКО*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ
И ЖУРНАЛИСТИКА

Учебное пособие

В авторской редакции

Вёрстка: *Л.В. Сызганцева*

Дизайн обложки: *Г.В. Карасева*

Подписано в печать 11.0.2009. Формат 60×84/16.
Печать оперативная. Усл. п. л. 11,5. Уч.-изд. л. 10,7.
Тираж экз. Заказ № 2-09-09.

Тольяттинский государственный университет
445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

